

ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2017. № 2

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2017. № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – Президиум Национальной академии наук Беларуси

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси (*заместитель главного редактора*)

П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси (*заместитель главного редактора*)

М. С. Макрицкая (*ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет

В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси

М. П. Костюк – Институт истории Национальной академии наук Беларуси

И. В. Котляров – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси

А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси

М. В. Мясникович – Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь

Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Редакционный совет

- А. Н. Булько** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (*Республика Беларусь*)
- В. И. Васильев** – Академиздатцентр «Наука» Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук (*Российская Федерация*)
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь (*Республика Беларусь*)
- Герд Генцель** – Ольденбургский университет (*Федеративная Республика Германия*)
- А. Е. Дайнеко** – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию (*Республика Беларусь*)
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь (*Республика Беларусь*)
- В. И. Жук** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (*Республика Беларусь*)
- В. П. Изотко** (*Республика Беларусь*)
- В. А. Ильин** – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (*Российская Федерация*)
- С. П. Карпов** – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (*Российская Федерация*)
- И. Л. Копылов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (*Республика Беларусь*)
- Е. Миронович** – Белостокский государственный университет (*Республика Польша*)
- И. В. Саверченко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (*Республика Беларусь*)
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (*Республика Казахстан*)
- А. В. Смирнов** – Институт философии Российской академии наук (*Российская Федерация*)
- Янг Хионг** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук (*Китайская Народная Республика*)

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2017. № 2.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. В. Денищик*

Подписано в печать 14.04.2017. Выход в свет 27.04.2017. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 112 экз. Заказ 56.

Цена номера: индивидуальная подписка – 10,34 руб., ведомственная подписка – 25,29 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2017

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2017. No. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

*This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus

Editorial Board

- V. V. Gnilomedov** – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus
(*Deputy Editor-in-Chief*)
- P. G. Nikitenko** – National Academy of Sciences of Belarus (*Deputy Editor-in-Chief*)
- M. S. Makritskaya** (*Lead Editor*)
- Ye. M. Babosov** – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus
- G. A. Vasilevich** – Belarusian State University
- V. V. Danilovich** – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus
- M. P. Kostsiuk** – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus
- I. V. Kotlyarov** – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus
- A. A. Lazarevich** – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus
- A. I. Lokotko** – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus
- A. A. Lukashanets** – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus
- M. V. Myasnikovich** – Chairman, Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus
- D. I. Shirokanov** – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus

Editorial Council

- A. N. Bulyko** – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus
(*Republic of Belarus*)
- V. I. Vasilyev** – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and Publishing
Centre under the Russian Academy of Sciences, Head of the Book Culture Research Centre, Chairman of the Book Publishing
Council, International Association of Academies of Sciences (*Russian Federation*)
- P. A. Vodopyanov** – Belarusian State Technological University (*Republic of Belarus*)
- Gerd Hentschel** – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg (*Federal Republic of Germany*)
- A. Ye. Daineko** – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National
Academy of Sciences of Belarus (*Republic of Belarus*)

- A. I. Zhuk** – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University (*Republic of Belarus*)
V. I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (*Republic of Belarus*)
V. P. Izotko (*Republic of Belarus*)
V. A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences (*Russian Federation*)
S. P. Karpov – M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Academy of Sciences (*Russian Federation*)
I. L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (*Republic of Belarus*)
E. Mironowicz – University of Bialystok (*Republic of Poland*)
I. V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (*Republic of Belarus*)
A. A. Satybaldin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (*Republic of Kazakhstan*)
A. V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (*Russian Federation*)
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences (*People's Republic of China*)

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum. belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

Humanitarian Series, 2017, No. 2.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. V. Dzianishchyk*

Signed to print on 14.04.2017. Published on 27.04.2017. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 112 copies. Order 56.
Number price: individual subscription – 10.34 BYN, departmental subscription – 25.29 BYN.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address : F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Левко А. И. Философия в современном социально-культурном пространстве: традиционные функции и новые задачи	7
Спасков А. Н., Козина О. А. Онтологические основания “окончательной физической теории”	17
Кляр А. А. Совершенствование кадрового потенциала Вооруженных Сил Республики Беларусь	25

ГІСТОРЫЯ

Бароўская В. М. Дзейнасць Камісіі па ацэнцы страт, нанесеных эканоміцы БССР польскай арміяй і акупацыйнымі ўладамі	36
Мацук А. У. Палітычныя пазіцыі перадканвакацыйных соймаў ВКЛ у 1733 г.	41
Григорьев В. В. Гуннский фактор в этнических и политических процессах в Европе в IV–VI вв. н. э.	53

МОВАЗНАЎСТВА

Лобанова Т. С. Сложнопричастные образования в Библии Лютера	60
Копач А. І. Семіятычныя асаблівасці тапонімаў : сігматыка-прагматычны погляд	66

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Скачкоў Д. С. Танец Бута: асноўныя прынцыпы і іх асэнсаванне ў сучасным беларускім пластычным тэатры	76
Ляшкевіч А. І. Тэмы провадаў зімы і сустрэчы вясны ў масленічных абрадах беларускага Палесся	82

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Панфілава А. С. Герменеўтыка жанру філасофскай лірыкі	91
Леська Л. П. Міфалагічны ўрбанізм Яна Баршчэўскага	99

ПРАВА

Василевич Г. А., Чудаков М. Ф. Конституционный процесс в Беларуси (история и современность)	106
Михайленко Д. Г. Политическая воля – приоритетный фактор уголовно-правового противодействия коррупции	122

CONTENTS**PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY**

Levko A. I. Philosophy in Today's Sociocultural Space: Traditional Functions and New Tasks	7
Spaskov A. N., Kozina O. A. Ontological Grounds of the Theory of Everything	17
Kliar A. A. Strengthening the Human Resources Capacity of the Belarusian Armed Forces	25

HISTORY

Borovskaya O. N. Activity of the Commission for the Evaluation of Damages Caused to the BSSR Economy by the Polish Army and Occupation Authorities	36
Matsuk A. V. Political Standpoints of the Pre-Convocation Sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania in 1733	41
Grigoriev V. V. Hunnish Factor in the Ethnic and Political Processes in Europe in 4th–6th Centuries A. D.	53

LINGUISTICS

Lobanova T. S. Compound Participles in the Luther Bibles	60
Kopach A. I. Semiotic Peculiarities of Place Names: A Sigmatic and Pragmatic Views	66

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Skachkov D. S. Butoh Dance: Basic Principles and Their Reflection in the Contemporary Belarusian Physical Theatre	76
Leshkevich Ye. I. Region Motives of Bidding Farewell to Winter and Greeting Spring in Shrovetide Rites in Belarusian Polesie	82

LITERARY SCIENCE

Panfilova A. S. Hermeneutics of the Philosophical Lyrics Genre	91
Lesko L. P. Jan Barszczewski's Mythological Urbanism	99

LAW

Vasilevich G. A., Chudakov M. F. Constitutional Process in Belarus (History and the Present)	106
Mykhailenko D. G. Political Will as the Primary Factor in Combating Corruption through Criminal Action	122

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 101.1:316+130.2

Поступила в редакцию 05.04. 2016

Received 05.04.2016

А. И. Левко

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Философия, по мнению автора, не сводима лишь к науке ни по своему происхождению, ни по своей сущности. Отправными пунктами философского познания являются самосознание, внутренний мир самого познающего, а также его связи со знаками и символами сверхъестественного идеального мира и процессами идеализации и идентификации. Первоначально она предстает как «древнее искусство риторического состязания», или древняя игра ума, способ социального врачевания в виде своеобразных пародий на существующую реальность, постепенно обретая форму рефлексивного мышления, на протяжении столетий рассматриваемого как выражение самой сущности философского познания. В условиях постнеклассической рациональности XXI столетия она вновь обретает облик социально-культурного феномена, неразрывно связанного с символами и смыслами культуры, ценностями и нормами, не только выражающими сущность мировых процессов и явлений, но и определяющими сами условия существования человечества.

Исходным пунктом становления и развития европейской философии является акт внутреннего самосозерцания, первоначально почерпнутый из мифологических мировоззренческих представлений, проявляемых в виде национального культурного кода через мышление человека, его религиозные убеждения и игровые состязательные формы поведения и деятельности в социуме. Осознавая себя неотъемлемой частью национальной, народной, общечеловеческой культуры, философия становится важнейшим фактором цивилизационного развития. Философские интеллектуальные традиции и их смена по существу являются выражением соответствующей ценностно-нормативной, логико-смысловой формы ее взаимодействия со всеми видами общественного сознания, придавая им форму религиозных, научных и других знаний.

Ключевые слова: культура, мышление, логика, ценности, значение, смысл, общественное сознание, самосознание, убеждения.

A. I. Levko

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHY IN TODAY'S SOCIOCULTURAL SPACE: TRADITIONAL FUNCTIONS AND NEW TASKS

Philosophy, the author suggests, cannot be limited to mere science either by its origin or essence. The starting point of philosophical cognition is self-awareness – the inner world of the cognizing person – and its connections with signs and symbols of the supernatural ideal world and the processes of idealization and identification. It originally appears as an “ancient art of rhetorical competition” or an ancient mind game, as a way of social healing in the form of parodies of the reality, gradually acquiring the form of reflective thinking which for centuries was viewed as the expression of the very essence of philosophical cognition. In the conditions of post-nonclassical rationality of the 21st century, it regains the shape of a sociocultural phenomenon that is inextricably linked to cultural symbols and senses, values and norms that both express the essence of global processes and phenomena and determine the very conditions of human existence.

The outset for the formation and development of European philosophy is the act of internal self-observation initially derived from mythological views of the world manifested as a national cultural code through a man's thinking, his religious beliefs and competitive game forms of conduct and activity in society. Viewing itself as an integral part of national, ethnic and universal culture, philosophy becomes the key factor of civilizational development. Intellectual traditions and their change in philosophy are per se an expression of how it interacts, in terms of values, norms, logic and sense, with all types of social consciousness, shaping them into religious, scientific and other knowledge.

Keywords: culture, thinking, logic, values, meaning, sense, social consciousness, self-awareness, beliefs.

Наука есть сфера человеческой деятельности, функциями которой являются выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Философия целостно постигает сущность явления путем индивидуального, творческого освоения форм культуры. Она позволяет культивировать, созидать новые формы реальности, не ограничиваясь лишь отражением, объяснением и интерпретацией существующих форм и прогнозированием их развития, и в этом плане является основной предпосылкой инновационной деятельности. По своей структуре она представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных учений о познании (гносеология), бытии (онтология), ценностях культуры (аксиология), знаниях (эпистемология), которые на протяжении ее исторического развития позволяли ей за счет внутренней интеграции принимать форму искусства, религии и науки, теории и духовной практики. Благодаря этому философия выступает как бы связующим звеном между всеми существующими и существовавшими когда-либо формами общественного сознания: мифологией, религией, наукой, обыденным сознанием. Современная философия одновременно предстает как методология науки и как разновидность социально-культурной практики, оказывая существенное влияние на политику и экономику, идеологию государств, принципы и методы социально-культурного развития общества. Доминирование той или иной компоненты философского знания и форма философского мировоззрения всегда в той или иной мере адекватны требованиям соответствующей исторической эпохи, проблемы которой она стремится понять и предложить адекватные способы их решения, или вызовам социального времени, способы реагирования на которые она пытается найти.

С древних времен философия предстает как любомудрие, или любовь к мудрости. Вот только споры относительно того, что и кого считать мудростью и мудрецом, ведутся с момента ее возникновения и продолжают до сих пор. Не ясно пока, что послужило основой философского знания, как оно связано с другими формами общественного сознания на каждом этапе своего исторического развития. Можно ли считать мудрецом человека, руководствующегося здравым смыслом, исходя из жизненного и социально-культурного опыта своих предков, ценностей и норм культуры своего народа или же мудрость выражается лишь в логике абстрактного мышления и приобретенных с помощью образования знаний, умений и навыков? Иными словами, выражается ли в мышлении мудреца лишь рациональная сущность окружающего его мира или же его мудрость неотъемлема от самих социально-культурных условий его существования? Как связана она с самосознанием, внутренним миром самого познающего, а также его связями со знаками и символами сверхъестественного и процессами идеализации и идентификации? На протяжении столетий ответ на поставленные вопросы давался преимущественно с позиции рационального мышления, рассматриваемого как выражение самой сущности философского познания.

«Проблема взаимоотношений рациональности и ценности является сверстницей самой философии как рациональной формы мировоззрения, сохраняющей имплицитную “аксиологичность” самого философского мышления. Поскольку, во-первых, рациональность есть атрибутивное свойство человеческого сознания, проявляющееся в мышлении и языке. И, во-вторых, человеку как субъекту мыслительной деятельности присущи “эмоционально-ценностные факторы”» [3, с. 54].

Приоритет рациональности философского знания, наблюдаемый на протяжении всей истории развития философии, определяется тем, что ценностно-нормативная компонента знания может быть выражена лишь в рациональной форме оценочных и ценностных понятий и суждений. Отсюда и происходят все проблемы рациональности, естественно, различные на разных этапах эволюции философского знания.

Долгое время считалось, что именно принципы рационализма, заложенные в основу жизнедеятельности людей, и служат своеобразной визитной карточкой философии и представляющего ее философа. По существу философия в основном сводилась к одному из своих компонентов – гносеологии. Рационализация философского знания со временем лишь усиливается. Уже к концу XVII в. складывается идеал и культ классической науки на основе механики Галилея – Ньютона. Для Декарта, например, как наиболее яркого представителя классической рациональности сознание – акт внутреннего самосозерцания или самосознания, проявляемого через

мышление. *Мышление* – процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности. При изучении мышления мысль обращается на самое себя, пытаясь понять собственные законы как законы логики. В связи с этим Декарт считал главным «правила для руководства ума» и «учение о методе».

Разработка соответствующей методологии научного познания потребовала от гносеологизированной философии очищения ее «рациональности» от оценочных и ценностных понятий и суждений, также рациональных по форме, но по содержанию не подвластных ни эмпирическому, ни дедуктивно-логическим критериям верификации и объявленных поэтому предрассудками, отнесенными к смутным формам познания (Т. Гоббс, Б. Спиноза).

Своеобразным образцом философии Нового времени чаще всего называются исследования Гегеля, в которых философия предстала «как *мыслящее рассмотрение* предметов», «особый способ мышления», «*мыслящий дух*», «порожденные *размышлением* мысли» о способах сознания. Гегель в своем философском творчестве всецело ратует за торжество научного подхода в противовес многочисленным попыткам выдавать свои «бесконечно *различные мнения*», «*суетливость* и стремление к *обособленности* своего мнения и бытия» [4, с. 46] за истину в последней инстанции. Научный подход в философии он непосредственно связывает с последовательным и неуклонным следованием законам и принципам логики.

Однако акцентирование внимания лишь на логике или гносеологии ведет к подмене действительности ее идеальной формой в виде той или иной теоретической схемы и категориального анализа, выражающего сущность тех или иных предметов и явлений, но не сами предметы и явления. Ведь любое абстрактное понятие, будучи идеальной моделью действительности, само по себе не является такой же реальностью, как и классифицируемые с его помощью предметы и процессы. К тому же наука выражает закономерные связи, необходимость, но не свободу воли человека. Она ориентирована лишь на объективное знание, оставляя вне анализа и объяснения проблему самого субъекта и превращая его в элемент системы (экономической, политической, социальной, технической и др.), заменяя свободу выбора той или иной деятельности ее организацией. Будучи формой рационального сознания, наука чаще всего бессильна при объяснении иррациональных, аффективных форм поведения людей. Противоречия между сущностью и существованием, объектом и субъектом, идеальным и материальным, теоретическим и эмпирическим, свободой и необходимостью и т. д. невозможно разрешить лишь на основе диалектической логики, даже придав ей онтологический статус, как это сделал в свое время К. Маркс. Для разрешения этих противоречий требуется выход за рамки гносеологии в область онтологии, аксиологии и эпистемологии. Но в истории философии наблюдался как раз обратный процесс. Уже в поздней схоластике намечается поворот от онтологии как метафизики бытия к учениям о бытии познаваемых объектов (универсалий, чисел, геометрических фигур и др.). По мнению авторов, «в философии нового времени проблема онтологического статуса объектов научного познания становится наиболее важной частью учений о бытии, призванных прежде всего не столько обосновать, сколько объяснить те или иные гносеологические конструкции. Онтология рационализма Нового времени становится зависимой от гносеологии (Декарт, Спиноза, Лейбниц), а онтология эмпиризма – от методологии науки (Лок, Юм)» [10, с. 107].

Смещение исследовательского интереса с гносеологического рассмотрения различных проявлений бытия к постижению его социально-культурной сущности происходит лишь по мере переосмысления природы самого рационального познания и перехода философии от классического к постнеклассическому уровню своего развития. Если для классической философии этот интерес аккумулировался преимущественно в плоскости философского изучения природы и соответствующих ей форм бытия и их познания, то в постклассической философии в качестве центральной онтологической проблемы выступает уже бытие человека и его духовный опыт. Поворотным моментом в развитии онтологии человеческой субъективности явилась философская концепция М. Хайдеггера, акцентировавшая внимание на фундаментальном характере человеческого бытия. В XX в. эта тема получила наиболее детальную разработку в экзистенциально-феноменологической философии, непосредственно обратившейся к аналитике человеческого существования и выявившей ряд аксиологических параметров бытия человека в мире.

Постмодерністская філосафія, ісходзячая з трактовкі рэальнасці як тэкста, падкрэслена артыкулюе быццё лішч ў якасцё разнаобразных дыскурсіўных практык, рэалізуюцца ў камунікатывных языковых іграх.

«Вместе с тем в философии, – по мнению авторов, – никогда не исчезал интерес к изучению различных видов и форм бытия. Основные виды бытия – материальное и идеальное (духовное) – предстают в форме природного, социального, духовного и человеческого миров. Под влиянием современной информационно-компьютерной революции ряд авторов сегодня склоняются к необходимости исследования и так называемого виртуального бытия» [12]. Постигание его природы способствовало преодолению того противостояния между философией, религией и мифологией, которое с позиции методологии позитивизма казалось непреодолимым.

На протяжении многих лет своего развития философия все больше дистанцировалась не только от здравого смысла повседневной реальности, но и мифосимволических и религиозных предпосылок философского мышления. Она все больше обрела форму науки, «возникшей и развивающейся под воздействием доминирующей интенции на ограничение (и даже элиминацию) сферы субъективного (эмоций, предрассудков, эстетических предпочтений и др.) как в самом отношении к реальности, так и в результирующем его знании» [7, с. 36].

Вместе с тем философия существенно отличается от науки, абстрагирующейся от личностно-субъективных мнений и оценок познаваемой реальности и ограничивающейся вычленением лишь ее предметного аспекта. «Философия, – утверждает А. И. Зеленков, – в принципе не может абстрагироваться от этого человеческого или субъективного контекста познания, поскольку действительность в ней всегда дана посредством сознания и через него... К тому же она не только отражает существующее, но и формирует представления о должных или ценных для человека и общества формах природного, социального и духовного бытия. Она покидает пределы опытного знания и претендует на то, чтобы формировать представления о том, что в опыте не дано. Это позволяет философским идеям приобретать статус «метафизических», которые не могут опираться только на научные методы и знания, а требуют обращаться к умозрению, творческому продуктивному воображению и пониманию» [12].

В своем развитии установку на науку, как и на религию, философия во многом обрела еще в древности. И объяснение следует искать в социально-культурной ситуации того времени. Основатель баденской школы неакантианцев Вильгельм Виндельбанд считает, что начало этой традиции заложил Платон: «При нем культурный идеал человечества – придать своей жизни определенный образ при помощи науки – нашел свое воплощение в виде образа для всех времен... Эта историческая позиция Платона основана на том, что свои убеждения о сущности, ценности и цели науки – убеждения, проникающие во всю его жизнь и его учение, – он развил и творил, исходя из потребности и нужд греческого мира» [2, с. 165].

Практическая ценность знания, которого требовало это историческое время, состоит по теории и практике в возрастании мощи стремящихся к власти и господству индивидов. Против этого, по мнению Виндельбанда, и восстал благородный патриотизм величественности афинского гражданина. От науки он требовал, чтобы она делала гражданина дельным не для защиты личных намерений, а способным служить Отечеству. От организации общественной жизни, по мнению философа, зависит также свобода мысли и действия граждан того или иного государства или цивилизации. «Проблема свободы, – считает Виндельбанд, – в бесконечно разнообразных вариантах повсюду вырастает из этого сознательного законодательства, которому подчинена наша повседневная жизнь: законодательства принужденного и естественного процесса и законодательства долженствования и идеального предпочтения. Лишь начиная с того времени, когда возникло представление о божественном велении и о грехе как его нарушении, когда была осознана противоположность между естественным и божественным порядком, лишь тогда возникла проблема свободы» [2, с. 184].

Этому, считает Виндельбанд, «способствовала прерывающаяся естественную необходимость форма психической жизни, которая привила чувство величия. Эта проблема коренится в чувстве ответственности. Объективному мировоззрению проблема свободы известна только с ее моральной стороны». В этой области каждый осознает, что существует система предписаний, которые он должен выполнять и от которых он в большей или меньшей степени уклоняется в своем действитель-

ном волеии и поведении. Однако прежде всего необходимо указать на то, что народным массам было доступно в этой области лишь чувство ответственности под действием наших гражданских учреждений, с одной стороны, и религиозных убеждений – с другой, оно сравнимо с чувством страха перед неприятными последствиями, выраженными в гражданском осуждении [2, с. 186].

Не следует забывать, что на протяжении столетий средневековья философия выступает в роли «служанки» богословия. Философские и религиозные исследования этой эпохи фактически тождественны. Философия обретает облик искусства, религии или науки не только в зависимости от стадии своего развития и господствующей на этой стадии формы рационального мышления, но и от типа того общества, в котором она функционирует и развивается. И в этом отношении достигнутые к этому времени результаты духовного развития всего человечества всегда преломляются через исторический опыт развития соответствующей цивилизации. Задачи, которые она решает в различные исторические эпохи, принципиально различны и далеко не схожи с теми, которых требует создавшаяся ситуация в современном обществе, так как в социально не дифференцированном обществе роль личности в общественном развитии ничтожна мала по сравнению с современной эпохой.

Как отмечает В. Виндельбанд, до сих пор не было эпохи, когда индивид до такой степени участвовал бы в общей жизни, как в наше время. Каждый человек вынужден неизбежно пребывать со своими интересами, своей работой, своей судьбой в жизни коллектива. Инновационная деятельность неразрывно связана с социальной традицией, ценностно-нормативными преобразованиями и в этом плане становится своеобразным выражением требования времени.

Под влиянием изменившейся социальной ситуации изменяется и сама природа рациональности. Если для древних греков выражением сущности человека выступал его разум, то для современной философии выражением его сущности выступает культура общества, представителем которой он является. Ее ценности и нормы становятся основной предпосылкой развития неклассического и постнеклассического мышления современного человека. Для XVIII столетия, или эпохи господства механики и мышления, конструирования реальности, гносеологический научный принцип был, безусловно, прогрессивным. Сегодня становится очевидным, что научно-технический прогресс обернулся духовно-нравственным регрессом. Господствовавшая до сих пор познавательная установка поставила философию, как и науку, в определенных отношениях в оппозицию к традиционным формам духовного освоения мира: религии, искусству, нравственности, обыденному здравому смыслу, а также политике.

Оптимизм философского рационализма основывался на забвении того факта, что само познание является социально-культурным феноменом и в принципе невозможно без символов, норм, смыслов культуры. Последняя долгое время представлялась чем-то производным от потребностей самого человека и способов их удовлетворения и основывалась на представлении о человеке как мере всех вещей, способном обходиться без веры в богов и трансцендентальные ценности. При этом свобода от всяких культурных ограничений, свобода воли представлялись как выражение естественных прав человека, а либеральные ценности – как проявление подлинной демократии.

«Культура как особая предметность специально организованной философской рефлексии и научного исследования, – подчеркивал В. П. Абушенко, – конструируется достаточно поздно. Более того, введение проблематики культуры в фокус философских и научных анализов растягивается во времени на полтора века – с конца XVII до начала XX в. Этот процесс мог быть связан с кризисом классического и становлением неклассического философского и научного знания, изменением самих представлений о таких базисных для европейской культуры Нового времени понятиях, как «рациональность», «метод», «истина», «реальность», «знание». Окончательное конституирование и институализация социальных и гуманитарных дисциплин, как и анализ их современного состояния, не могут быть адекватно реконструированы и осмыслены без обращения к специфике освоения ими проблематики культуры» [1, с. 44].

Дискурс о культуре начинается с попыток реализации программ Просвещения и заканчивается констатацией их исчерпанности и дискредитации в XX в. Тотальному пересмотру были подвергнуты практически все концепты философии, принципы универсализма европейских дискурсов и методологические основания философского и научного познания. Г. П. Выжлецов

отмечал: «Взаимоотношения рациональности и ценности принципиально меняются на третьем – аксиологическом этапе европейской философии (1860–2000-е гг.), когда на первый план вышло философское осмысление ценностей человеческого бытия и познания. Эти изменения произошли под влиянием глобальной переоценки ценностей и смены приоритетов ценностно-ориентационной деятельности практически во всех сферах жизни и культуры» [3, с 55]. Период 1860–1890-х гг., будучи началом аксиологического этапа, открывает, соответственно, и историю аксиологии, составляя ее предклассический период. Его ключевой фигурой, наряду с Р. Г. Лотце, который в рамках рационализма обосновал философский статус значимости, открывающей, наряду с должным, всю аксиологическую проблематику, стал представитель философии жизни, Фридрих Ницше. С иррационалистических традиций в преддверии XX в. Ф. Ницше осуществил кардинальную переоценку ценностей. «Вопрос о ценностях, – считал он, – фундаментальнее вопроса о достоверности», ибо «ценность для жизни является последним основанием» [9, с. 229, 281].

Примерно с 1970-х гг. можно говорить о постнеклассическом этапе развития науки и возвращении философии к своим исходным принципам развития, формированию и закреплению в ней роли социально-культурной парадигмальности. Для современного философского и социогуманитарного знания ничто не может быть адекватно постигнуто (познано) вне тех культурных контекстов, к которым оно имеет (имело) отношение.

Введение культурного контекста в методологию философского познания произвело своеобразный мировоззренческий переворот, повлекший за собой переосмысление всех основных философских категорий. Социальное пространство и время, объект и субъект познания, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное и т. д. с этого времени начали трактоваться с позиции отражаемого в них единства сущности и существования, символической природы знаний, игровой и других видов деятельности. Через призму культурологических установок философии постмодернизма библейское изречение «сначала было слово» обрело отнюдь не только религиозный смысл. Оказалось также, что философия и ее мышление не столько возвышаются над всеми остальными формами общественного сознания, сколько неразрывно связаны с ними, имея в качестве важнейших предпосылок своего развития мифологические, семантические, духовно-нравственные и другие компоненты обыденного сознания.

И именно запросы социально-культурной практики, проявляемые как вызовы своего социального времени, а не стратегии абстрактно-логического мышления, ориентированного на мировоззренческие абсолюты, служат основой современного цивилизационного развития. Ибо сама по себе цивилизация есть не что иное, как соответствующий социально-культурный тип общества. Он характеризуется своей системой социальных отношений и деятельности, родственных языков как средств общения, ценностей и норм, придающих определенный смысл и направленность человеческой активности и задающих конкретное содержание культуре мышления данного социального времени. В одних цивилизациях культура мышления определяется духовно-нравственным и символическим эстетическим содержанием, в других – философской рефлексией и научным познанием.

Мышление в системе цивилизационного развития предстает не только и не столько как психолого-физиологический феномен или акт внутреннего самосозерцания, сколько как социально-культурный феномен. Его формирование и развитие неразрывно связаны с ориентацией на Другого, с существующими формами социального взаимодействия (коммуникационного, производственного, социально-бытового) и социальной деятельности (игровой, трудовой, рекреационной, развлекательной и т. п.). По своей структуре оно является не только рефлексивным, но и аффективным проявляемым в переживании действительности, ценностно-нормативным, имеющим определенные культурные смыслы, и коммуникативным, связанным с соответствующими культурными кодами общения (вербальными, невербальными, имитационными и др.).

Различные исторические эпохи и цивилизации различаются между собой не только научно-техническими, художественными и другими достижениями, но и культурой ума.

Культура мышления стала своеобразным индикатором развития современной философии, через призму которой проблема объекта и субъекта познания обрела совершенно иной смысл. Исследуя проблему смысла, уже современный выдающийся французский мыслитель Ж. Делёз порывает с устоявшейся метафизической философской рефлексивной традицией, отмеченной

связкой Платон–Гегель, которую он назвал «бюрократией чистого разума». В разработанной им оригинальной философской концепции смысл напрямую связывается с нонсенсом и парадоксами, присутствующими как в логике, так и собственно творческой деятельности. Противопоставляя себя традиционной позиции в исследовании мышления, Ж. Делёз опирается на работы Кэррола, Ницше, Фрейда, стоиков, предлагая при этом новые стратегии мысли в нашем непрестанно меняющемся мире. «Главный принцип философии, – отмечает Делёз, – состоит не в том, чтобы отражать (рефлексировать) то, что выступает как налично данное. Речь скорее идет о созидании понятий, но не «понятий о чем-то», что уже пред-существует и требует своего осмысления, а понятий о том, что еще должно стать объектом, чего пока нет на самом деле», т. е. о мыследеятельности. Именно в этом случае, по его мнению, философ становится «врачом цивилизации», ибо хотя «врач не изобрел болезнь, он, однако, разъединил симптомы, до сих пор соединенные, сгруппировал симптомы, до сих пор разъединенные, – короче составил какую-то глубоко оригинальную клиническую картину» [5, с. 5].

Ж. Делёз противопоставляет себя «классической» линии философствования, отмеченной связкой Платон–Гегель и полагающей смыслы уже пред-данными. Смыслы порождаются – порождаются событием, и анализу этого смысла-события посвящается вся работа Делёза, требующая выхода за пределы традиционных построений, базирующихся на трансцендентализме и феноменологии.

Местом, где возможно такое «выхождение за пределы» не только указанных философских стратегий, но и «статичного» понимания жизни и бытия, Делёз считает язык и прежде всего его выразительную функцию. Смысл выражается предложением, но присутствует в вещах. Это различающая и одновременно соединяющая граница между вещами и предложениями. Вторым аспектом данной философии является «бракосочетание», по выражению Ж. Делёза, между языком и бессознательным, благодаря которому и проявляется парадокс: смысл – это не существующая сущность.

В качестве третьего аспекта философии Ж. Делёза выступает символическая «смерть субъекта», растворение его в безликом вербальном поле текста. Согласно ему, субъективности без рассказа-текста не существует. Чувственная сфера в целом перестает быть центрированной и персонифицированной субъектом. Он предстает в социальном сообществе уже не как самостоятельная личность, а как своеобразное выражение «Мы» (мужчина, женщина, представитель определенной национальности, житель города), принадлежность к которым основана на культурной идентификации с социальной группой на основе символов мужественности, женственности и т. п. И в этом своем качестве он руководствуется не столько рефлексивным мышлением, сколько коллективным бессознательным или архетипами культуры.

Истоки же коллективного бессознательного коренятся еще в мифологии, которая, по мнению, например, Ф. Ницше, выражала чувства страха (дионисийское начало) и чувство героизма, направленное на преодоление такой зависимости от богов (аполлоническое начало). Своеобразной же практикой воздействия на духовный мир, в том числе и мир богов, в это время выступала магия, которая послужила основой зарождения искусства. Изобразительное (пещерная живопись) и другие виды искусства, по мнению ряда исследователей, первоначально возникли как разновидность магических действий: «В охотничьей группе искусство было ничем иным, как колдовским актом, как магией. Изображая зверя, охотник вместе с тем овладевал им, подчинял своей власти. В основе этого умопостроения лежит магия как известное «мировоззрение», исходившее из того убеждения, что стоит только воспроизвести что-то, и оно станет действительностью» [13, с. 23].

Постепенно такая практика общения с духами и богами обретает форму искусства, в качестве которого на первых порах и выступала философия как искусство слова, риторика. В феодально-земледельческих общественных организациях искусство, по мнению Ф. Фриге, продолжает играть ту же практическую социально-утилитарную роль, превращаясь, однако, из художественно магического действия в религию – культовый акт.

В таком качестве философия не в состоянии была бы стать основой жизнедеятельности человека, если бы не нашла адекватные формы связи духовного, в том числе и иллюзорного, фантастического, с биологическим, природным началом активности человека. И в качестве такого начала выступила игра, игровая деятельность, которая послужила основой не только для развития

театрального искусства, но и искусства ума, искусства слова. Игра и развиваемая с ее помощью рассудочная деятельность присущи не только человеку, но и животному миру. Однако только человеку оказалось по силам соединить в ней естественные и сакральные духовные начала и изобрести символические формы выражения их единства.

Человеческая культура первоначально возникает и развертывается в игре, как игра. Игра как процесс, по мнению нидерландского исследователя Й. Хёйзинга, есть факт духовной жизни в виде свободной и эмоционально насыщенной деятельности, обособленной в пространстве и времени, утверждающей порядок и соответствующую консолидацию ее участников. Она выступает в качестве связующего звена между природой и культурой, обретая через экзальтацию сакральный смысл, реализуемый в игровом настроении, в форме игрового празднества, состязания в мудрости, отгадывании загадок, в том числе и космических, знании священных вещей, софизмов и риторики [11, с. 8].

Игровые формы философствования, по мнению Й. Хёйзинга, и послужили основной предпосылкой трансформации мифологического сознания в философское, а пророков, шаманов, ясновидцев, чудодеев и других главных фигур архаической культурной жизни – в софистов или мудрых героев, разыгрывающих представление или действия напоказ в состязательности ума в виде загадок и других умственных решений. Софистика, по определению Протагора, – «древнее искусство риторического состязания», или древняя игра ума, способ социального врачевания в виде своеобразных пародий на существующую реальность. «В то же время именно софисты, – отмечал Й. Хёйзинга, – создали ту среду, в которой формировались идеи воспитания и культуры. Греческая мысль и наука выросли не в лоне школы, как мы ее сейчас понимаем, и это неоспоримый факт. Они не приобретались в качестве побочного продукта подготовки к полезным или выгодным профессиям. Для эллина они были плодом его свободного времени...» Слово «школа», считал он, имеет замечательную предысторию. И в этих вот условиях свободного времени свободных граждан софист был испокон веку на месте, как первый представитель образа жизни, проводимой в рассуждениях и пытливой работе ума [11, с. 240].

Эту же мысль развивают известные исследователи древнегреческой мифологии Ф. Х. Кессиди [6] и М. Элиаде [15], которые ставят своей задачей дать ответ на вопрос: как одухотворение действительности в мифологическом сознании могло послужить основой становления логического мышления? И в качестве основы такой трансформации мифа они считают слово или культуру речи, которая постепенно трансформировалась в культуру мышления. Такая трансформация мифологического сознания, по их мнению, произошла благодаря тому, что исходным пунктом становления и развития мышления человека послужил именно его внутренний духовный мир, образующий его самосознание, его «Я». Поэтому важнейшей целью философского познания изначально является пробуждение в человеке универсального Я и приведение его в соответствие с внешним бытием. В отношении с предметным миром она раскрывает это Я как центр познавательной ситуации, вне которой никакие данные опыта, т. е. почерпнутое извне предметное содержание, не может стать знанием.

Ретроспективный взгляд на историческую динамику философии искусства, по мнению известного белорусского философа А. И. Зеленкова, не может не породить ощущения, что во многом они едины и опосредованы. Как в философии, так и в искусстве, одним из главных предметов изучения является человек, универсум его духовного мира и образно-эмоциональной сферы сознания. Познавательный интерес и философа, и художника всегда был направлен на ценностный план культуры, формирование определенных идеалов и представлений о должном, прекрасном, добром, безобразном.

Поскольку одной из важнейших интенций философского познания является раскрытие не только сферы значений тех или иных явлений культуры, но и их личностных смыслов, то философия в этом своем качестве сродни искусству. Философские трактаты, как и произведения искусства, многозначны и полисемантчны, их содержание всегда опосредовано конкретными социокультурными обстоятельствами, спецификой авторского мировосприятия, что исключает единственно верное их истолкование и предполагает множество возможных и личностно значимых интерпретаций [12].

Своеобразным показателем интеллекта личности всегда выступало искусство устной и письменной речи, ее грамматика, стилистика, способность выражать те или иные смыслы, убеждать в правильности тех или иных действий, в истинности тех или иных знаний и значимости тех или иных ценностей. При этом аргументация и убедительность, рациональность и эмоциональность убеждений становятся основными критериями проявления субъективности индивида, способом демонстрации его ума. Задача формирования речевых навыков, языковые игры и полемические дуэли актуальны были всегда, как и интерпретация смыслов и значений текстов, его аргументации и понимания. Однако особую значимость она обретает в связи с изменением коммуникативной ситуации в современном информационном обществе. И в этом плане философии как социально-культурному феномену всегда принадлежала и принадлежит определяющая роль.

Процесс философского познания, как утверждает, например, белорусский философ П. Г. Мартысюк, выводит философствующий ум на новые рубежи постижения бытия [8]. Порыв субъекта философского мировоззрения может быть направлен как внутрь, на духовное самосознание, что приводит к самосозиданию творящего, так и вовне, на познание внешнего мира, что влечет за собой сотворение нового интеллектуального продукта. Познавательные возможности философии являются основой нового знания. Ее развитие является необходимым условием преодоления кризиса в области науки, образования и культуры, который так или иначе связан с кризисом классической рациональности.

Постнеклассическая философия открывает новые перспективы, расширяющие горизонты знания от постижения мира самого по себе до практической реализации проектов инновационного развития общества, обеспечения позитивной динамики цивилизационных преобразований, основанных на знаниях и философских идеях непрерывного образования.

Список использованных источников

1. Абушенко, В. П. Культурсоциологический анализ: дисциплинарная рамка / В. П. Абушенко // Социология. – 2015. – № 4. – С. 44–50.
2. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
3. Выжлецов, Г. П. Рациональность и ценность: специфика и основные этапы взаимодействия / Г. П. Выжлецов // Инновационное образование и экономика. – 2015. – № 18. – С. 54–57.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Изд. центр «Академия», 1995. – 298 с.
6. Кассиди, Ф. Х. От мифа к логосу: становление греческой философии / Ф. Х. Кассиди. – М., 1972.
7. Лукашевич, В. К. Продуктивный потенциал научной рациональности: факторы формирования / В. К. Лукашевич // Тенденции духовного развития современного общества. Наука. Философия. Нравственность: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 24 сентября 2004 г. – Минск: Право и экономика, 2004. – С. 36–38.
8. Мартысюк, П. Г. От мифа к логосу: генезис философского познания / П. Г. Мартысюк, Ф. И. Хамцова // Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира: материалы Междунар. науч. конф., Минская духовная академия при Свято-Успенском Жировичском монастыре, 14–15 мая 2015 г. / науч. редсовет: А. А. Коваленя [и др.]; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2015. – С. 388–390.
9. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М., 1994.
10. Основы онтологии: учеб. пособие / под ред. Ф. Ф. Вяккерера [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 280 с.
11. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга; пер. с нидерланд. В. В. Ошиса. – М.: Изд-во ЭСМО-Пресс, 2001. – 252 с.
12. Философия и методология науки / под ред. проф. А. И. Зеленкова. – Минск, 2010.
13. Фриге, Ф. Социология искусства / Ф. Фриге. – М.; Л.: Госизд., 1930. – 203 с.
14. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
15. Элиаде, М. Образы и символы (эссе о магии-религиозной символике) / М. Элиаде // Миф о вечном возвращении: избр. соч. – М., 2000.

References

1. Abushenko V. P., "Cultural Analysis: A Disciplinary Frame", *Sotsiologiya* [Sociology], 2015, no. 4, pp. 44–50.
2. Windelband W., *Izbrannoe. Dukh i istoriia* [Selected Works. Spirit and History], Yurist, Moscow, RU, 1995.
3. Slobodchikov V. I., "Integrated Periodization of General Mental Development", *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 1996, no. 5, pp. 38–49.
4. Kon I. S., "Progress", *Filosofsko-entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical and Encyclopedic Dictionary], Sovetskaia entsiklopediia, Moscow, RU, 1983, p. 541.

5. Deleuze G., Logika smysla [Logic of Sense], Izdatel'skii Tsentr Akademiia, Moscow, RU, 1995.
6. Kessidi F. Kh., Ot mifa k logosu [From Myth to Logos], Mysl', Moscow, RU, 1972.
7. Lukashevich V. K., "Productive Potential of Scientific Rationality: Factors of Formation, Trends of Spiritual Development of Modern Society", Nauka. Filosofii. Nравstvennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Science. Philosophy. Morals. Proceedings of the International Scientific Conference], Pravo i ekonomika, Minsk, BY, 2004, pp. 36–38.
8. Martysyuk P. G., "From Myth to Logos: The Genesis of Philosophical Knowledge", Sviatoi kniaz' Vladimir i Kreshchenie Rusi: tsivilizatsionnyi vybor vostochnoslavianskogo mira, Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Respublika Belarus', Minskaia dukhovnaia akademiia pri Sviato-Uspenskom Zhirovichskom monastyre [Saint Vladimir and the Christianization of Kievan Rus': The Civilizational Choice of the Eastern Slavic World. Proceedings of the International Scientific Conference. Republic of Belarus. Minsk Theological Academy in Zhyrovichy Monastery], Pravo i ekonomika, Minsk, BY, 2015, pp. 388–390.
9. Spirkin A. G., "Philosophy", Filosofsko-entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical and Encyclopedic Dictionary], Sovetskaia eksiklopediia, Moscow, RU, 1983, pp. 726–731.
10. Tard G., Sotsial'naiia logika [Social Logic], Tipografia Iu. N. Erlikh, SPb, RU, 1901.
11. Heizinga, I. Homo Ludens. Chelovek igraushchii [Homo Ludens. Man playing], JeSMO-Press, Moscow, RU, 2001.
12. Tikhoplav V., Vremia Boga: soznanie i zhizn' [Time of God: Consciousness and Life], AST: Astrel', Moscow, RU, 2005.
13. Frige F., Sotsiologiya iskusstva [Sociology of Art], Gosizd, Moscow, RU, 1930.
14. Shveitser A., Kul'tura i etika [Culture and Ethics], Progress, Moscow, RU, 1973.
15. Eliade M., Obrazy i simvol'y (esse o magio-religioznoi simvolike), Mif o vechnom vozvrashchenii [Images and Symbols: Studies in Religious Symbolism, The myth of eternal return], Moscow, RU, 2000.

Информация об авторе

Левко Анатолий Игнатьевич – д-р социол. наук, проф., гл. науч. сотрудник. ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : institute@philosophy.by.

Для цитирования

Левко, А. И. Философия в современном социально-культурном пространстве : традиционные функции и новые задачи / А. И. Левко // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 7–16.

Information about the author

Levko Anatoly Ignatyevich, D. Sc. (Sociol.), Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: institute@philosophy.by.

For citation

Levko A. I. Philosophy in Today's Sociocultural Space: Traditional Functions and New Tasks. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 7–16.

А. Н. Спаськов¹, О. А. Козина²

¹Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

²Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

Обсуждается проблема построения единой физической теории. Соблюдая преемственность философской традиции в поиске физических первоначал и принципов и анализируя современные подходы и гипотезы, претендующие на «окончательную физическую теорию», авторы приходят к выводу о необходимости более глубокого онтологического обоснования физического знания и формулировки новой метафизической парадигмы. На этих основаниях можно построить фундаментальную физическую теорию, но это не будет окончательной «теорией всего», так как феномены жизни и сознания невозможно редуцировать к физическому действию и они выходят за пределы физической реальности. В качестве методологического критерия истинности теории ставится задача достижения простоты и ясности исходных принципов в едином описании сложного многообразия феноменального мира. Эта простота исходных принципов, из которых следует все многообразие явлений, эквивалентна действию простой субстанции, порождающей сложность как внутреннюю динамическую структуру неделимых элементов и как структурное разнообразие внешних связей и отношений между ними. Таким образом, субстанциональное действие проявляется либо как простейшее физическое взаимодействие, либо как более сложные динамические феномены жизни и сознания. Дается философское обоснование методологического принципа генезиса физических понятий и генетической программы построения физической «теории всего». Успешная реализация этой программы возможна при смене метафизической парадигмы и введении новых фундаментальных сущностей. Выдвигается гипотеза о субстанциально-информационной природе времени и дается новое определение субстанции как генератора первичной информации, хрональной протяженности, как фундаментального субстрата, в котором проявляется действие субстанции, и информации как меры разнообразия, порождаемого субстанцией и проявляемого в хрональном континууме.

Ключевые слова: субстанция, информация, хрональный континуум, метафизика, теория всего, генезис, субстанциально-информационная концепция времени.

A. N. Spaskov¹, O. A. Kozina²

¹Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

ONTOLOGICAL GROUNDS OF THE THEORY OF EVERYTHING

The article discusses the problem of building the unified physical theory. Observing the continuity of philosophical tradition in the search for physical principles and analyzing modern approaches and hypotheses that claim to be the “final physical theory”, the authors come to the conclusion that there is a need to provide a more profound ontological justification of physical knowledge and formulate a new metaphysical paradigm. A fundamental physical theory can be built on this base, but this will not be the final “theory of everything”, because the phenomena of life and consciousness cannot be reduced to physical action, and they go beyond physical reality. The task of achieving simplicity and clarity of initial principles in unified description of complex variety of the phenomenal world is presented as a methodological criterion of verity of the theory. This simplicity of initial principles, which is followed by the variety of phenomena, is equivalent to action of simple substance, which creates complexity as internal dynamic structure of indivisible elements and structural diversity of external relations. So, the substantial effect is manifested either as simple physical interaction, or as more complex dynamic phenomena of life and consciousness. A philosophical justification is given for the methodological principle of genesis of physical concepts and the genetic program of building the physical “theory of everything”. This program can be successfully implemented if the metaphysical paradigm is changed and new fundamental entities are introduced. A hypothesis is presented regarding the substantial and informational nature of time. Some new definitions are given: substance is defined as a generator of primary information, the chronal continuum is defined as a fundamental substrate where the effect of substance is manifested, and information is defined as a measure of diversity generated by substance and manifested in the chronal continuum.

Keywords: substance, information, chronal continuum, metaphysics, theory of everything, genesis, substantial and informational concept of time.

Введение. Долгое время господствовало мнение, что в иерархии наук о природе физика занимает самое фундаментальное место. Но сейчас становится все более ясным, что жизнь и сознание невозможно редуцировать к физическим началам и для полной картины мира необходимо ввести новые, нефизические сущности. Тем не менее ограничимся физикой, учитывая при этом, что сама она нуждается в метафизическом обосновании. Многие ученые говорят об окончательной теории, или «теории всего сущего», и тому есть веские причины [1; 2]. Конечно же, «теория всего» – слишком амбициозное название. По нашему мнению, было бы правильнее назвать ее «единой физической теорией». По сути, речь идет о создании самосогласованной и самодостаточной физической картины мира.

Следуя традиции древних философов, мы хотели бы ограничиться основными проблемами, которые дают цельное представление о физических первоначалах. Первая из них – это вопрос о том, из чего все состоит (вопрос о едином субстрате). Далее – вопрос о том, как из единого субстрата образуется все многообразие вещей (т. е. формальная причина структурного разнообразия, или системообразующий принцип). Третий вопрос – о том, благодаря чему или под действием чего происходят движение и изменение (т. е. активная, действующая причина, или субстанциальное начало). Помимо этих трех проблем следовало бы назвать еще одну, которая сейчас вновь возрождается и проникает в физическую науку, а именно вопрос о целевой причине, или телеологическом начале.

Основная часть. По современным представлениям, материя имеет три формы существования – вещество, поле и физический вакуум. Мы не знаем, являются ли эти формы проявлением некоего более фундаментального субстрата либо, как считают некоторые ученые, физический вакуум как раз и является тем фундаментальным субстратом, из которого порождаются вещество и поле. Известный белорусский философ А. К. Манеев, например, относит мегавакуум к наиболее глубинному субстратному уровню организации материи [3]. Но сам по себе этот уровень, согласно его теории, вторичен и возникает из предельно глубинной субстанциальной формации. В этом смысле субстанция – это чисто активное начало, благодаря которому из ничего, что соответствует абсолютной пустоте, или идеальному вакууму, порождается все многообразие первичных материальных форм, флуктуируют поля, постоянно возникают и исчезают виртуальные частицы (этот уровень реальности соответствует физическому вакууму). Таким образом, это вечная, бесконечная и неделимая сущность, источник всех форм существования и движения материи.

Но, с другой стороны, субстанция – это принципиально ненаблюдаемый уровень реальности. Нельзя даже сказать, что это физическая реальность, под которой традиционно понимается то, что воздействует на наши чувства или взаимодействует с приборами. Но нельзя также сказать, что это – реальность мира ноуменов: так, как ее понимали реалисты, и которую можно познать лишь умозрительно. Скорее всего, для адекватного описания этой реальности следует ввести дополнительное физическое толкование. А именно субстанция – это реальность, воздействующая на субстратный уровень материи, но непосредственно недоступная никаким физическим измерениям и наблюдениям.

С этим уровнем материального мира физика впервые столкнулась при создании квантовой механики, которая радикально изменила наши представления об объективной реальности и роли физического измерения. С одной стороны, в схему описания квантового объекта обязательно входит макроскопический прибор, а значит, и наблюдатель. Следовательно, мы не можем эмпирически познать квантовый мир как объективную реальность, не зависящую от наблюдателя. С другой стороны, мы не можем взаимодействовать с субстанциальным уровнем материи и, следовательно, он для нас принципиально не наблюдаем. Но субстанция все же должна воздействовать, согласно гипотезе А. К. Манеева, на мегавакуум, порождая через него все многообразие субстратных и реляционных форм и являясь вечно активным источником всякого движения.

Исходя из этих соображений, нам представляется, что для построения теории микромира недостаточно квантовой механики, поскольку она включает в схему описания только взаимодействие макро- и микромира. Необходимо еще построить теорию действия субстанции в микромире. Конечно, это крайне трудная задача, т. к. здесь приходится действовать во многом умозрительно. Но именно на такой, более опосредованный от прямого экспериментального наблюдения, путь и вступила современная теоретическая физика при описании планковских масштабов.

Для нынешнего этапа развития физики характерно обсуждение множества гипотез и конкурирующих парадигм. Характерной чертой этих теорий, таких, например, как теория суперструн или теория петлевой квантовой гравитации, является «эмпирическая невесомость», т. е. принципиальная ненаблюдаемость непосредственных эффектов [4]. Теоретическая физика становится похожей на математику, а математические формы и соотношения, которые изобретаются при таком теоретическом творчестве, выражают собой некие ментальные сущности и архетипы, лежащие в основании физической реальности. Это древнее воззрение философии Пифагора-Платона соответствует неопифагорейскому подходу в современной теоретической физике [5].

Однако одной математики явно недостаточно. Сама современная математика нуждается в философском обосновании, а для успешного развития физики необходимы глубокие философские идеи и метафизическое обоснование. Современный физик-теоретик уподобляется древнегреческим натурфилософам, пришедшим к идее атома умозрительным путем, а эта тенденция ведет к изменению методологии познания, выходящей за пределы классического эмпиризма и рационализма.

Следуя расширенному толкованию, мы понимаем под реальностью не только физическую реальность, данную нам эмпирически, но и не менее фундаментальную реальность, данную нам в мысли. Эта ментальная, умопостигаемая реальность является уже, собственно говоря, областью метафизики.

Глубочайший кризис современной теоретической физики сравним с кризисом конца XIX – начала XX века. Можно отметить, однако, что современная ситуация, хотя и подобна, но существенно отличается от предыдущей. Это следует из того, что современная теоретическая физика выходит далеко за границы эмпирического познания и принимает форму, сравнимую по уровню абстрактности с математикой и имеющую все более опосредованную связь с эмпирическим содержанием.

Математические истины имеют внеэмпирическое происхождение и весьма косвенную связь с чувственным опытом. Однако для того, чтобы математическая абстракция стала физическим понятием, нужно проделать определенную интеллектуальную работу по приданию математическим понятиям физического смысла и по физической интерпретации математических соотношений. И вот на этом этапе как раз и важна роль философии.

Конечно, на этом пути возникает много новых методологических и гносеологических проблем. Например, сейчас специалисты насчитывают до 30 и более различных интерпретаций квантовой механики. В основе каждой из них лежат определенные философские принципы и мировоззрение. Например, господствующая сейчас копенгагенская интерпретация Н. Бора основана на уверенности в том, что квантовые объекты, а вернее их объективно наблюдаемые свойства, обладают реальностью лишь в момент физического измерения. Интерпретация Х. Эверетта основана на гипотезе реального существования множества квантовых состояний одной частицы и следующей отсюда множественности миров в Мультиверсе. А. Эйнштейн вообще не признавал квантовую механику в качестве окончательной теории, полагаясь на собственную интуицию предустановленной гармонии, откуда и следует его неприятие вероятностной интерпретации и убежденность в том, что «Бог не играет в кости».

Мы полагаем, что формулировка первичных фундаментальных принципов должна постулироваться относительно независимо от каких-либо известных физических законов и представлений, т. к. они не могут быть выведены логически методом обобщения и индукции. Но форма этих законов должна будет соответствовать исходным принципам, подобно тому, как теоремы следуют из аксиом. Такое исходное ядро фундаментальных принципов и представлений – это своего рода «символ веры» будущей «окончательной физической теории». Но при такой явной независимости и свободе выбора должна сохраняться все же неявная зависимость, которая заключается в соответствии выводимых следствий известным законам, фактам и представлениям.

Таким образом, исходя из первичной фундаментальной структуры, можно исследовать далее более сложные системы, основанные на свойствах взаимодействия и симметрии. Кроме того, основываясь на представлении о динамической внутренней структуре, можно ввести понятие внутренних симметрий [6].

Продвигаясь далее, по мере построения и усложнения системы теоретических представлений, мы можем последовательно рассматривать новые структурные отношения, а значит, строить концептуальную модель новых теоретических объектов, например, предполагать новые типы симметрии. Такой подход позволяет реализовать холистическую парадигму и открывает возможности прогнозировать появление новых качественных свойств системы как целостного феномена, который не содержится в редуцируемых элементах, а возникает вместе с появлением новых отношений внутри системы.

Исходя из этих допущений, можно наметить в общих чертах программу построения фундаментальной физической теории. Вначале определим основной философско-методологический принцип. В качестве такового предлагается конструктивно-генетический метод выведения понятий и концептов. Как известно, данный метод включает в себя диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному, метатеоретический принцип раздвоения единого, а также закон взаимного перехода количественных изменений в качественные.

Следует подчеркнуть, что такое генетическое построение физических концептов теории существенно отличается от дедуктивного метода. Это отличие заключается в том, что дедукция, или выведение следствий из первичной системы аксиом, дает знание, которое принципиально не отличается от априорного и неявно содержится в исходных допущениях. Между тем генетический метод предполагает получение принципиально нового знания, что эквивалентно порождению новых сущностей, которые не содержались в исходной системе понятий.

Генетический метод построения физической теории, по убеждению авторов, отражает общую тенденцию развития современной науки, в которую все больше проникают эволюционные идеи. В этом варианте «окончательная теория» по своей сути призвана воспроизвести те эволюционные процессы, которые, согласно гипотезе Большого Взрыва, привели к становлению современной физической реальности. Отсюда следует, что не только содержание, но и форма построения подобной теории должна включать в себя принципы развития.

Исходя из генетической парадигмы, можно предположить, что в основании всех физических явлений и процессов лежат две фундаментальные сущности. Это субстанция как источник развития и всех движений и мегавакуум как материальный субстрат и носитель потенциально возможных физических свойств. Эти сущности выполняют функции презумпций-оснований, поэтому принципиально не наблюдаемы в смысле недоступности никаким физическим измерениям. Однако существование данных метафизических оснований косвенно подтверждается по наблюдаемым следствиям и теоретическим выводам из исходной гипотезы-допущения.

Что касается формальной причины, или системообразующего принципа, то мы понимаем ее в духе Аристотеля как идеальное первоначало (идею), или форму, что эквивалентно метафизическому принципу, на основании которого происходит формирование физической реальности под воздействием субстанции. Можно предположить, что это некая ментальная реальность, проникающая в которую с помощью ума, человек способен познать идеальные основания физической реальности [7]. Эта реальность выходит за пределы эмпирического мира, но вписывается в декартовскую парадигму психофизического параллелизма, согласно которой материя и мышление представляют собой две независимые субстанции.

Разумеется, к идеальному первоначалу следует отнести также и телеологическую причину, или принцип целесообразности. Отметим, что наши допущения вполне релевантны широко дискутируемому в современной научной литературе антропному принципу и гипотезе разумного замысла [8–10].

Таким образом, мы приходим к самодостаточной логической схеме, включающей два материальных и два идеальных первоначала. Используя эту схему в качестве исходного методологического принципа, можно сформулировать основные положения и реализовать в конечном итоге программу построения «теории всего».

Следует подчеркнуть, что множество конкурирующих гипотез и теорий, которые сейчас интенсивно развиваются и претендуют на «теорию всего сущего», свидетельствует о том, что пока не найдены контуры будущей окончательной теории и для более глубокой теории нужна система гипотетических первичных сущностей.

Многие ученые считают, что такой первичной сущностью в современной физике должна стать информация [11; 12]. Однако для последовательного обоснования данного предположения которое Дж. Уиллер сформулировал в виде метафоры «все из бита», нужно ввести также понятие источника информации как некоторой сторонней причины возникновения многообразия в материальном мире, что эквивалентно понятию субстанции, действующей в вакууме и изменяющей его материальные состояния.

В этом случае задачу описания движения можно будет представить как процесс генерации информации, последующей ее фиксации и воспроизводства в пространстве–времени в форме материализованных и взаимодействующих частиц. При этом материализацию можно трактовать как обретение частицей физических свойств, которые доступны эмпирическому измерению. Аналогичная трактовка содержится в модели Хиггса, когда безмассовые частицы приобретают массу при взаимодействии с бозоном Хиггса (т. е. материализуются в физическом смысле этого слова).

Итак, суть нашей гипотезы заключается в том, что источник генерирования информации выполняет роль активно действующей субстанции, которая лежит в основании наших представлений о материальном мире и задает способ его существования. Такими допущениями, на наш взгляд, можно достичь предельных оснований того уровня реальности, о котором мечтают физики в поисках «окончательной теории». При этом подобные идеи, собственно говоря, послужили началом онтологических построений древнегреческой натурфилософии.

Стратегии поиска предельных оснований физики придерживается и известный российский физик и философ Ю. С. Владимиров, согласно которому доминирующей тенденцией физики XX века был именно синтез на основе обобщения метафизических категорий [13]. В частности, подобный методологический синтез привел к появлению теоретико-полевой парадигмы, объединяющей категории частиц вещества и поля. Геометрическая парадигма объединяет в единую категорию понятия пространство–время и поле. Следуя этой логике, можно построить еще одну – реляционную парадигму, которая объединяет категории пространства–времени и частиц.

Подобные обобщенные категории представляют дуалистические парадигмы. Однако главной целью теоретической физики, по мнению этого ученого, является построение монистической парадигмы. Она посредством того же инструмента обобщения может быть основана либо на понятии единого вакуума в теоретико-полевом подходе, либо на понятии единой геометрии в геометрической программе, либо на понятии единой системы отношений в реляционном миропонимании [13, с. 23].

Мы полагаем, однако, что логика синтеза и обобщения не может привести к желаемому результату. По-настоящему глубокий прорыв в фундаментальной физике возможен лишь на пути новых гипотез и сущностей, имеющих генетическую природу. Именно такой путь мы и предлагаем, выдвигая гипотезу о субстанциально-информационной природе времени.

Эта гипотеза основывается на введении в физику трех новых сущностей-оснований: субстанция – вечная и активно действующая причина всяких движений и изменений, реализуемых в феноменальном физическом мире; хрональный континуум – потенциальная протяженность, которая изменяется под действием субстанции и может быть в двух квантовых состояниях: негативном (небытия) и позитивном (бытия); информация – мера разнообразия, которое генерируется субстанцией, динамически проявляется в феноменальном мире в виде активного действия и отображается в хрональном континууме.

При этом следует отметить разный этимологический статус исходных понятий-принципов. Так, если метафизическое понятие субстанции имеет древнюю философскую традицию, а понятие информации давно уже приобрело общенаучное значение, то понятие хронального континуума никогда ранее не употреблялось, хотя и имеет некоторый аналог в статической концепции времени.

Остановимся на этом подробнее. Как известно, фундаментальной проблемой современной науки является природа необратимости времени. Понимание глубины этой проблемы существенно продвинулось в работах И. Пригожина и его школы после введения «второго времени», имеющего смысл внутреннего времени [14; 15].

Наш подход во многом согласуется с идеями И. Пригожина, одним из основных замыслов которого было введение необратимости времени на самом фундаментальном уровне реальности. Можно пойти дальше в развитии этих идей на новой онтологической основе – разделить внешнее и внутреннее время и ввести два независимых временных измерения.

По нашему мнению, можно ввести необратимость времени, исходя из предположения о существовании фундаментальной временной протяженности, которая способна изменяться в результате физического действия. Аналогом может выступать существование некоторого элементарного акта памяти в квантовом мире. Здесь можно усмотреть предельно глубокую связь физических и информационных процессов на самом фундаментальном уровне материального мира.

Многие ученые, такие, например, как Е. Дж. Циммерман и Дж. Ф. Чу, считают, что понятие времени не имеет смысла в микромире и пространственно-временные феномены – это макроскопический эффект, имеющий статистическую природу, подобно термодинамической температуре [16; 17].

На наш взгляд, как раз на микромасштабах и следует вводить фундаментальное представление времени. Но при этом понятие времени нужно связывать не с механическими движениями, которые действительно не имеют смысла в микромире, а с информационными процессами.

Заключение. Универсальная связь физических процессов с информационными позволяет расширить приложение предлагаемой нами модели времени в область психических процессов и более глубоко обосновать концепцию психофизического параллелизма и транзитивно-фазового времени, впервые предложенную Доббсом [18]. Вследствие этого мы получаем возможность описывать когнитивные процессы, протекающие в сознании, в виде имманентно-информационных процессов, происходящих на квантовом уровне в дополнительном по отношению к внешнему пространству–времени хрональном расслоении.

В этом представлении физическая Вселенная со всеми наблюдаемыми феноменами и процессами – это вторичная реальность наших чувств, воспринимающих манифестацию неподвижной и неделимой субстанции, которая и обладает истинной реальностью. Другими словами, то, что мы наблюдаем и измеряем физическими приборами, во Вселенной может рассматриваться как виртуальная реальность, которая генерируется невидимой и недоступной никаким эмпирическим измерениям субстанцией, записывается в пространственно-временном континууме «голографической Вселенной» и воспринимается нами благодаря субстанциальной природе нашего сознания [19].

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г16Р-043 от 29.04.2016 и № Г16МС-020 от 20.05.2016).

Acknowledgements. This work was supported by the Belarusian National Foundation for Fundamental Research (Contract No. G16R-043 dd. 29.04.2016 and No. G16MS-020 dd. 20.05.2016).

Список использованных источников

1. Вайнберг, С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / С. Вайнберг; пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Барроу, Д. Новые теории всего / Д. Барроу; пер. с англ. П. А. Самсонов. – Минск: Попурри, 2012. – 368 с.
3. Манеев, А. К. Движение, противоречие, развитие / А. К. Манеев; ред.: Ю. А. Харин, М. Я. Резников; Акад. наук БССР. Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1980. – 168 с.
4. Павленко, А. Н. «Стадия эмпирической невесомости теории» и ad hoc аргументация / А. Н. Павленко // Философия науки. – 1998. – Вып. 4. – С. 108–118.
5. Кассандров, В. В. Число, время, свет / В. В. Кассандров // Математика и практика. Математика и культура; ред. М. Ю. Симаков. – М.: Самообразование. – 2001. – № 2. – С. 61–76.
6. Спасков, А. Н. Модель спина в дискретных расслоениях и периодические закономерности классификации фундаментальных частиц / А. Н. Спасков. – Могилев, 2007. – 18 с. – Деп. в ГУ «БелИСА» 21.06.07. – № Д200724.
7. Анисов, А. М. Время как вычислительный процесс / А. М. Анисов // Замысел Бога в теориях физики и космологии. Время. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – С. 53–71.
8. Картер, Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии / Б. Картер // Космология. Теории и наблюдения. – М., 1978. – С. 369–370.

9. Сасскинд, Л. Космический ландшафт. Теория струн и иллюзия разумного замысла Вселенной / Л. Сасскинд. – СПб.: Питер, 2015. – 446 с.
10. Бабосов, Е. М. Многовариантное истолкование антропного космологического принципа в контексте постнеклассического этапа развития науки / Е. М. Бабосов // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманит. наук. – 2014. – № 1. – С. 29–34.
11. Landauer, R. «Information is Physical» / R. Landauer // *Physics Today*. – 1991. – Vol. 44. – P. 23–29.
12. Ллойд, С. Программируя Вселенную: Квантовый компьютер и будущее науки / С. Ллойд; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 256 с.
13. Владимиров, Ю. С. Метафизика / Ю. С. Владимиров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 568 с.
14. Пригожин, И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / И. Пригожин; пер. с англ., предисл. Ю. Л. Климонтовича, Г. Г. Малинецкого. – Изд. 3-е. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.
15. Пригожин, И. Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. – Изд. 7-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
16. Zimmerman, E. J. The macroscopic nature of space-time / E. J. Zimmerman // *American Journal of Physics*. – 1962. – Vol. 30, № 2. – P. 97–105.
17. Chew, G. F. The dubious role of space-time continuum in microscopic physics / G. F. Chew // *Science Progress*. – 1963. – Vol. 51, № 204. – P. 529–550.
18. Dobbs, H. A. C. The relation between the time of psychology and the time of physics / H. A. C. Dobbs // *Brit. Journ. Phil. Sci.* – 1951. – Vol. II, No. 6. – P. 122–141; No. 7. – P. 177–192.
19. Спаськов, А. Н. Субстанциально-информационная структура времени в голографической Вселенной [Электронный ресурс] / А. Н. Спаськов // Инновационный университет: Философия – Наука – Управление. 20 лет философскому факультету НГУ: материалы Всерос. науч. конф. / Новосиб. гос. ун-т. – Электрон. текстовые дан. – Новосибирск, 2013. – С. 178–180. – Режим доступа: <http://www.philos.nsu.ru/sciwork/conf20filf/lsh13.pdf>, свободный.

References

1. Vainberg S., *Mechty ob okonchatel'noi teorii: Fizika v poiskakh samykh fundamental'nykh zakonov prirody* [Dreams of a Final Theory], Editorial URSS, Moscow, RU, 2004.
2. Barrou D., *Novye teorii vsego* [New Theories of Everything], Poppuri, Minsk, BY, 2012.
3. Maneev A. K., *Dvizhenie, protivorechie, razvitie* [Movement, Contradiction, Development], Nauka i tekhnika, Minsk, BY, 1980.
4. Pavlenko A. N., ““Stage of Empirical Weightlessness of a Theory” and Ad Hoc Reasoning”, *Filosofia nauki*, vyp. 4 [Philosophy of science, Fascicle 4], 1998, pp. 108–117.
5. Kassandrov V. V., “Number, Time, and Light”, *Matematika i praktika. Matematika i kul'tura* [Mathematics and practice. Mathematics and culture], 2001, no. 2, pp. 61–76.
6. Spaskov A. N., *Model' spina v diskretnykh rassloeniakh i periodicheskie zakonomernosti klassifikatsii fundamental'nykh chastits* [A Spin Model in Discrete Bundles and Periodic Regularity Classification of Fundamental Particles], BelISA, Mogilev, BY, 2007.
7. Anisov A. M., “Time as Computational Process”, *Zamyсел Boga v teoriiakh fiziki i kosmologii. Vremia* [God's design in physical and cosmological theories. The time], vyp. 2, St. Petersburg, RU, 2005, pp. 267–272.
8. Karter B., “Coincidence of Large numbers and Anthropological Principle in Cosmology”, *Kosmologiya. Teoriia i nabludeniia* [Cosmology. Theories and Observations], Mir, Moscow, RU, 1978, pp. 369–370.
9. Sasaki L., *Kosmicheskii landschaft. Teoriia strun i illiuziia razumnogo zamysla Vselennoi* [The Cosmic Landscape: String Theory and the Illusion of Intelligent Design], Piter, St. Petersburg, RU, 2015.
10. Babosov E. M., “Multivariate Interpretation of the Anthropic Cosmological Principle in the Context of Post-nonclassical Stage in the Development of Science”, *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi, Seryya humanitarnykh nauk* [Proceedings of the National academy of sciences of Belarus, Humanitarian series], 2014, no. 1, pp. 29–34.
11. Landauer R., “Information is Physical”, *Physics Today*, 1991, vol. 44, pp. 23–29.
12. Lloid S., *Programmiruia Vselennui: Kvantovyi komp'iuter i budushchee nauki* [Programming the Universe: A Quantum Computer Scientist Takes on the Cosmos], Alpina non-fikshn, Moscow, RU, 2013.
13. Vladimirov Yu. S., *Metafizika* [Metaphysics], BINOM. Laboratoriia znaniy, Moscow, RU, 2009.
14. Prigozhin I., *Ot sushchestvuiushchego k vznikaiushchemu: Vremia i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences], KomKniga, Moscow, RU, 2006.
15. Prigozhin I., *Vremia. Khaos. Kvant: K resheniiu paradoksa vremeni* [Time. Chaos. Quantum: The Solution of the Paradox of Time], Knizhnyi dom "LIBROKOM", Moscow, RU, 2009.
16. Zimmerman E. J., “The Macroscopic Nature of Space-time”, *American Journal of Physics*, 1962, vol. 30, no. 2, pp. 97–105.
17. Chew G. F., “The Dubious Role of Space-time Continuum in Microscopic Physics”, *Science Progress*, 1963, vol. 51, no. 204, pp. 529–550.
18. Dobbs H. A. C., “The Relation between the Time of Psychology and the Time of Physics”, *British Journal for the Philosophy of Science*, 1951, vol. II, no. 7, pp. 177–192.

19. Spaskov A. N., “Substantial and Informational Structure of Time in the Holographic Universe”, *Innovatsionnyi universitet: Filosofii – Nauka – Upravlenie. XX let filosofskomu fakul'tetu NGU: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Novosibirsk, 01 ianvaria–31 dekabria 2013 g. [Innovative University: Philosophy – Science – Management. 20 years of Philosophy Faculty of the NSU: Proceedings of the Scientific Conference, Novosibirsk, January 1–December 31, 2013], Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet, Novosibirsk, 2013, pp. 178–180, Available at: <http://www.philos.nsu.ru/sciwork/conf20filf/lsh13.pdf>, (Accessed 13/11/2016).

Информация об авторах

Спасков Александр Николаевич – канд. филос. наук, доцент, зав. Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований. ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : a.spaskov@gmail.com.

Козина Олеся Анатольевна – канд. филос. наук, доцент. УО «Ульяновский государственный университет» (ул. Льва Толстого, 42, 432963, Ульяновск, Российская Федерация). E-mail : olesyakozina@rambler.ru.

Для цитирования

Спасков, А. Н. Онтологические основания «окончательной физической теории» / А. Н. Спасков, О. А. Козина // *Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2017. – № 2. – С. 17–24.

Information about the authors

Spaskov Alexandr Nikolaevich, Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Head of the Centre for Philosophical, Methodological and Interdisciplinary Studies, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: a.spaskov@gmail.com.

Kozina Olesya Anatolyevna, Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Department of Philosophy, Ulyanovsk State University (42 Leo Tolstoy Str., Ulyanovsk 432963, Russian Federation). E-mail: olesyakozina@rambler.ru.

For citation

Spaskov A. N., Kozina O. A. Ontological Grounds of the Theory of Everything. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series*, 2017, no. 2, pp. 17–24.

А. А. Кляр

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

При рассмотрении проблемы в контексте общемировых процессов отмечается, что однозначно оценить их влияние на развитие Республики Беларусь практически невозможно, имеют место как позитивные, так и негативные тенденции. С некоторыми из таких тенденций связаны риски и вызовы безопасности государства в военной сфере, обуславливающие необходимость повышения эффективности функционирования Вооруженных Сил.

В качестве одного из направлений деятельности по повышению эффективности функционирования Вооруженных Сил выделяются меры, направленные на укрепление кадрового потенциала офицерского корпуса, формирование у офицеров определенных индивидуально-личностных качеств, актуализацию ценностей военной службы, мировоззренческих концептов государственной идеологии и т. п. Данные компоненты рассматриваются в качестве духовно-нравственной составляющей кадрового потенциала офицерского корпуса. В ходе анализа подчеркивается обоснованность практики организации работы по формированию у офицеров духовно-нравственной составляющей с учетом специфики различных уровней кадрового потенциала, особенностей социальных групп. При этом отмечается необходимость рассмотрения курсантов в качестве одной из таких групп, вводится понятие базисного уровня кадрового потенциала Вооруженных Сил.

В заключении определяются основные задачи, решение которых позволит повысить эффективность деятельности по формированию профессионально значимых духовно-нравственных компонент у курсантов.

Ключевые слова: кадровый потенциал, военная безопасность, Вооруженные Силы, нормы, ценностные ориентации, культура.

A. A. Kliar

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

STRENGTHENING THE HUMAN RESOURCES CAPACITY OF THE BELARUSIAN ARMED FORCES

Considering the problem in the context of global processes, it is noted that a clear assessment of their impact on the development of the Republic of Belarus is almost impossible. There are both positive and negative trends. Some of these trends are connected with risks and challenges to national security in the military sphere, causing the need to make the Armed Forces function more effectively.

Certain measures are identified among other activities to improve the functioning of the Armed Forces. These measures aim to strengthen the human resource capacity of the officer corps, develop certain personal qualities in officers, update the values of military service and philosophical concepts of the state ideology etc. These constituent parts are considered as the moral and spiritual component of the human resource capacity of the officer corps. The analysis upholds the practice of the work aimed to develop officers' spiritual and moral component, taking into account the specifics of different levels of personnel capacity and specific features of social groups. The need to consider military school students as one of these groups is noted. The concept of a basic level of human resource capacity of the Armed Forces is introduced.

The conclusion identifies main tasks to be fulfilled to improve the effectiveness of the activities to develop professionally relevant moral and spiritual components in military school students.

Keywords: human resource capacity, military security, Armed Forces, norms, values, culture.

Введение. Конец XX – начало XXI века характеризуется рядом изменений в геополитической, экономической и научно-технической сферах. В результате целенаправленного стремления основных геополитических центров к расширению зон своего влияния происходит неизбежное игнорирование интересов других государств, а порой и целенаправленное обострение межгосударственных и внутригосударственных проблем.

Весьма примечательна роль экономических, научно-технических и идеологических составляющих данного процесса. С одной стороны, они ведут к повышению научно-технической состав-

ляющей в мировой экономике, росту производительности труда, улучшению уровня жизни населения, а также к сближению представителей различных государств и национальных общностей, с другой – к появлению и совершенствованию новых видов вооружения и военной техники, поэтапному размыванию национальных устоев и ценностей, переводу национальной идентичности в область личного самоопределения [1, с. 57].

Происходящие процессы не могут не затрагивать находящуюся в середине Европы Республику Беларусь, не формировать риски и вызовы безопасности государства в различных сферах: экономической, политической, военной и других.

Основная часть. Деятельность по обеспечению военной безопасности нашего государства осуществляется с учетом происходящих процессов, на основе анализа источников военных угроз, обуславливающих современную военно-политическую ситуацию в регионе. Так, на современном этапе в качестве основных рисков и вызовов безопасности Беларуси в военной сфере следует рассматривать:

разработку новых видов вооружений, в том числе космических и гиперзвуковых, управляемых дистанционно и роботизированных, представляющих новые возможности комплексно и оперативно задействовать военную силу в условиях глобальной досягаемости;

попытки достижения некоторыми государствами поставленных целей путем применения мер невоенного характера, в первую очередь экономических, дипломатических и информационных;

разработку и активное применение на практике отдельными государствами, террористическими и экстремистскими организациями концепций и механизмов смены государственной власти в других странах, изменения их конституционного строя и нарушения территориальной целостности путем провоцирования внутреннего вооруженного конфликта [2, с. 3];

деструктивное идеологическое воздействие, направленное на поэтапное разрушение общественных институтов семьи и брака, изменение приоритетов в сфере смыслов, потерю населением мотивации к отстаиванию своих идеалов, формирование у людей позиции, связанной с отстаиванием индивидуальных выгод, даже в ущерб интересам собственного государства [1, с. 58].

Действенное противостояние современным вызовам и угрозам невозможно без системного подхода к обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь, повышения эффективности функционирования военной организации государства [2, с. 7].

Вооруженные Силы являются одним из основных элементов военной организации нашей страны, соответственно их не могут не затронуть процессы, связанные с повышением эффективности функционирования военной организации государства. В настоящее время основные направления деятельности по совершенствованию Вооруженных Сил связаны с повышением эффективности функционирования системы управления, оптимизацией состава и численности структурных компонентов, улучшением качества подготовки военнослужащих, совершенствованием идеологической работы в целях достижения и поддержания высокого морального духа военнослужащих и гражданского персонала. Руководство Министерства обороны планирует уделять данным направлениям приоритетное внимание как в ближайшей, так и отдаленной временной перспективе [2, с. 10].

Перечисленные выше направления деятельности по повышению эффективности функционирования военного ведомства непосредственно затрагивают и вопросы, связанные с укреплением кадрового потенциала Вооруженных Сил и, прежде всего, кадрового потенциала офицерского корпуса.

Во-первых, это обусловлено мерами, направленными на повышение эффективности имеющихся образцов вооружения и военной техники, использование последних научно-технических достижений при разработке нового вооружения и военной техники. Ведь управление и обслуживание новой и модернизированной техники невозможно без соответствующей подготовки военнослужащих, повышения уровня их профессиональной компетентности. Особенно показательным в данном плане является пример использования беспилотных летательных аппаратов. Такие образцы способны решать ряд задач без непосредственного участия человека. Вместе с тем при возникновении внештатной ситуации оператору требуются не только детальные знания программного обеспечения, технического устройства аппарата, но и способность в кратчайшие сроки оценить возможные риски, принять зачастую единственное верное решение.

Во-вторых, функционирование системы управления непосредственно связано с профессиональной деятельностью военнослужащих, на которых возложены обязанности по реализации управленческих функций. В Вооруженных Силах функции управления возлагаются на командиров и начальников всех степеней, реализуются ими. При этом основным звеном системы управления, в рамках военного ведомства, являются офицеры. От их компетентности, взвешенности и целесообразности принимаемых решений зависит не только результативность применения тех или иных образцов вооружения, уровень боеспособности подразделений, воинских частей и соединений в настоящее время, но и определение перспективных направлений развития Вооруженных Сил, а значит, и способность обеспечивать безопасность государства в военной сфере в будущем.

Учитывая положение офицеров в системе функционирования Вооруженных Сил, являющихся одним из социальных институтов, обеспечивающих безопасность государства в военной сфере, невозможно переоценить необходимость формирования у офицеров определенных жизненных установок, связанных с отношением к служебной деятельности. В современных условиях неприемлемой является ситуация, когда некоторые младшие офицеры относятся к избранной профессии как к временному занятию, принимают решение сменить род профессиональной деятельности и уволиться в течение первых 5 лет после завершения обучения. Это не может не сказываться на эффективности мер, принимаемых в целях выполнения одной из важнейших задач, решаемых государством в интересах обеспечения военной безопасности, – укрепления кадрового потенциала Вооруженных Сил [3, ст. 55].

В-третьих, укрепление кадрового потенциала невозможно без формирования определенной духовно-нравственной составляющей. Данная составляющая непосредственно связана и, более того, определяется спецификой военной службы как особого вида деятельности. Для определения основных компонентов духовно-нравственной составляющей кадрового потенциала офицерского корпуса необходимо остановиться на рассмотрении содержания понятия «военная служба».

Конституция Республики Беларусь закрепляет основное функциональное значение военной службы как удовлетворение общественных потребностей в защите независимости, территориальной целостности и конституционного строя [4, ст. 1]. Эта потребность удовлетворяется по многим направлениям деятельности, определенным и закрепленным в Конституции, Концепции национальной безопасности, военной доктрине, законах и других нормативных правовых актах Республики Беларусь. При этом военная служба как особый вид деятельности является составной частью военной организации государства. В данном контексте военная организация выступает в качестве многоуровневой системы, состоящей из множества подсистем, которые создаются в целях реализации функций по вооруженной защите государства. Соответственно, и Вооруженные Силы, и Государственный Пограничный Комитет, и другие формирования и организации Республики Беларусь, функционирующие в рамках военной организации, являются ее составными элементами. Сама же военная организация нашего государства представляет собой совокупность военно-политических органов управления, Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, военизированных организаций Республики Беларусь, оборонного сектора экономики с его органами управления, других государственных органов и организаций, совместная деятельность которых направлена на решение задач по обеспечению военной безопасности [2, с. 10].

Содержание военной службы уточняется и Законом Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» (далее – Закон). В нем военная служба определяется как «основной вид воинской службы, заключающийся в непосредственном исполнении гражданами воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) в составе Вооруженных Сил Республики Беларусь и других воинских формирований». В свою очередь воинская служба рассматривается как «особый вид государственной службы, включающий прохождение военной службы или службы в резерве Вооруженных Сил Республики Беларусь, военных или специальных сборов в период состояния в запасе Вооруженных Сил или других войск и воинских формирований» [5, ст. 1].

Таким образом, сущность военной службы заключается в выполнении обязанностей по обеспечению вооруженной защиты интересов государства, безопасности общества и личности.

Изложенные теоретические разъяснения содержания военной службы позволяют перейти к рассмотрению групп специфических компонентов и особенностей военной службы офицеров как вида профессиональной деятельности.

Первая из этих групп связана с тем, что военная служба представляет особый вид деятельности, непосредственно связанный с функцией вооруженной защиты интересов государства. Специфичность данного вида деятельности, само содержание военной службы определяют особый набор ценностей, которые должны быть присущи различным группам субъектов данной деятельности, прежде всего офицерам.

Вторая группа особенностей связана с особым содержанием и характером социальных норм, регулирующих профессиональную деятельность офицеров. Нормы достаточно конкретно предписывают стандарты, эталоны, образцы действий и функциональные границы, за которыми эти действия таковыми не являются. Причем (и это главное в характеристике военной службы) все они выступают как нормы-требования и имеют свое юридическое и административное закрепление в законах, воинских уставах, приказах, директивах, наставлениях, рекомендациях, распоряжениях и т. п. Другими словами, любая норма в рамках военной службы обязательна для исполнения. Невыполнение нормы несет за собой различные виды ответственности от дисциплинарной до уголовной [6, с. 113].

При этом нормативные документы четко определяют границы как действия норм, так и содержательные границы конкретной нормы. Содержание и границы конкретной нормы находят свое выражение в должностных правах и обязанностях военнослужащих, которые представляют собой своеобразную форму государственного регулирования порядка прохождения службы различными категориями военнослужащих. Более того, на наш взгляд, данные нормы тесно переплетаются с ценностями военной службы, даже в некоторой мере закрепляют их.

При рассмотрении ценностей и норм военной службы выявляются их схожесть, направленность на закрепление определенных моделей поведения военнослужащих как субъектов военно-профессиональной деятельности. Если взять за основу тезис о том, что воинские уставы написаны кровью предыдущих поколений, то можно сделать вывод, что данная схожесть вызвана необходимостью строгого социального контроля поведения военнослужащих при исполнении обязанностей военной службы. При таком подходе становится ясно, что жесткий контроль поведения военнослужащих при выполнении обязанностей военной службы, проявляющийся в системе социальных санкций, необходим для эффективного выполнения задач при ведении боевых действий. Более того, исполнительность, инициативность, дисциплинированность, готовность к самопожертвованию и т. д. являются необходимыми качествами субъектов профессиональной деятельности (военнослужащих), отражены как в качестве норм, так и в качестве ценностей военной службы.

Здесь следует отметить, что объективная необходимость личностной значимости для представителей офицерского корпуса определенного набора ценностей [7, с. 73] еще не означает, что они являются актуализированными для конкретного индивида. Речь идет о том, что поведение индивида может определяться не высокой значимостью для него ценностей военной службы, а желанием избежать наказания за нарушение тех или иных норм. В таком случае речь будет идти о своеобразном отбывании «воинской повинности», что будет выражаться и в отношении к военной службе как к способу материального обеспечения. В условиях повседневной деятельности войск такой подход к исполнению обязанностей военной службы может даже иметь определенный успех, обеспечить военнослужащему положительную репутацию. Однако чего можно ожидать от такого «службиста» в условиях реальных боевых действий?

Поэтому нормы и ценности военной службы должны осознаваться военнослужащими, особенно профессиональными военнослужащими, как ценность и внутренняя потребность, быть важными для личности и играть роль эталонов оценки себя, сослуживцев и всех составляющих

служебной деятельности. Без такого осознания они не будут оказывать существенного воздействия на поведение военнослужащих. Ведь люди в своем поведении руководствуются ценностными ориентациями только в том случае, если они, в целом, соответствуют их реальным возможностям и практически не следуют им, если они выполняют функцию лишь смысловой компенсации отсутствующих практических установок [8, с. 15].

Таким образом, в ходе рассмотрения ценностной составляющей военной службы необходимо не только определить наиболее значимые, но и оценить уровень их значимости для субъектов военно-профессиональной деятельности. Оценка значимости ценностей военной службы, на наш взгляд, может быть решена в ходе социологического анализа данной проблемы. Это связано с тем, что в данном случае наиболее целесообразно рассмотрение оценок значимости тех или иных ценностей, выявление причин, факторов и условий, влияющих на такие оценки как минимум одной из социальных групп, входящих в состав социального института Вооруженных Сил.

Третья группа особенностей связана с организацией самой служебной деятельности. Данные особенности проявляются в следующем:

тесной связи служебно-профессиональной деятельности с государственной идеологией (государственность, государственное и военное право, патриотизм, коллективизм, корпоративность и т. д.);

относительной пространственной изоляции от других социальных сред (изолированность территории воинской части, спецпропуска, специфические нормативные правовые акты, регулирующие порядок служебной деятельности и пр.);

наличия типичных средств социального взаимодействия (оружие, техника, воинские ритуалы и пр.);

относительной узости круга социального общения. Расширение этого круга связано с «выходом» за рамки профессиональной деятельности и требует прохождения определенных процедур (получение разрешения, издание приказа и пр.);

еще большей, чем в рамках таких институтов, как семья, политика и др., статусно-ролевой обезличенности военно-социальных отношений («лейтенант», «полковник», «командир» и пр. статусные роли);

нерастворимости и обособленности ценностей военной деятельности, их доминировании над ценностями других институтов и организаций;

особом, сильно формализованном (в основном юридически) характере нормирования военно-социальных отношений (закон, присяга, устав, приказ и пр.), в недопустимости социального люфта;

формировании особой автономной корпоративной субкультуры (кодекс поведения, корпоративные нормы общения и деятельности и пр.);

высокой степени принуждения, в системе ответственности и жесткости санкций за нарушения норм служебной деятельности;

системности применения, жесткости и формализованности процедур отбора и контроля;

высокой степени конформизма в социальном поведении в рамках военной службы, т. е. в высокой степени следования общепринятым нормам и правилам, высокой степени подверженности субъектов профессиональной деятельности «давлению» в рамках внутривидовых отношений;

относительной утрате свободы действий [6, с. 141].

Учитывая специфику рассматриваемой проблемы, к этой же группе следует отнести и высокий стратификационный потенциал, предоставляемый офицерам, т. е. широкий диапазон возможностей для служебно-должностного роста в рамках института военной службы.

Обобщая данную группу, можно сделать вывод, что она раскрывает некоторые социокультурные характеристики военной службы как вида профессиональной деятельности. Фактически речь идет о субкультуре профессиональной группы, сформированной на базе национального культурного контекста. Влияние национального культурного контекста на формирование профессиональной субкультуры обусловлено формированием последней в рамках конкретного социума в результате длительного социального процесса. Национальная культура связывает все

стороны жизнедеятельности общества, определяет моральные и этические нормы, характеристики социокультурного типа общества, национальный менталитет.

Национальный менталитет при этом представляет собой совокупность принятых и одобренных обществом взглядов, мнений, форм и способов поведения, отличающих данное общество от других человеческих общностей. Под влиянием национальных особенностей, национального менталитета формируются нравственные нормы, принятые в конкретном обществе. На основе данных норм возникают специфические нравственные нормы. Они представляют собой элементы механизмов, регулирующих социальную активность индивидов в той или иной сфере, в рамках того или иного вида деятельности, подчеркивают значимость одних культурных норм и меньшую актуальность других.

На наш взгляд, функционирование социальных норм, социокультурная составляющая общественной жизни, поддерживается и на государственном уровне. Данная поддержка отражается в определенной поддержке государством тех или иных социокультурных составляющих. Практическая реализация этой поддержки осуществляется в рамках государственной идеологии. Именно государственная идеология определяет приоритетные направления распределения людских и материальных ресурсов, расстановку приоритетов в сфере смыслов.

На уровне Вооруженных Сил данная связь проявляется наиболее остро. Ведь мировоззренческие взгляды военнослужащих, их убеждения должны не только соответствовать требованиям, предъявляемым самим содержанием военной службы (взаимовыручка, забота подчиненных о командире и командира о подчиненных и т. п.), но и отражать смысловые компоненты государственной идеологии, действующей Военной доктрины. Одной из наиболее ярких иллюстраций этого тезиса являются государственные идеологии США и СССР времен холодной войны в сфере формирования «образа врага». Без незыблемой уверенности граждан этих государств, особенно военнослужащих, в необходимости противостояния, «борьбы за правое дело» столь длительное противостояние между этими государствами вряд ли было бы возможно.

Вместе с тем наличие государственной идеологии, поддержка на государственном уровне определенных мировоззренческих составляющих не означают, что их разделяет конкретный индивид или представители социальной группы. На практике получается ситуация, что без актуализации для личности определенного мировоззрения, принятия взглядов и норм, государственная идеология может остаться набором лозунгов, не представляющих ценности для личности и, соответственно, не выступающих в качестве регуляторов социальной активности. Подобное расхождение, в рамках института военной службы, может послужить источником дисбаланса социокультурной системы на уровне государства.

Рассмотрение военной службы в качестве социокультурной системы, на наш взгляд, позволит выявить особенности взаимодействия различных социальных групп как элементов социальной системы, социально одобряемые модели поведения, специфику социальных групп и их роль в данной системе.

В ходе рассмотрения проблемы повышения кадрового потенциала офицерского корпуса, духовно-нравственной его составляющей, особый интерес вызывают вопросы, связанные с механизмом социализации культурных норм, взаимодействия социальной и культурной подсистем [9, с. 30]. Ведь именно их слияние в итоге формирует социокультурную систему, обеспечивает ее способность противостоять дестабилизирующему воздействию внешних факторов, связанных с существованием других социокультурных систем, стремлением расширить их влияние в т. ч. в информационно-смысловой сфере, навязать определенные идеологические концепты.

Таким образом, под духовно-нравственной составляющей укрепления кадрового потенциала офицерского корпуса нами понимается совокупность индивидуально-личностных характеристик военнослужащих, связанных с уровнем актуализации у них ценностей военной службы, мировоззренческих концептов (взглядов, идей, верований, убеждений) государственной идеологии, а также с приоритетом потребностей и мотивов, направленных на обеспечение безопасности государства в военной сфере.

Такое определение позволяет перейти к рассмотрению особенностей формирования и оценки духовно-нравственной составляющей кадрового потенциала на различных уровнях социокультурной системы, т. е. среди различных социальных групп военнослужащих. Здесь следует подчеркнуть, что, военно-кадровый потенциал представляет собой интегративную многокомпонентную и многофункциональную динамическую систему, развитие которой детерминируется множеством факторов военного, экономического, социального, психологического, духовно-нравственного, профессионально-деятельностного порядка [10, с. 38]. Безусловно, на различных уровнях функционирования данной системы влияние отдельных факторов будет некоторым образом отличаться, а значит, и процессы формирования и укрепления кадрового потенциала Вооруженных Сил будут иметь некоторые отличия.

Рассматривая проблему укрепления кадрового потенциала офицерского корпуса с учетом ее социокультурного характера, необходимо, прежде всего, определить социальные группы, которые следует рассматривать в качестве составляющих данного элемента кадрового потенциала Вооруженных Сил.

В соответствии с действующим законодательством к кадрам относится постоянный состав работников, состоящих в трудовых отношениях с органами государственного управления, предприятиями и организациями. Другими словами, к кадрам военного ведомства относятся все военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы с Министерством обороны Республики Беларусь.

В свою очередь под кадровым потенциалом понимается способность кадров решать стоящие перед ними текущие и перспективные задачи. Он определяется численностью кадров, их образовательным уровнем, личностными качествами, профессионально-квалификационной, половозрастной структурой, характеристиками трудовой и творческой активности [11]. Основные задачи, возлагаемые на офицеров в рамках служебной деятельности, тем или иным образом связаны с подготовкой войск (сил) к выполнению задач по предназначению, т.е. с осуществлением тех или иных управленческих функций. Соответственно, по содержанию реализуемых управленческих функций, значимости решаемых задач можно выделить следующие уровни кадрового потенциала офицерского корпуса:

стратегический (офицеры Министерства обороны и Генерального штаба Вооруженных Сил);
оперативный (офицеры командований);

тактический (офицеры воинских частей и соединений, а также им равных воинских формированиях и организациях Вооруженных Сил).

Вместе с тем такая градация является не полной. Это связано с тем, что решение текущих и перспективных задач, связанных с реализацией управленческих функций той или иной степени значимости и входящих в компетенцию офицерского состава, возлагается и на военнослужащих, назначенных на должности офицерского состава, но не имеющих офицерского звания. Стратификационные механизмы, действующие в рамках института военной службы, позволят таким военнослужащим в будущем получить офицерское звание, но до этого момента входить в состав офицерского корпуса они не будут. Соответственно, они не будут в полной мере допущены к участию в выполнении ряда корпоративных норм, функционирующих в офицерской среде (офицерские собрания и т. п.). Кроме того, им потребуется некоторое время для усвоения принятого среди офицеров кодекса поведения.

В рамках кадрового потенциала офицерского корпуса также следует рассматривать и курсантов военных учебных заведений, обучающихся по программам подготовки, обеспечивающим получение офицерского звания и заключивших контракт о прохождении военной службы с Министерством обороны Республики Беларусь (далее – курсанты). Это связано с тем, что представители данной категории военнослужащих, во-первых, вступили в трудовые отношения с военным ведомством, во-вторых, перспективной задачей профессиональной деятельности курсантов является реализация управленческих функций в качестве офицера после завершения обучения (текущей задачи) [12, ст. 9.1]. Однако, как и в случае с военнослужащими, назначенными на воинские должности, подлежащие замещению офицерами, курсанты не являются офицерами, т. е. не входят в состав офицерского корпуса.

Вместе с тем курсанты представляют собой основное звено формирования офицерского корпуса, т. к. в Вооруженных Силах выпускниками военных учебных заведений после получения ими офицерского звания комплектуется подавляющее большинство первичных должностей офицерского состава. Соответственно, курсанты за время обучения должны овладеть рядом профессиональных компетенций, необходимых для выполнения обязанностей младшего офицера. Кроме того, у них должны сформироваться определенные личностные качества духовно-нравственного характера. Другими словами, время обучения курсантов – это период не только овладения профессиональными компетенциями, характеризующими уровень профессиональной подготовленности к выполнению определенных задач, но и своеобразными компетенциями, характеризующими профессионально-ценностную составляющую, т.е. степень актуализации ценностей, мировоззренческих и мотивационных установок, представляющих собой духовно-нравственную основу профессиональной деятельности офицера Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Безусловно, осознание долга перед народом и государством, ценностное отношение к тем или иным явлениям социальной жизни, взгляды и убеждения формируются на протяжении всей жизни: сначала в семье, затем в учреждениях дошкольного и школьного образования, в высших учебных заведениях и, конечно, в профессиональном сообществе. Но учебное заведение, его образовательная среда занимают исключительное место в этой цепочке [13, с. 37]. Время обучения, как правило, затрагивает период от 17–20 до 21–25 лет. В данном возрасте человек уже является самостоятельной личностью, но его индивидуальное мировоззрение еще не окончательно сформировано, он активно стремится к переоценке имеющихся взглядов, усвоению профессиональных знаний и ценностей [14, с. 277]. Фактически в этот период вырабатываются ценностные ориентации, характеризующие личность, складывается мировоззрение [15, с. 22–24], формируется определенное отношение к избранной профессиональной деятельности и планируется карьера [16, с. 272–276]. Другими словами, именно на данном этапе завершается профессиональное самоопределение курсантов, определяются их отношение к военной службе и жизненные перспективы, связанные с профессиональной деятельностью.

Исходя из этого, на наш взгляд, необходимо выделение еще одного уровня кадрового потенциала офицерского корпуса. В качестве такого уровня нами рассматривается базисный уровень кадрового потенциала офицерского корпуса. Под базисным уровнем кадрового потенциала офицерского корпуса нами понимаются социальные группы военнослужащих, не имеющих званий офицерского состава, профессиональная деятельность которых в данное время или в перспективе представляет собой исполнение обязанностей по воинским должностям, подлежащим замещению офицерами.

Следует отметить, что социологический анализ проблем, связанных с укреплением кадрового потенциала офицерского корпуса Вооруженных Сил Республики Беларусь, среди курсантов представляет собой относительно новую задачу. Результаты целенаправленных социологических исследований в данной области могут использоваться при подготовке мер, направленных на совершенствование действующей в стране системы менеджмента качества образовательной услуги. На наш взгляд, в настоящее время в ходе подготовки курсантов недостаточно внимания уделяется оценке эффективности духовного формирования личности, совершенствованию форм и методов оценки их личностных качеств. Необходимость подобной взвешенной оценки обусловлена спецификой содержания военной службы как вида профессиональной деятельности, в особенности среди военнослужащих, на которых в настоящее время или в перспективе возлагаются обязанности по реализации управленческих функций. Разработка и применение социологического инструментария, опирающегося на теоретико-методическую базу, полученную в ходе исследования особенностей формирования и изменения профессиональных и нравственных ценностей курсантов, других компонентов духовно-нравственной составляющей кадрового потенциала, позволят восполнить данный пробел, решить ряд практических задач, связанных с укреплением кадрового потенциала Вооруженных Сил.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что Вооруженные Силы выступают в качестве одного из основных государственных институтов, элементом системы обеспечения безопасно-

сти государства в военной сфере. Повышение эффективности принимаемых мер по обеспечению безопасности государства в военной сфере в существенной степени зависит от офицеров как субъектов профессиональной деятельности. Это обусловлено особой ролью офицерского корпуса в обеспечении боевой готовности подразделений, воинских частей и соединений. Ни одна другая группа военнослужащих не несет такой ответственности, не наделена такими правами и обязанностями в решении главных военно-социальных задач, как офицеры. Кроме того, под влиянием современных тенденций развития способов ведения вооруженной борьбы, систем вооружения и техники повышаются требования к офицерам как в сфере профессиональной подготовки, развития интеллектуальных способностей, так и в духовно-нравственном контексте.

Здесь следует отметить, что духовно-нравственная составляющая военной службы обуславливается как спецификой профессиональной деятельности по обеспечению военной безопасности государства, подготовкой к ведению вооруженной борьбы, так и социокультурной средой. В итоге духовно-нравственная составляющая складывается, с одной стороны, из элементов, связанных с особым содержанием данного вида профессиональной деятельности (необходимостью ведения вооруженной борьбы), т. е. общих для представителей военной организации любого государства, с другой – с особенностями исторического развития, национальным менталитетом, идеологией, ценностями, отношением народа к Вооруженным Силам и властным структурам. Другими словами, в качестве духовно-нравственной составляющей кадрового потенциала офицерского корпуса нами рассматривается совокупность индивидуально-личностных характеристик военнослужащих, связанных с уровнем актуализации у них ценностей военной службы, мировоззренческих концептов (взглядов, идей, верований, убеждений), государственной идеологии, а также с приоритетом потребностей и мотивов, направленных на обеспечение безопасности государства в военной сфере.

В современных условиях значимость духовно-нравственной компоненты возрастает. Несмотря на то что взгляды, ценности, убеждения людей в некоторой степени изменяются в течение всей жизни, их основа формируется до 22–25 лет. Поэтому в деятельности по укреплению кадрового потенциала офицерского корпуса необходимо особое внимание уделить курсантам. Данная социальная группа, на наш взгляд, является основой базисного уровня кадрового потенциала офицерского корпуса Вооруженных Сил.

На наш взгляд, для повышения эффективности деятельности по формированию духовно-нравственных компонент у курсантов, в контексте рассматриваемой проблемы, в первую очередь необходимо:

уточнить содержание понятия «базисный уровень кадрового потенциала офицерского корпуса», произвести теоретический и методологический анализ особенностей социальной группы курсантов;

определить ключевые критерии оценки духовно-нравственной составляющей среди курсантов;

провести социологическое исследование, в ходе которого изучить особенности формирования у курсантов во время обучения профессионально значимых духовно-нравственных компонент.

Решение данных задач, на наш взгляд, позволит подготовить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию работы, проводимой в целях укрепления кадрового потенциала Вооруженных Сил Республики Беларусь, определить первоочередные задачи по повышению эффективности мероприятий, направленных на формирование у курсантов профессионально значимых духовно-нравственных компонент.

Список использованных источников

1. Бузин, Н. Е. Европейский «потоп» между миграцией и хаосом / Н. Е. Бузин // *Беларуская думка*. – 2016. – № 8. – С. 56–61.
2. Равков, А. Документ мира и безопасности / А. А. Равков // *Беларуская думка*. – 2016. – № 8. – С. 3–10.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575: с изм. и доп. на 30.01.2014 г. // ЭТАЛОН [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск, 2011. – 96 с.
5. О воинской обязанности и воинской службе: Закон Респ. Беларусь, 5 нояб. 1992 г.: с изм. и доп. на 04.01.2015 г. // ЭТАЛОН [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. Примаков, В. Л. Социализация офицера в условиях военной службы (на примере Вооруженных Сил Российской Федерации): дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08 / В. Л. Примаков; Воен. ун-т. – М., 2000. – 391 с.
7. Михайлова, В. Н. Личностный потенциал государственных служащих в условиях российского региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / В. Н. Михайлова; Рос. гос. социальный ун-т. – М., 2008. – 143 с.
8. Битуева, А. В. Соотношение содержательной и динамической сторон в ценностных ориентациях государственных служащих: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / А. В. Битуева; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2000. – 25 с.
9. Павленко, М. В. Духовно-нравственные основы деятельности государственных служащих в современных социокультурных условиях России: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / М. В. Павленко, Курский гос. техн. ун-т. – Курск, 2005. – 155 с.
10. Кужилин, В. Ф. Руководящий военно-кадровый потенциал Вооруженных Сил Российской Федерации: методология социологического исследования, состояние, формирование и реализация: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08 / В. Ф. Кужилин, Воен. ун-т. – М., 2004. – 343 с.
11. Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2001 г. № 399: с изм. и доп. от 12.11.2003 г. // ЭТАЛОН [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
12. Положение о порядке прохождения военной службы: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 25 апр. 2005 г. № 186: с изм. и доп. от 23.02.2015 г. // ЭТАЛОН [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
13. Родионова, Н. А. Повышение престижа военной службы среди студентов: социально-управленческий аспект: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / Н. А. Родионова; НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия». – М., 2009. – 110 с.
14. Шоповаленко, И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) / И. В. Шоповаленко. – М.: Гардарики, 2004. – 349 с.
15. Гомезо, М. В. Возрастная психология: личность от молодости до старости: учеб. пособие / М. В. Гомезо [и др.]; под общ. ред. М. В. Гомезо. – М.: Пед. о-во России, 2001. – 272 с.
16. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: учеб. и практикум для академического бакалавриата: в 2 т. – Т. 2. – М.: Юрайт, 2015. – 417 с.

References

1. Buzin N. E., “European "Deluge" between Migration and Chaos”, *Belaruskaia dumka [Belarusian thought]*, 2016, no. 8, pp. 56–61.
2. Ravkov A. A., “Peace and Security Document”, *Belaruskaya dumka [Belarusian thought]*, 2016, no. 8, pp. 3–10.
3. “National Security Concept of the Republic of Belarus”, available at: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>, (Accessed 14/10/2016).
4. *Konstitutsiia Respubliki Belarus' (s izmeneniiami i dopolneniiami, priniatymi na respublikanskikh referendumakh 24 noiabria 1996 g. i 17 oktjabria 2004 g.) [The Constitution of the Republic of Belarus (including changes and amendments adopted at the national referenda on 24 November 1996 and 17 October 2004)]*, Minsk, BY, 2011.
5. “Law of the Republic of Belarus “On Military Duty and Military Service””, available at: <https://docviewer.yandex.by/?url=http%3A%2F%2Fwww.raikiri.by%2Ffiledownload.php%3Ffile%3D516&name=filedownload.php%3Ffile%3D516&lang=ru&c=58d822c01d77>, (Accessed 14/10/2016).
6. Primakov V.L., “Socialization of an Officer in the Conditions of Military Service (based on the case of the Russian Armed Forces)”, D. Sc. Thesis, Sociology of Management, Military University, Moscow, RU, 2000.
7. Mikhailova V.N., “Personal Potential of Civil Servants in the Conditions of Russian Region”, Ph.D. Thesis, Sociology of Management, Russian State Social University, Moscow, RU, 2008.
8. Bitueva A. V., “The Ratio of the Meaningful and Dynamic Components in Value Orientations of Civil Servants”, Abstract of Ph.D. dissertation, Developmental Psychology, Acmeology, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, RU, 2000.
9. Pavlenko M. V., “The Spiritual and Moral Foundations of Civil Servants in the Contemporary Socio-cultural Conditions of Russia”, Ph. D. Thesis, Sociology of culture, spiritual life, Kursk State Technical University, Kursk, RU, 2005.
10. Kugilin V. F., “Administrative Capacity of the Military Personnel of the Russian Armed Forces: A Sociological Research Methodology, the State, Formation and Implementation”, D. Sc. Thesis, Sociology of Management, Military University, Moscow, RU, 2004.
11. “The Concept of State HR Policy of the Republic of Belarus”, available at: https://docviewer.yandex.by/?url=http%3A%2F%2Fwww.pac.by%2Frezerv%2Ffkr_au_2010.files%2Fkonzeption.doc&name=konzeption.doc&lang=ru&c=58d82d6abc5d, (Accessed 14/10/2016).
12. “Regulations on the Military Service”, available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8192, (Accessed 14/10/2016).
13. Rodionova N. A., “Enhancing of the Prestige of Military Service among Students: A Social and Administrative Aspect”, Ph. D. Thesis, Sociology of Management, NACHOU VPO “The Modern Humanitarian Academy”, Moscow, RU, 2009.

14. Shopovalenko I. V., *Vozrastnaia psikhologiya (Psikhologiya razvitiia i vozrastnaia psikhologiya)* [Age-related psychology (Psychology of Development and Developmental Psychology)], Gardariki, Moscow, RU, 2004.

15. Gomezo M. V., Gerasimova V. S., Gorelova G. G., Orlova L. M., *Vozrastnaia psikhologiya: lichnost' ot molodosti do starosti: ucheb. Posobie* [Developmental Psychology: Personality from Youth to Old Age: A Textbook], in Gomezo M. V. (ed.), *Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii*, Moscow, RU, 2001.

16. Abramova G. S., *Vozrastnaia psikhologiya: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata v 2-kh tomakh* [Developmental Psychology: A Textbook and Practicum for Undergraduates in 2 Volumes], V. 2, Iurait, Moscow, RU, 2015.

Информация об авторе

Кляр Андрей Анатольевич – заместитель начальника государственного культурно-досугового учреждения «Центральный Дом офицеров Вооруженных Сил Республики Беларусь» (ул. Красноармейская, 3, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Klar.AA@yandex.by.

Для цитирования

Кляр, А. А. Совершенствование кадрового потенциала Вооруженных Сил Республики Беларусь / А. А. Кляр // *Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2017. – № 2. – С. 25–35.

Information about the author

Kliar Andrei Anatolievich, Deputy Head of the Central Officers' House of the Armed Forces of the Republic of Belarus (3 Krasnoarmeyskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Klar.AA@yandex.by.

For citation

Kliar A. A. Strengthening the Human Resources Capacity of the Belarusian Armed Forces. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series*, 2017, no. 2, pp. 25–35.

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК 327(476:4-470)''1922''

Паступіў у рэдакцыю 13.10.2015

Received 13.10.2015

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

ДЗЕЙНАСЦЬ КАМІСІІ ПА АЦЭНЦЫ СТРАТ, НАНЕСЕННЫХ ЭКАНОМІЦЫ БССР ПОЛЬСКОЙ АРМІЯЙ І АКУПАЦЫЙНЫМІ ЎЛАДАМІ

После заключения Рижского мирного договора в марте 1921 г. руководство БССР было вынуждено решать проблему экономического восстановления народного хозяйства, возвращения вывезенного имущества, поиска внутренних и внешних финансовых ресурсов. Если вопрос реэвакуации более или менее решался при помощи созданной в мае 1921 г. Польско-российско-украинской реэвакуационной комиссии, то вопрос компенсации потерь, нанесенных польскими войсками и оккупационными властями, просто повисал в воздухе. Процесс определения точной цифры потерь начался только в начале 1922 г. и был инициирован Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР. Именно в это время 21 января 1922 г. Постановлением СНК БССР была создана Специальная комиссия по оценке потерь, нанесенных действиями польской армии и оккупационными властями государству, частным лицам и учреждениям на территории БССР. Комиссия по оценке потерь действовала в условиях слабого финансирования, неподготовленности технического персонала. Ее деятельность была ограничена во времени и возможностях. Потери по республике составили 9 млрд 34 млн 208 тыс. 319 советских руб., или 52 млн 29 тыс. 281 золотой довоенный руб. и 34 коп.

Ключевые слова: ущерб, польско-советская война, польская оккупация, Польско-российско-украинская реэвакуационная комиссия.

O. N. Borovskaya

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ACTIVITY OF THE COMMISSION FOR THE EVALUATION OF DAMAGES CAUSED TO THE BSSR ECONOMY BY THE POLISH ARMY AND OCCUPATION AUTHORITIES

After the Treaty of Riga was signed in March 1921, the BSSR leaders had to address the issues of recovering the economy, returning property from abroad and searching for internal and external financial resources. While the issue of re-evacuation was more or less under control through the Polish-Russian-Ukrainian Commission for Re-evacuation established in May 1921, the issue of reimbursement for damages caused by Polish troops and occupation authorities simply hung in the air. The process of determining the exact figure of the damages only started in early 1922. It was initiated by the RSFSR People's Commissariat of Foreign Affairs. At that very time, on 21 January 1922, the BSSR Council of People's Commissariats adopted a resolution to establish the Ad Hoc Commission for the Evaluation of Damages Caused by the Polish Army and Occupation Authorities to the State, Private Persons and Institutions in the Territory of the BSSR. The Commission operated in the conditions of underfunding and low competence of technical personnel and was limited in time and capacity. The total damages to the Republic amounted to 9,034,208,319 Soviet roubles or 52,029,281 pre-war roubles 34 kopecks.

Keywords: damage, Polish-Soviet War, Polish occupation, Polish-Russian-Ukrainian Re-evacuation Commission.

Польска-савецкі ваенны канфлікт 1919–1921 гг. быў выкліканы імкненнем кіруючых польскіх колаў да адраджэння Польскай дзяржавы ў межах 1772 г., жаданнем савецкага кіраўніцтва рэалізаваць на практыцы план сусветнай пралетарскай рэвалюцыі. У выніку ваенных дзеянняў мясцовае насельніцтва і ўся народная гаспадарка БССР у цэлым падвяргаліся частым рабаванням, рэквізіцыям, разбурэнням. Асобныя населеныя пункты, такія як, напрыклад, Барысаў, былі амаль цалкам знішчаны. Многія прамысловыя прадпрыемствы, аб'екты народнай асветы былі разрабаваны, іх абсталяванне было вывезена адступаючымі польскімі войскамі.

Зразумела, што пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора ў сакавіку 1921 г. кіраўніцтва БССР было вымушана вырашаць праблему эканамічнага ўзнаўлення народнай гаспадаркі, звароту вывезенай маёмасці, пошуку ўнутраных і знешніх фінансавых рэсурсаў. Калі пытанне рээвакуацыі больш-менш вырашалася пры дапамозе створанай у маі 1921 г. Польшка-расійска-ўкраінскай рээвакуацыйнай камісіі, то пытанне кампенсацыі страт, нанесеных польскімі войскамі і акупацыйнымі ўладамі, было нявырашана. Згодна з VIII артыкулам Рыжскага мірнага дагавора, абодва бакі адмаўляліся ад выплаты ваенных страт, якія былі нанесены мірным жыхарам падчас ваенных дзеянняў і аперацый [1, с. 627].

Працэс вызначэння дакладнай лічбы страт быў распачаты толькі ў пачатку 1922 г. і ініцыяваны Народным камісарыятам замежных спраў РСФСР. Менавіта ў гэты час, 21 студзеня 1922 г. Пастановай СНК БССР была створана Спецыяльная камісія па ацэнцы страт, нанесеных дзеяннямі польскай арміі і акупацыйнымі польскімі ўладамі дзяржаве, прыватным асобам і ўстановам на тэрыторыі БССР (далей – Камісія па ацэнцы страт). Асноўнай прычынай стварэння Камісіі па ацэнцы страт з’явілася неабходнасць контраргумента эканамічным прэтэнзіям, выстаўленым польскай дэлегацыяй на пасяджэннях Польшка-расійска-ўкраінскай рээвакуацыйнай камісіі (ПРУРК). Вынікі яе працы разглядаліся ў якасці надзейнага сродку змяншэння фінансава-эканамічных прэтэнзій, выстаўленых краінамі Антанты да Савецкай Расіі на Генуэзскай канферэнцыі і іншых міжнародных сустрэчах.

Цікава, што айчынная гістарыяграфія амаль цалкам не закранае пытанне дзейнасці Камісіі па ацэнцы страт. У савецкай гістарычнай навуцы 1919 – пачатку 1940-х гг. [2–5] аўтары, імкнучыся паказаць разбуральны характар польскай акупацыі, прыводзяць агульныя лічбы страт па ўсёй рэспубліцы. Такім чынам, па-за ўвагай застаюцца механізм іх падліку і рэгіянальная дэталізацыя. Часта аўтары, якія вывучаюць гэты перыяд, ставяць знак роўнасці паміж Камісіяй па ацэнцы страт і Беларускамі таварыствам садзейнічання ахвярам інтэрвенцыі 1917–1920 гг., якія хоць і ставілі аднолькавыя мэты, аднак існавалі ў розны адрэзак часу. Аналагічную сітуацыю сустракаем і ў зборніку “Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919–1920 гг.” [6], які пабачыў свет у 1940 г. Айчынныя даследчыкі сярэдзіны 1940 – канца 1980-х гг. [7–8] у большасці сваёй карысталіся лічбамі, уведзенымі ў навуковы ўжытак іх папярэднікамі.

У склад Камісіі па ацэнцы страт уваходзілі прадстаўнікі (старшыні) ад цэнтральных ведамстваў БССР – Народнага камісарыята юстыцыі БССР, Народнага камісарыята ўнутраных спраў БССР, Народнага камісарыята земляробства БССР, Рабоча-сялянскай інспекцыі, Цэнтральнага статыстычнага таварыства. Узначальваў камісію кіраўнік статыстычнага ведамства БССР – М. І. Шкубер (1922–1927 гг.).

Камісія па ацэнцы страт складалася з Цэнтральнай камісіі, шасці павятовых камісій, якія ў сваю чаргу дзяліліся на сто шаснаццаць валасных камісій. Згодна з праектам Палажэння аб Камісіі па ацэнцы страт, у склад павятовых камісій павінны былі ўваходзіць члены павятовага выканаўчага камітэта. Абавязковай умовай існавання валасных камісій з’яўлялася наяўнасць сярод яе членаў трох супрацоўнікаў валаснога выканаўчага камітэта. Пры гэтым валасныя камісіі мелі права разглядаць толькі справы аб стратах, нанесеных сялянскім гаспадаркам, якія знаходзіліся ў межах воласці. Калі ж справа датычылася разгляду страт, нанесеных сельскагаспадарчым і прамысловым прадпрыемствам той жа самай воласці, то гэта пытанне павінна была вырашаць павятовая камісія [9, арк. 2–3].

Праца павятовых і валасных камісій была падзелена на тры этапы: устанаўленне факта страт – усталяванне сувязі паміж стратамі і дзеяннямі польскай арміі і акупацыйных улад – ацэнка страт [9, арк. 2–3]. Пры гэтым у працэсе ўстанаўлення факта страт прызнавалася неабходным наяўнасць або рэквізацыйных квітанцый польскіх ваенных, або паказанняў сведак. Доказамі страт таксама маглі выступіць пратаколы, складзеныя савецкімі ўладамі адразу пасля адыходу польскіх войскаў. Сапраўднымі прызнаваліся і выпіскі з кніг земскіх і гарадскіх упраў, казённых палат і казначэйства, куды заносіліся страты, атрыманыя ў выніку знішчэння нерухомай маёмасці.

Разгляд справы ацэнкі страт праходзіў ў рамках публічных пасяджэнняў, куды афіцыйна, праз павестку, выклікаліся пацярпелыя, сведкі, эксперты. У выніку працы выносіўся прысуд, які мог быць абскарджаны на працягу двух тыдняў у судзе. Для паскарэння справы ацэнкі рэкамендавалася пацярпелым мець на руках ацэначныя дакументы (страхавыя полісы, акладныя лісты, спраўкі аб ацэнцы Земскай Гарадской казённой палаты) [9, арк. 93–93 адв.]. Вынікам працы камісіі па ацэнцы страт павінна была стаць агульная ведамасць, куды заносіліся б лічбы з шасці

павеатаў, уваходзячых у склад БССР [9, арк. 2–3]. Пры гэтым страты павінны быць прадстаўлены ў даваеннай, царскай валюце. Перавод лічбаў з савецкіх грошай на царскія выклікаў складанасць і патрабаваў ад супрацоўнікаў павятовых і валасных камісій ведання коштаў даваеннага рубля ў савецкіх знаках памесячна за другую палову 1919 г. і студзень–ліпень 1920 г. [9, арк. 170].

16 лютага 1922 г. была зацверджана Пастанова УЦВК РСФСР аб рээвакуацыі маёмасці РСФСР з Польшчы. Згодна з гэтым дакументам, у адпаведнасці з умовамі Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. расійска-ўкраінскі бок мог на правах узаемнасці патрабаваць ад Польшчы звароту і рээвакуацыі ўсёй маёмасці, вывезенай у перыяд з 1914 па 1920 г. як польскімі, так і нямецкімі ўладамі з тэрыторыі РСФСР (*і БССР*). Менавіта па гэтай прычыне ўсім павятовым камісіям па ацэнцы страт прадпісвалася неадкладна пачаць збор статыстычнага матэрыялу і накіроўваць яго на адрас Народнага камісарыята замежных спраў РСФСР. Асабліваю ўвагу неабходна было звярнуць на зону пагранічнай паласы [9, арк. 44–45]. Такім чынам, звесткі, якія паступалі ад камісій па ацэнцы страт, з’яўляліся каштоўнай крыніцай інфармацыі для працы Польшка-расійска-ўкраінскай рээвакуацыйнай камісіі.

У адпаведнасці з Пастановай УЦВК РСФСР аб рээвакуацыі маёмасці РСФСР з Польшчы прадпісвалася “ўсім дзяржаўным установам і грамадскім аб’яднанням, якія валодаюць якім-небудзь матэрыялам, даказваючым факт вывазу маёмасці на тэрыторыю Польшчы, тэрмінова яго прадставіць у Народны камісарыят замежных спраў”. Гэта таксама датычылася кіраўніцтва пагранічных павятовых выканаўчых камітэтаў. Даказаць факт вывазу маёмасці можна было як рэквізацыйнымі паперамі, так і пры дапамозе паказанняў сведак (пісьмовых або вусных), завераных натарыяльна ў аддзелах мясцовых органаў юстыцыі.

Згодна з заданнямі Камісіі па ацэнцы страт, усе страты былі падзелены на некалькі ключавых груп. Першая вялікая група датычылася гарадоў: сюды ўключаліся ўсе страты, нанесеныя гаспадарцы ад разбурэнняў будынкаў, з-за адсутнасці рамонту (муніцыпальныя пабудовы, асабістыя дамы), ад ваеннага пастоя. Другая група была разлічана на прамысловыя прадпрыемствы: тут знаходзіліся страты, нанесеныя з-за адсутнасці рамонту, ад невытворчага выкарыстання (перарасход вады), ад неатрымання даходаў ад вытворчасці прадпрыемстваў. Трэцяя група ўключала дарожныя страты (грунтавыя, маставыя, шашэйныя, масты). У чацвёртую групу былі ўключаны агульнабюджэтныя страты гарадской і земскай гаспадаркі за 1914–1917 гг. (падзенне даходаў, расходы на ваенныя патрэбы, асігнаванні Усерасійскаму Саюзу гарадоў і Земскаму саюзу) [9, арк. 88–88 адв.]. Акрамя гэтага, усе страты былі падзелены на дзве групы – тыя, якія былі нанесены польскімі войскамі і акупацыйнымі ўладамі, і тыя, якія з’явіліся вынікам бандыцкіх налётаў. У другую групу прапаноўвалася ўключыць страты, нанесеныя войскамі С. Н. Булак-Балаховіча, С. В. Пятлюры. У ходзе працы камісій па ацэнцы страт складаліся акты аб нанесеных стратах або згубах, абавязкова ў прысутнасці пацярпелага, сведак і экспертаў. У акце павінны былі пазначыцца месца, дзе адбылося рабаванне, з дакладным вызначэннем вёскі, воласці, павеата; прозвішча, імя пацярпелага, прычына нанесенай страты, дакладная назва прадметаў, іх колькасць у пудах ці іншых адзінках вымярэння, прыкладная сума страты ў рублях даваеннага часу [9, арк. 396].

Камісія павінна была скончыць сваю працу да 15 красавіка 1922 г. Зразумела, падлічыць за такі кароткі адрэзак часу ўсе страты было вельмі складана. Паступалі неаднаразовыя запыты ад Народнага камісарыята замежных спраў РСФСР на адрас Камісіі па ацэнцы страт з патрабаваннямі паскорыць працу і прадставіць агульную лічбу страт [9, арк. 24, 27]. Пры гэтым многія старшыні павятовых і валасных камісій пры накіраванні вынікаў працы адзначалі, што “прадстаўленыя звесткі не могуць лічыцца дакладнымі, паколькі былі сабраны ў вялікай спешцы” [9, арк. 36]. У канцы красавіка 1922 г. на адрас Слуцкай валасной камісіі нават паступіла патрабаванне прадставіць агульную лічбу страт, нанесеных польскімі войскамі, незалежна ад колькасці пададзеных заяў і разгледжаных спраў [9, арк. 162].

Пры гэтым патрабавалася не ўключыць у гэту лічбу дарожныя, чыгуначныя, паштовыя страты, якія ўжо былі ўлічаны Рабоча-сялянскай інспекцыяй РСФСР.

Народны камісарыят замежных спраў РСФСР у шматлікіх інструкцыях і тэлеграмах, накіраваных на адрас Цэнтральнай камісіі па ацэнцы страт, раіў звярнуць большую ўвагу на страты, нанесеныя ў пагранічнай паласе. Справа ў тым, што гэтая тэрыторыя фактычна не падпарадкоўвалася савецкай уладзе. Да канца працы Змешанай пагранічнай камісіі (ліпень 1922 г.) на ёй знаходзіліся не

толькі савецкія вайсковыя часці, але і польскія фарміраванні. Камісія па ацэнцы страт павінна была правесці абследаванне пагранічнай тэрыторыі на прадмет незаконнай высечкі лясоў, ажыццяўлення рабаванняў [9, арк. 285]. Супрацоўнікам павятовых і валасных камісій прадпісвалася скласці акт па ацэнцы страт, куды ўносіліся прозвішча і імя пацярпелага, назва населенага пункта, прычына страты, дакладны пералік усіх рэквізаваных прадметаў (у адзінках вагі), прыкладная сума страты ў даваенных рублях [9, арк. 396]. Складзеныя акты па ацэнцы неабходна было накіроўваць у Змешаную пагранічную камісію, у функцыі якой уваходзіла вырашэнне пагранічных канфліктаў.

Складанасці ў працу Камісіі па ацэнцы страт уносіла і слабая падрыхтаванасць персаналу, яго нізкая адукаванасць. Для павышэння эфектыўнасці камісіі прадугледжвалася стварыць і распаўсюдзіць падрабязныя інструкцыі і формы справаводства. Гэтыя мерапрыемствы, згодна з планами, павінны былі стаць сродкам актывізацыі і паскарэння справы [9, арк. 177–178]. Для гэтай мэты была склікана нарада-семінары з прадстаўнікоў павятовых камісій, дзве былі зняты шматлікія спрэчныя моманты, выпрацаваны адпаведныя бланкі і формы, прынята рашэнне аб мерах па большай інфармаванасці насельніцтва (расклеіванне насценных газет і аб'яў на вуліцах населеных пунктаў) [10, арк. 8].

Цяжкасці ў працу Камісіі па ацэнцы страт уносіла слабае фінансаванне. Вострая неабходнасць аплаты працы абслугоўваючага персаналу рабіла справу падліку дастаткова складанай [10, арк. 69]. Так, напрыклад, супрацоўнікі Барысаўскай павятовай камісіі не атрымлівалі заробковай платы на працягу амаль шасці месяцаў. Многія з іх вырашалі справу звальненнем, некаторыя вымушаны былі працягваць працу ў камісіях, аднак адносіліся да выканання сваіх службовых абавязкаў абьякава, без інтузіязму.

Некаторая пасіўнасць працы павятовых камісій тлумачылася не толькі слабым фінансаваннем, але і адсутнасцю дакументальных даных, якія пацвярджалі б факт рабавання. Так, за перыяд 1920–1921 гг. звесткі былі зусім нязначныя: адсутнічалі вопісы знішчанага маёмасці, а арганізацыя збору інфармацыі натыкалася на адсутнасць неабходнага тэхнічнага персаналу [9, арк. 274]. Асабліва востра гэтая праблема стаяла ў Барысаўскім павеце. Тут наогул адсутнічалі якія-небудзь звесткі аб рабаваннях. Згодна з справаздачай канца лютага – пачатку сакавіка 1922 г. старшыні павятовай камісіі, збор дакументальных даных сутыкаўся яшчэ і з індывідуальнымі паводзінамі мясцовага насельніцтва, у якога адсутнічала надзея на факт атрымання якой-небудзь кампенсацыі. Сотні павестак, накіраваных камісіямі павета пацярпелым, не знаходзілі водгуку.

Таму становіцца цалкам зразумела, чаму падвесці вынікі працы Камісіі па ацэнцы страт удалося толькі ў жніўні 1922 г. Менавіта ў гэты час на адрас Народнага камісарыята замежных спраў паступіла справаздача камісіі, у якой былі ўказаны ўсе лічбы, з пералікам на царскія, даваенныя рублі, керанкі. Так, па рэспубліцы страты складалі 9 млрд 34 млн 208 тыс. 319 савецкіх руб., або 52 млн 29 тыс. 281 залатых даваенных руб. і 34 кап. [9, арк. 365].

Агульная зводка сум страт, нанесеных польскай арміяй і акупацыйнымі ўладамі дзяржаве, установам і прыватным асобам на тэрыторыі БССР [9, арк. 2]

Summary of the amounts of damages caused by the Polish army and occupation authorities to the state, institutions and private persons in the BSSR [9, p. 2]

Назва камісіі	У залатой даваеннай валюце		У савецкіх рублях 1919–1920 гг., руб.	У мікалаеўскай валюце, руб. крэд.	Польскімі маркамі, марак	Думскімі, руб.	Керанкамі, руб.
	руб.	кап.					
Цэнтральная і Мінская павятовая камісіі	13.763.167	34	914.004.549	38.752.666	77.175.619	378.350	148.200
Бабруйская павятовая камісія	10.037.326	64	–	–	–	–	–
Барысаўская	3.254.392	14	8.120.202.500	–	–	–	–
Ігуменская	1.744.623	82 1/5	1.300	–	–	–	–
Мазырская	19.721.488	56	–	–	–	–	–
Слуцкая	3.508.222	84	–	22.747	–	–	–
Усяго	52.029.281	94 ½	9.034.208.319	38.775.413	77.175.619	378.350	148.200

Камісія па ацэнцы страт, нанесеных дзеяннямі польскай арміі і акупацыйнымі польскімі ўладамі дзяржаве, прыватным асобам і ўстановам на тэрыторыі БССР, дзейнічала ва ўмовах слабага фінансавання, непадрыхтаванасці тэхнічнага персаналу. Яе дзейнасць была значна абмежавана па часе і магчымасцях. Сабраны статыстычны матэрыял камісіі па ацэнцы падлягае верыфікацыі і пераправерцы. Таму не дзіўна, што яе паслядоўнікі, такія як, напрыклад, Беларускае таварыства садзейнічання ахвярам інтэрвенцыі, ацэньвалі працу камісіі як малаэфектыўную, сабраны матэрыял кваліфікавалі як “малапрыдатны для выкарыстання” [11, арк. 97].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. – М., 1959. – Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 723 с.
2. Шчарбакоў, В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя / В. К. Шчарбакоў. – Мінск : Белдзярж. выд-ва, 1930. – 127 с.
3. Зимионко, А. Оккупация и интервенция в Белоруссии / А. Зимионко. – М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1932. – 46 с.
4. Лочмель, И. Ф. Освобождение Белоруссии от Белопольских оккупантов / И. Ф. Лочмель. – Минск : Госиздат Белоруссии, 1939. – 51 с.
5. Зюзькоў, А. Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі / А. Зюзькоў. – Мінск : Белдзяржвыд, 1931. – 86 с.
6. Белоруссия в борьбе против польских захватчиков 1919–1920 гг / сост. О. Шекун, Р. Кроль, Н. Трусова. – М. : Госполитиздат, 1940. – 192 с.
7. Каменская, Н. В. Белорусский народ в борьбе за советскую власть / Н. В. Каменская. – Минск : Изд-во АН БССР, 1963. – 263 с.
8. Шкляр, Е. Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюции (1919–1920 гг.) / Е. Н. Шкляр. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1962. – 176 с.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 9. Воп. 1. Спр. 1.
10. НАРБ. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 52.
11. НАРБ. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 6б.

References

1. Belov G. A., Gromyko A. A. (ed.), Dokumenty vneshnei politiki SSSR : v 24 t. T. 3. (1 iuliia 1920 g. – 18 marta 1921 g.) [The USSR Foreign Policy Documents: in 24 Vols. Volume 3. (July 1, 1920 – March 18, 1921)], Gospolitizdat, Moscow, RU, 1959.
2. Shcharbakoŭ V. K., Kastrychnitskaia revaliutsiia na Belarusi i belapol'skaia akupatsiia [The October Revolution in Byelorussia and the Polish Occupation], Beldziarzhvyd, Minsk, BY, 1930.
3. Zimionko A., Okkupatsiia i interventsii v Belorussii [The Occupation and Intervention in Byelorussia], Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'nykh poselentsev, Moscow, RU, 1932.
4. Lochmel' I. F., Osvozhdenie Belorussii ot Belopol'skikh okkupantov [The Liberation of Byelorussia from Polish Invaders], Gosizdat Belorussii, Minsk, BY, 1939.
5. Ziuz'koŭ, A. Kryvavy shliakh belaruskai natsdemokratyi [The Bloody Way of Byelorussian National Democrats], Beldziarzhvyd, Minsk, BY, 1931.
6. Shekun O., Krol' R., Trusova N. (comp.), Belorussii v bor'be protiv pol'skikh zakhvatchikov 1919–1920 gg [Byelorussia in the Struggle against Polish Invaders in 1919–1920], Gospolitizdat, Moscow, RU, 1940.
7. Kamenskaia N. V., Belorusskii narod v bor'be za sovetskuiu vlast' [The Byelorussian People in the Struggle for the Soviet Power], Izdatel'stvo AN BSSR, Minsk, BY, 1963.
8. Shklier E. N., Bor'ba trudiashchikhsia Litovsko-Belorusskoi SSR s inostrannymi interventami i vnutrennei kontrrevoliutsii (1919–1920 gg.) [The Struggle of the Lithuanian-Byelorussian SSR with Foreign Intervention and Internal Counter-revolution (1919–1920)], Gosudarstvennoe izdatel'stvo BSSR, Minsk, BY, 1962.
9. Natsyional'ny arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus (NARB)], F. 9., Vop. 1., Spr. 1.
10. NARB [NARB], F. 9., Op. 1., D. 52.
11. NARB [NARB], F. 9., Op. 1., D. 6b.

Информация об авторе

Боровская Ольга Николаевна – канд. ист. наук, науч. сотрудник. ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : borovskaya-olga@mail.ru.

Information about the author

Borovskaya Olga Nikolaevna, Ph. D. (Hist.), Scientific Researcher, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: borovskaya-olga@mail.ru.

Для цитирования

Бароўская, В. М. Дзейнасць Камісіі па ацэнцы страт, нанесеных эканоміцы БССР польскай арміяй і акупацыйнымі ўладамі / В. М. Бароўская // Вesc. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 36–40.

For citation

Borovskaya O. N. Activity of the Commission for the Evaluation of Damages Caused to the BSSR Economy by the Polish Army and Occupation Authorities. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 36–40.

А. У. Мацук*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь***ПАЛІТЫЧНЫЯ ПАЗІЦЫІ ПЕРАДКОНВАКАЦЫЙНЫХ СОЙМКАЎ ВКЛ У 1733 г.**

Статья посвящена исследованию позиции поветовых передконвокационных сеймиков ВКЛ в вопросе выбора короля в 1733 г. Цель статьи – установление позиции передконвокационных сеймиков ВКЛ по основным политическим вопросам, а именно насчет кандидатуры будущего монарха. Рассмотрение этой проблемы стало возможным после выявления нового собрания инструкций послам с передконвокационных сеймиков ВКЛ в архиве Коссовских из Глогова в Государственном архиве Польши в Лодзи. Из 24 посольских инструкций послам на конвокационный сейм 1733 г. нам известно 18. На их основании удалось установить, что шляхта на 13 передконвокационных сеймиках ВКЛ высказалась за избрание будущим королем “пяста”. Фактически это означало поддержку кандидатуры Станислава Лещинского, который и был основным кандидатом “пястом”. В его поддержку выступило большинство поветовых передконвокационных сеймиков 1733 г.

На оставшихся 5 передконвокационных сеймиках шляхта не высказалась за избрание будущим королем “пяста”. Среди этих сеймиков были новогрудский и минский, которые в будущем станут центрами оппозиции Станиславу Лещинскому. Это показывает, что противники Лещинского имели большинство уже на передконвокационных сеймиках этих поветов.

Многие передконвокационные сеймики занялись вопросом отмены налога подымного со шляхты ВКЛ. Отменить этот налог в своих инструкциях просила лидская, трокская, гродненская, ковенская, жмудская, минская и часть мстиславской шляхты, а брестская шляхта специально для урегулирования этого вопроса выслала своих послов к примасу Теодору Потоцкому. В посольские инструкции также попали партикулярные просьбы различных магнатов Речи Посполитой: Радзивиллов, Теодора Любомирского и Якуба Собесского.

Ключевые слова: сеймики, конвокационный сейм, шляхта, магнаты, бескорольеве 1733–1735 гг., сеймовые посылы, “пяст”, король, Станислав I Лещинский, конфедерация.

A. V. Matsuk*Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***POLITICAL STANDPOINTS OF THE PRE-CONVOCAATION SEJMIKS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN 1733**

The article investigates the position of pre-convocation povet sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania regarding the selection of the king in 1733. The aim of the article is to establish the position of pre-convocation sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania on major political issues and first of all on the candidature of the future monarch. It became possible to address this issue after a new collection of instructions to delegates from pre-convocation sejmiks of the Grand Duchy of Lithuania was found in the archive kept by the Kossowskie of Glogow in the Polish State Archives in Lodz. Of 24 instructions to delegates of the 1733 convocation sejm, we know 18. It was found on their basis that the Szlachta at the 13 pre-convocation sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania spoke in favor of electing a “piast” as the future king. That actually meant supporting the candidacy of Stanislaw Leszczynski who was the leading “piast” candidate. The majority of pre-convocation povet sejmiks in 1733 supported him.

At the remaining 5 pre-convocation sejmiks, the Szlachta did not support the election of a “piast” as the future king. Among these were Novogrudok and Minsk sejmiks. Later they will become centers of opposition to Stanislaw Leszczynski. This shows that Leszczynski’s opponents already formed the majority at pre-convocation sejmiks in these povets.

Many pre-convocation sejmiks addressed the issue of abolishing the real estate tax imposed on the Szlachta of the Grand Duchy of Lithuania. The Szlachta of Lida, Troki, Grodno, Kovno, Zhmud, Minsk and, partially, of Mstislav requested to abolish this tax in their instructions; the Szhlachta of Brest even sent their ambassadors to the Primate, Teodor Potocki specifically on this question. Also the instructions to the delegates included particularistic requests from various noblemen of the Polish-Lithuanian Commonwealth: the Radzivils, Teodor Liubomirski and Jakub Sobieski.

Keywords: sejmiks, Convocation Sejm, Szlachta, nobility, Interrex 1733–1735, sejm delegates, “piast,” king, Stanislaw I Leszczynski, Confederation.

Уводзіны. Бескаралеўе 1733–1735 гг. у Рэчы Паспалітай з’яўлялася тэмай ужо не адной гістарычнай працы. Адной з ключавых падзей гэтага бескаралеўя былі пастановы канвакацыйнага сойма: аб выключэнні іншаземцаў з ліку кандыдатаў на трон і аб выбары будучым каралём “пяста і каталіка”. Гэтыя рашэнні былі прыняты па ініцыятыве прыхільнікаў аднаго з прэтэн-

дэнтаў на трон Станіслава Ляшчынскага на чале з прымасам Тэадорам Патоцкім. Яны знайшлі вялікую падтрымку сярод шляхты на перадканвакацыйных соймах Рэчы Паспалітай і таму былі паспяхова рэалізаваны на канвакацыйным сойме. Праблема перадканвакацыйных соймаў 1733 г. ужо шмат разоў з’яўлялася прадметам розных даследаванняў [1–8]. Аднак толькі нязначная іх частка прысвечана пазіцыі перадканвакацыйных соймаў ВКЛ. Перадканвакацыйныя соймікі ВКЛ уяўляюць значны інтарэс з улікам таго, што пазней менавіта ў Княстве праявілася апазіцыя кандыдатуры Станіслава Ляшчынскага. Акрамя таго, якраз надыйшла чарга паслу з ВКЛ з’яўляцца маршалкам канвакацыйнага сойма. У такім выпадку барацьба на перадканвакацыйных соймах ВКЛ была першым этапам змагання за ўрад маршалка сойма.

У адным з сваіх ранейшых артыкулаў мне ўжо прыходзілася даследаваць перадканвакацыйныя соймікі ВКЛ у кантэксце палітычнай барацьбы ў Княстве ў пачатку бескаралеўя 1733 г. [9]. За мінулыя з таго часу гады ўдалося выявіць новыя інструкцыі паслам з павятовых перадканвакацыйных соймаў ВКЛ, што дае магчымасць рэканструяваць пазіцыю адносна будучага манарха амаль усіх павятовых соймаў ВКЛ. Гэта стала магчыма, у першую чаргу, дзякуючы падказцы вядомага польскага даследчыка Анджэя Рахубы. Менавіта ён звярнуў маю ўвагу на вялікі збор інструкцый з перадканвакацыйных соймаў ВКЛ у архіве Касоўскіх з Глаговы ў Дзяржаўным архіве ў Лодзі. Яны патрапілі сюды пасля Антонія Касоўскага, які быў рэгентам канцылярыі падканцлера ВКЛ Міхала Чартарыйскага. Таму захоўванне такой значнай колькасці пасольскіх інструкцый у гэтым архіве тлумачыцца тым, што яны збіраліся для інфармацыі лідарам Фаміліі¹. Захоўваліся гэтыя дакументы ў Антонія Касоўскага.

Мэтай артыкула з’яўляецца ўстанаўленне пазіцыі перадканвакацыйных соймаў ВКЛ па асноўных палітычных пытаннях, а галоўнае – наконт кандыдатуры будучага манарха.

Асноўная частка. Пачатак бескаралеўя прынёс нечаканы саюз паміж двума галоўнымі варагуючымі групамі ў Рэчы Паспалітай: Патоцкімі і Чартарыйскімі. Абедзве групы аб’ядналіся вакол кандыдатуры на трон Станіслава Ляшчынскага. На карысць Ляшчынскага сведчыла тое, што на яго баку быў кіруючы ў бескаралеўе ўрадам прымас Тэадор Патоцкі. Як кіраўнік урада ён склікаў сваім універсалам перадканвакацыйныя соймікі. Яго інструкцыя на соймікі складалася з 17 пунктаў. Сярод іх былі наступныя:

аб’явіць ворагам тых, хто насуперак праву абвесціць каго каралём;

калі хто пачне збіраць войска не па загаду Рэчы Паспалітай, то рэгіментары павінны былі паступіць з такім па ўсёй строгасці закона;

гродскія старосты павінны былі абараняць шляхту ад напаўзенняў, а нападаючых дастаўляць на суд капутровых судаў;

паставіць у Кракаве гарнізон ад імя Рэчы Паспалітай, а не ад прыватнай асобы, пад якой разумеўся кракаўскі ваявода Тэадор Любамірскі;

не даваць дысідэнтам магчымасці адмяніць пастановы сойма 1717 г. супраць іх;

вызначыць як мага раней тэрмін элекцыйнага сойма;

не адваргаць папярэдне ні аднаго кандыдата, каб нікога не пакрыўдзіць;

скасавать пастановы 1717 г. аб наданні ўрада гетманаў толькі на сойме, бо яны прывялі да зрыву некалькіх соймаў [10, s. 18–19; 11, s. 115]².

Як бачна, пункты былі вытрыманы ў агульных выказах і не змяшчалі спрэчных пытанняў. Зроблена гэта было, каб шляхта прыязна ставілася да іх і падтрымала гэтыя прапановы на перадканвакацыйных соймах. Пабачыўшы варожае стаўленне шляхты Рэчы Паспалітай да іншаземцаў і дысідэнтаў, прымас вырашае выдаць дадатковыя пяць пунктаў на перадканвакацыйныя соймікі. Па-першае, патрабавалася выключыць з ліку кандыдатаў на трон іншаземных кандыдатаў, асабліва тых, якія былі ўладарамі іншых краін. У такім выпадку ён больш клапаціўся, “як у мінулае панаванне”, за свае ўласныя ўладанні, а не за Рэч Паспалітую. Па-другое, пазбавіць дысідэнтаў усіх урадаў, а асабліва пачмайстраў. Па-трэцяе, усіх падазронных асоб, якія былі звязаны з замежнымі краінамі, патрабавалася выдаць не толькі з Варшавы, але і з Рэчы Паспалітай.

¹ Магнацкая група роду Чартарыйскіх, іх сваякоў Панятоўскіх.

² Расійскі даследчык Гер’е памылкова дае 16 такіх пунктаў. Больш таго, ён вельмі адвольна тлумачыць сэнс гэтых пунктаў [1, с. 161–162].

Па-чацвёртае, замежныя паслы не маглі мець гвардыю, бо прысутнасць іншаземных жаўнераў з'яўлялася падставай да канфліктаў у Варшаве. Па-пятае, шляхце забаранялася ўжываць іншаземныя экзатычныя тытулы, паколькі гэта супярэчыла шляхецкай роўнасці [10, s. 19–20; 11, s. 115–116].

Перадканвакацыйныя соймікі ў ВКЛ прайшлі 18 сакавіка 1733 г. На іх галоўным чынам паміж сабой змагаліся прыхільнікі некалькіх магнацкіх групавак: Чартарыйскіх, Радзівілаў, Сапегаў, Агінскіх. На віленскім сойміку пад дырэкцыяй Мікалая Петрусевіча былі абраны пасламі на сойм Рэчы Паспалітай віленскі харужы Бенедыкт Ян Вольскі і віленскі падваявода Ян Гарайн. Віленская шляхта жадала, каб рэгіментарый ВКЛ, як кіраўнік войску, выправадзіў з межаў Рэчы Паспалітай усіх тых, хто хоча перашкодзіць выбару будучага караля. Ад рэгіментарыяў патрабавалася не ўмешвацца ў соймы, а пільнаваць межы дзяржавы. Акрамя таго, яны павінны былі не даваць афіцэрскія чыны дысідэнтам. Віленская шляхта патрабавала, каб канвакацыйны сойм не быў ператвораны ў элекцыйны. Тэрмін апошняга планавалася вызначыць на бліжэйшы час, не пазней канца жніўня 1733 г. Адносна будучага кандыдата на трон патрабавалася, каб ён папярэдне да элекцыйнага сойма заявіў аб сваім старанні аб кароне. Віленская шляхта патрабавала, каб на сойме задаволілі прэтэнзіі Любамірскіх і Сангушкаў адносна капальні солі Кунегунда, якая была забрана ў Скарб Рэчы Паспалітай. Праўда, гэта павінна было быць зроблена ўжо на звычайным сойме пасля выбараў будучага манарха. Прасіла віленская шляхта вырашыць на карысць Радзівілаў справу прыналежнасці ключоў Кіявец і Мялейчыцы, якія былі прызнаны дзяржаўнай уласнасцю і далучаны да Брэсцкай эканоміі. Віленская шляхта патрабавала, каб Рэч Паспалітая выплаціла свае даўгі каралевічу Якубу Сабескаму. Яна была катэгарычна, што будучым каралём павінен быць абраны толькі жыхар Рэчы Паспалітай, які нарадзіўся ў Кароне ці Княстве [12, p. 157–163, 164–167v; 13, p. 31; 14, k. 7–8; 15, l. 66]. Такой фармулёўкай з кандыдатаў на трон выдаляўся сын Аўгуста II саксонскі курфюрст Фрыдрых Аўгуст, які нарадзіўся па-за межамі Рэчы Паспалітай.

У Лідзе пад дырэкцыяй лідскага маршалка Казіміра Сцыпіона дэль Кампа пасламі былі абраны вілейскі староста Пётр Пац і прыхільнік Фаміліі лідскі гродскі староста Юзаф Сцыпіон дэль Кампа. Мясцовая шляхта хацела, каб з ліку кандыдатаў былі выключаны замежныя кандыдаты. Лідская шляхта патрабавала, каб канвакацыйны сойм супрацьпраўна не займаўся справай элекцыі (выбараў) караля. Асабліва падкрэслівалася, што канвакацыйны сойм не павінен вызначаць, як рухацца паветам на элекцыйны сойм – усёй шляхтай (паспалітым рухэннем) ці толькі вызначанымі дэлегатамі. Шляхта прасіла адмяніць падатак падымнага для шляхты ВКЛ. Мясцовыя шляхціцы выступалі за павелічэнне колькасці войску, але толькі ў выпадку, калі падаткі на гэта не будуць брацца з земскіх уладанняў. Прагучала патрабаванне аб абмежаванні дысідэнтам займаць урады і з'яўляцца афіцэрамі ў войску. У інструкцыі былі змешчаны пункт аб вырашэнні прэтэнзій Радзівілаў да ключоў Кіявец і Мялейчыцы, а таксама патрабаванне кампенсацыі для каралевіча Якуба Сабескага за даўгі, зробленыя Рэччу Паспалітай і Аўгустам II [16, p. 1–2].

З захаваўшыхся “галоўных пунктаў” вількамірскіх паслоў (пералічана 8 пунктаў) на канвакацыйны сойм вядома, што мясцовая шляхта выступіла ў падтрымку выбару будучым каралём “пяста” і каталіка, калі на гэта будзе згода ўсіх прысутных. Больш таго, яна патрабавала стварыць канфедэрацыю, якая забароніць старацца аб кароне іншаземцу. Пасля гэтага ішаземцы нават не мелі права прапаноўваць сваю кандыдатуру на выбар каралём на элекцыйным сойме Рэчы Паспалітай. У выпадку, калі з кандыдатурай “пяста” не ўсе прысутныя будуць згодны, а яго выбар пацягне за сабой спрэчкі і не будзе мець добрых наступстваў для Рэчы Паспалітай, то, наадварот, прапаноўвалася ўжо з дапамогай канфедэрацыі выключыць з ліку кандыдатаў мясцовых жыхароў. Тых, хто з “пястаў” не згадзіцца на гэта і будзе прэтэндаваць на карону, прапаноўвалася лічыць “ворагам Айчыны”. Абраць у такім выпадку планавалася іншаземца. Вількамірская шляхта патрабавала, каб канвакацыйны сойм не ператварыўся ў элекцыйны, а ў каралеўскіх выбарах прыняла ўдзел уся шляхта, якая пажадае. Мясцовая шляхта хацела, каб рэгіментарый войск былі апісаны ў сваіх прэрагатывах як гетманы пастановамі сойма 1717 г. Гэта, безумоўна, быў пункт, накіраваны супраць Станіслава Панятоўскага і Міхала Вішнявецкага, якія з'яўляліся генеральнымі рэгіментарыямі ў Кароне і Княстве. Прапаноўвалася скасаваць ранейшае рашэнне

аб прызначэнні гетманаў толькі на сойме, бо з-за барацьбы магнатаў за гэты ўрад зрываліся соймы. Кароль сам меў права вызначыць, калі надаваць гэтыя ўрады, але каронную булаву мог даваць толькі жыхарам Кароны, а літоўскую – Княства. Вількамірская шляхта прасіла даваць адной асобе не больш за два староствы і каралеўшчыны. Калі кароль даваў адной асобе іх больш, то ўжо забаранялася канцлеру і падканцлеру зацвярджаць пячаткай такія каралеўскія рашэнні [17, к. 1–3].

На трэцім соймаў пад дырэкцыяй трэцяга войскага і трэцяга гродскага судзі Стэфана Ромера пасламі былі абраны трэці цівун і трэці падваявода Казімір Юзаф Укольскі і выконваючы абавязкі трэцяга харужага трэці земскі пісар і віленскі гараднічы Андрэй Юзаф Таруса. У інструкцыі сваім паслам на сойм трэцяя шляхта прасіла, каб на канвакацыйным сойме не было вызначана, як шляхта будзе прысутнічаць на элекцыйным сойме: усе жадаючыя ці толькі абраныя паслы. Яна патрабавала, каб ніякіх перамен у правядзенні канвакацыйнага сойма не было зроблена. Фактычна яна апасалася сітуацыі, калі канвакацыйны сойм быў бы ператвораны ў канфедэрацыю, якая прывяла б да выбараў новага манарха. Трэцяя шляхта патрабавала, каб ні ў якім разе на канвакацыйным сойме не была выключана з ліку прэтэндэнтаў кандыдатура “пяста”. Трэцяя шляхта жадала адмены падымнага. Узгадваліся ў інструкцыі і інтарэсы каралевіча Якуба Сабескага ў вяртанні яму даўгоў ад Рэчы Паспалітай [18, р. 605–608]. Супраць трэцяга сойма 38 мясцовых шляхціцаў занеслі пратэстацыю, якая не перашкодзіла прызнаць законным выбар трэціх паслоў на канвакацыйным сойме [12, р. 168–169 v].

На гродзенскім соймаў пад дырэкцыяй мсціслаўскага кашталяна Самуэля Лазавога пасламі былі абраны гродзенскі гродскі староста Міхал Масальскі і гродзенскі харужыц Юзаф Вал. У іх інструкцыі на сойм патрабавалася, каб на трон Рэчы Паспалітай “быў абраны той жа дзяржавы жыхар”. Фактычна такім спосабам з ліку кандыдатаў на трон выключаліся замежныя прэтэндэнты. Гродзенская шляхта хацела, каб на элекцыйны сойм маглі прыбыць усе жадаючыя шляхціцы. Мясцовая шляхта катэгарычна патрабавала адмяніць падымны падатак: “ніякім спосабам больш плаціць ня хочам, не абяцаем і ня будзем”. Плату для войску ў такім выпадку прапаноўвалася спагнаць са старостаў. Шляхта патрабавала выплаты кампенсацыі каралевічу Якубу Сабескаму і вяртання Радзівілам ключоў Кіявец і Мялейчыцы [20, арк. 108–109 адв., 110–111; 21, р. 1–2; 22, к. 97].

На ковенскім соймаў пасламі былі абраны ковенскі абозны Шымон Сіруць і ковенскі падчашы Антоній Забела. Згодна з інструкцыяй ковенскім паслам на сойм Рэчы Паспалітай каралём павінен быць абраны толькі жыхар Рэчы Паспалітай. Ковенская шляхта патрабавала, каб канвакацыйны сойм не быў злучаны з элекцыйным. Мясцовая шляхта хацела, каб элекцыйны сойм адбыўся не пазней сярэдзіны жніўня ці 1 верасня 1733 г., і ўсе жадаючыя шляхціцы прымалі ў ім удзел. Шляхта планавала выключыць з ліку кандыдатаў іншаземцаў, а калі гэта не будзе зроблена, то сярод усіх кандыдатаў абраць каралём абавязкова “народжанага паляка”. Ковенская шляхта патрабавала скасаваць падатак падымнага для ВКЛ, а на соймах былі вызначаны іншыя шляхі фінансавання войску. Асабліваю незадаволенасць мясцовай шляхты выклікала наданне ўрадаў у ВКЛ жыхарам Кароны, а таксама накіраванне “караняжаў” у пасольствы ў Швецыю і Расію. У гэтыя пасольствы не патрапіў ніводны літвін, і таму ковенская шляхта патрабавала не фінансаваць іх са Скарбу ВКЛ. Шмат месца ў інструкцыі адводзілася засіллю іншаземных афіцэраў у войску ВКЛ. Паслы клапаціліся ў рэгіментарыя ВКЛ аб звальненні іншаземцаў з войску. Акрамя таго, рэгіментарыі Кароны і Княства, на думку ковенскай шляхты, падчас бескаралеўя з войскам павінны пільнаваць межы Рэчы Паспалітай [15, л. 59 отв.; 22, к. 1–4].

На ўпцім соймаў пасламі былі абраны ўпцікі маршалак Міхал Корсак і ўпцікі земскі судзі Павал Францішак Марцінкевіч. Павятовым палкоўнікам быў абраны ўпцікі гродскі староста Антоній Пузына [23, р. 959–959 v; 24, р. 328–331]. У іх інструкцыі змяшчалася пастанова, каб будучым каралём быў абраны толькі “пяст”. Шмат месца ў пасольскай інструкцыі адводзілася тлумачэнню гэтага пункта. Прыводзіліся няўдалыя прыклады выключэння кандыдатуры “пяста” і выбару іншаземца. Галоўнымі перавагамі кандыдата-“пяста” называлася веданне мовы і правоў Рэчы Паспалітай. Патрабавалася не парушаць правоў вольнага выбару караля. Мясцовая шляхта прасіла захаваць спакой з суседзямі [15, л. 59 отв., 24, р. 328–331].

Шляхта Жмудскага княства абрала пасламі на канвакацыйны сойм скарбнага ВКЛ і батоцкага старосту Яна Адахоўскага і эйрагольскага цівуна Францішка Карпа. Жмудская шляхта патрабавала, каб канвакацыйны сойм ні ў якім разе не быў ператвораны ў элекцыйны. Павеіты і ваяводства планавалі прыбыць на элекцыйны сойм “старадаўнім звычайем”. Што датычыцца кандыдатуры будучага караля, то жмудская шляхта хацела выбраць “набожнага, мудрага, на вайну і помсту нясквапнага”. Шляхта катэгарычна забараняла любую наступальную вайну. Рэгіментарыі і гродскія старосты павінны былі пільнаваць межы дзяржавы ад магчымага замежнага ўмяшання. Жмудская шляхта пагаджалася на павелічэнне колькасці войску, але з умовай, што падаткі з яго не плануюцца з земскіх уладанняў. Больш таго, мясцовая шляхта выступала за скасаванне падымнага з земскіх уладанняў [25, к. 1–5].

Вядомы абедзве інструкцыі эгулянцкіх соймаў. На смаленскім соймаў пасламі былі абраны смаленскі падваявода Антоні Аляксандр Гансеўскі і інстыгатар ВКЛ Станіслаў Бужыньскі [13, р. 31]. Смаленская шляхта планавала выключыць з ліку кандыдатаў замежных канкурэнтаў і абраць мясцовага жыхара і каталіка па веравызнанні. Прычынай была ранейшая гісторыя, калі з-за замежных кандыдатаў Рэч Паспалітая атрымала значныя шкоды. Войска павінна пільнаваць межы Рэчы Паспалітай падчас каралеўскіх выбараў. Што датычыцца выбару караля, то патрабавалася, каб удзел у ім прымала ўся шляхта, якая жадае, а не спецыяльна вызначаныя дэлегаты. Смаленская шляхта прасіла кампенсаваць каралевічу Якубу Сабескаму даўгі Рэчы Паспалітай яго бацьку каралю Яну III Сабескаму. Шляхта патрабавала вяртання саяноў каपालні Кунегунды Сангушкам і Любамірскім, а таксама абяцала “садзейнічаць” інтарэсам канцлярыны ВКЛ Ганны з Сангушкаў Радзівіл (з вялікай доляй верагоднасці можна меркаваць, што размова ідзе пра вяртанне Кіяўца і Мялейчыцы) [26, к. 1–3].

На старадубскім соймаў пасламі былі абраны старадубскі гродскі староста Ян Жаба і брэсцкі ваяводзіц Казімір Сапега. Апошні з’яўляўся прадстаўніком коданьскай галіны Сапегаў, але, напэўна, дзейнічаў у інтарэсах сваіх родзічаў з ружанскай галіны роду Сапегаў, бо яго выбар адбыўся толькі дзякуючы генералу артылерыі Казіміру Лявону Сапегу [13, р. 31]. Мясцовая шляхта патрабавала абраць будучым каралём толькі жыхара Рэчы Паспалітай. Старадубская шляхта прасіла, каб канвакацыйны сойм не ўмяшаўся ў прэрагатывы элекцыйнага сойма. Час элекцыі меў быць прызначаны “як мага хутчэй”. Да таго ж, шляхта хацела кампенсаваць доўг, які меўся перад каралевічам Якубам Сабескім. Таксама неабходна была кампенсацыя Любамірскім і Сангушкам за капальню солі Кунегунда. Старадубская шляхта прасіла вярнуць Радзівілам забраныя ў іх эканамічныя ўладанні Кіявец і Мялейчыцы. З-за магчымай пагрозы суседзяў і каб іх не засталі знянацку ў выпадку напаўнення, старадубская шляхта меркавала прасіць прымаса выдаць “віці” (каралеўскія ўніверсалы на скліканне паспалітага рушэння). Праўда, перад гэтым планавалася абмеркаваць гэтае пытанне з генеральным рэгіментарыем ВКЛ Міхалам Вішнявецкім, бо “асцярожнасць ёсць матка бяспекі” [27, л. 1–6]. Вядома, што на гэтым соймаў чыталі ліст Міхала Казіміра Радзівіла да мясцовай шляхты. Гэты ліст чытаў полацкі кашталян Валяр’ян Жаба, які ўпэўніваў у прыхільнасці Радзівілам старадубскіх паслоў [28, к. 40–41]. Увогуле Жабы падтрымлівалі Радзівілаў і паведамлялі, што прыхільныя ім пункты былі ўключаны ва ўсе тры інструкцыі соймаў, якія адбываліся ў Вільні: віленскі, смаленскі і старадубскі [28, к. 40–41].

На наваградскім соймаў пасламі былі абраны канюшы ВКЛ Удальрык Радзівіл і наваградскі стольнік Ян Храптовіч. У інструкцыі наваградскіх паслоў на сойм Рэчы Паспалітай змяшчалася патрабаванне наваградскай шляхты, каб канвакацыйны сойм не быў ператвораны ў элекцыйны сойм. Акрамя таго, наваградская шляхта хацела, каб на элекцыйным сойме караля выбіралі ўся шляхта, а не спецыяльна вызначаныя ад ваяводстваў дэлегаты. Час правядзення элекцыйнага сойма прапаноўваўся каля дня Святога Міхала (29 верасня). Патрабавалася выдаліць іншаземцаў з войску і паменшыць колькасць афіцэраў. Таксама мясцовая шляхта хацела пацвердзіць правы дысідэнтаў згодна з пастановай сойма 1717 г. Як вядома, гэтыя пастановы сойма 1717 г. значна абмяжоўвалі правы дысідэнтаў. Таму гэты пункт неабходна прызнаць варожым для дысідэнтаў. Наваградская шляхта пагаджалася на павелічэнне войску, але толькі не за кошт падаткаў з земскіх уладанняў. Мясцовая шляхта катэгарычна выступала, каб урады ў Княстве надаваліся толькі літвінам, а ў Кароне – палякам. Забаранялася даваць ротмістраўства ў кампутовых харугвах татарам, а трэба было даваць іх шляхце [29, арк. 393–394 адв., 395–396 адв., 398–400 адв.]³.

³ Падрабязней аб наваградскім соймаў гл. [30].

У Слоніме на сойміку адбыліся значныя спрэчкі паміж прыхільнікамі Сапегаў і Чартарыйскіх. Соймік удалося vyrатаваць, ператварыўшы яго ў канфедэрацкі “на аснове практыкаваных падчас бескаралеўя, звычайу і навукі айчыннага права” [31, арк. 98 адв.]. Гэта права заключалася ў тым, што з “даўніх часоў звычай быў, што падчас бескаралеўя, калі перадканвакацыйны соймік быў сарваны, тады абы канфедэрацкім сканчаўся” [13, р. 38 v]. Маршалкам канфедэрацыі быў абраны слонімскае войска і слонімскае падстароста Андрэй Міхал Булгак, а пасламі на канвакацыйны сойм – мерацкі староста Антоні Казімір Сапега і крэўскі староста Міхал Слізень. У іх інструкцыі прапаноўвалася, каб час элекцыйнага сойма быў вызначаны на верасень. Патрабавалася, каб будучым каралём быў абраны жыхар Рэчы Паспалітай, а не замежны кандыдат. Адносна Кракава шляхта хацела, каб кіраванне ім ажыццяўлялася згодна са старадаўнім правам. Такой размытай фармулёўкай задавальняўся як кракаўскі ваявода Тэадор Любамірскі, людзі якога занялі замак, так і каронны рэгіментарый Станіслаў Панятоўскі, які з дапамогай жаўнераў планаваў заняць замак ад імя ўлад Рэчы Паспалітай. Слонімскае шляхта хацела, каб харугвы, якія кім-небудзь набраліся, былі знішчаны войскам пад кіраўніцтвам генеральнага рэгіментарыя. Мясцовая шляхта прасіла і кампенсацыю Радзівілам за адабраныя ключы Кіявец і Мялейчыцы (належалі Брэсцкай эканоміі). Слонімскае шляхта хацела аднаўлення перадсоймавага з’езда шляхты ВКЛ у Слоніме. Акрамя паслоў на сойм слонімскае шляхта абрала паслоў да генеральнага рэгіментарыя ВКЛ Міхала Вішнявецкага – слонімскага гродскага суддзю і слонімскага каптуровага суддзю Казіміра Тавяньскага і слонімскага скарбніка Францішка Брадоўскага [31, арк. 88–89 адв., 97–102 адв.]. Пратэстуючы супраць слонімскага перадканвакацыйнага сойма, слонімскае стражнік Ігнат Ланеўскі Воўк з іншымі сваімі прыхільнікамі выступіў супраць ператварэння сойма ў канфедэрацкі. Супраць слонімскае канфедэрацыі быў пададзены маніфест і адначасова акт рэканфедэрацыі. Частка слонімскае шляхты пратэставала супраць мясцовых ураднікаў, якія яшчэ падчас грамадзянскага і гаспадарскага соймаў правялі нелегальны, на іх думку, з-за смерці Аўгуста II выбар земскіх ураднікаў. Асабліва мясцовая шляхта пратэставала супраць прызначанага харужага Марціна Палубінскага. Шляхта занесла супраць яго і пратэстацыю, як на перадканвакацыйным сойміку, але гэтую пратэстацыю не ўлічылі, бо сойм быў ператвораны ў канфедэрацыю. Тады шляхта пратэставала супраць такой незаконнай канфедэрацыі, яе маршалка, паслоў на канвакацыйны сойм і каптуровага суда. У выніку пратэстуючая шляхта заявіла аб стварэнні рэканфедэрацыі. Пад гэтым маніфестам падпісаліся 96 шляхціцаў на чале з слонімскае стражнікам Ігнатам Ланеўскім Ваўком і слонімскае падчашым Янам Багдановічам [29, арк. 378–379 адв.]. Зразумела, што стварэнне рэканфедэрацыі было зроблена прыхільнікамі Фаміліі, якія не хацелі дапусціць, каб паслом абралі Антонія Казіміра Сапегу, бо той быў найбольш верагодны кандыдат на пасаду маршалка канвакацыйнага сойма.

З Брэсцкага ваяводства ўдалося знайсці абедзве (брэсцкую і пінскую) інструкцыі паслам на канвакацыйны сойм. На брэсцкім сойміку пад дырэкцыяй брэсцкага стольніка Міхала Сузіна былі абраны 4 паслы: польны пісар ВКЛ Караль Сапега, брэсцкі абозны Пётр Верашчака, інавроцлаўскі староста Юзаф Данбскі, брэсцкі чашнік Юзаф Гарноўскі. Брэсцкая шляхта сцвярджала, што абрала чатырох паслоў, як на мінулых перадканвакацыйных соймах [32, арк. 1602, 1624; 33, с. 4 66; 34, л. 1–3]. Напэўна, брэсцкія кандыдаты пагадзіліся паміж сабою і пасламі засталіся два з іх – інавроцлаўскі староста Данбскі і пісар ВКЛ Сапега. Брэсцкая шляхта патрабавала, каб канвакацыйны сойм не быў ператвораны ў элекцыйны і на трон Рэчы Паспалітай быў абраны “толькі сапраўдны жыхар Рэчы Паспалітай”. Канвакацыйны сойм, на думку брэсцкае шляхты, не павінен прымаць ніякіх пастаноў, якія абмяжоўвалі паветы ў вызначэнні, як рухацца на элекцыйны сойм – усёй шляхце ці толькі дэлегантам. Гэта павінны былі вырашыць перадэлекцыйныя соймікі. Адначасова брэсцкая шляхта патрабавала, каб замежныя паслы за два тыдні да элекцыйнага сойма выехалі з Варшавы. Знаходзіўся ў інструкцыі і пункт на карысць Радзівілаў аб прыняцці пастаноў соймам аб прыналежнасці Радзівілам ключоў Кіявец і Мялейчыцы. Брэсцкая шляхта хацела скасавання лішніх афіцэрскае ставак і каб афіцэрамі прызначаліся толькі каталікі і жыхары Рэчы Паспалітай. Знаходзіўся ў інструкцыі і пункт супраць Любамірскага аб тым, што кракаўскі замак павінен быць заняты не прыватнай асобай, а ўладамі Рэчы Паспалітай [32, арк. 1624–1627; 33, с. 464–467; 34, л. 1–3]. Калі ўважліва

вывучыць гэтую інструкцыю, то становіцца зразумелым, што адносна кандыдатуры будучага манарха яе можна трактаваць як выключваючую не толькі кандыдатуры замежных кандыдатаў, але і ў першую чаргу кандыдатуру сына Аўгуста II саксонскага курфюрста Фрыдэрыка Аўгуста, які не з’яўляўся “сапраўдным жыхаром” Рэчы Паспалітай. У брэсцкую інструкцыю былі ўключаны прыхільныя Радзівілам пункты, дзякуючы старанням троекага кашталяна Яна Фрыдэрыка Сапегі. Супраць прарадзівілаўскіх пунктаў выступалі ўплывовыя шляхціцы Хжанстоўскія, асабліва брэсцкі падкаморы Жыгімонт Бенедыкт Хжанстоўскі, але Ян Фрыдэрык Сапега “некалькі разоў у адказ заяўляў: не так будзе, як ваша Міласць Паны хочаце, толькі, як я хачу” [35, к. 7]. Добра ацэньваў брэсцкую інструкцыю і адзін з лідараў магнацкай групы Сапегаў надворны падскарбі ВКЛ Юзаф Францішак Сапега. На яго думку, інструкцыя брэсцкім паслам была складзена “вельмі мудра і прыкладна для іншых” [36, р. 319]. Як можна меркаваць, гэта да тычылася пункта аб выбары будучым каралём “толькі сапраўднага жыхара Рэчы Паспалітай”.

Справу выбару павятовых палкоўніка, харужага і ротмістраў брэсцкая шляхта адклала да пераэлецыйнага сойма. Спецыяльна ў справе адмену падымнага брэсцкая шляхта выслала да прымаса сваіх паслоў гродзенскага чашніка Ваўжынца Эйсманта і Феліцыяна Верашчаку. Былі дасланы паслы і да генеральнага рэгіментарыя ВКЛ Міхала Вішнявецкага: палкоўнік пярэдняй стражы Марцыян Антоній Пашкоўскі і Фларыян Грабоўскі [32, арк. 1601–1607, 1623–1630].

На пінскім сойміку пасламі на сойм Рэчы Паспалітай былі абраны пінскі земскі суддзя Антоній Арэшка і пінскі падчашы Юзаф Кужанецкі. Пінская шляхта больш усяго месца ў інструкцыі вызначыла на апісанне кандыдатуры будучага манарха. Яна падрабязна пералічыла прычыны, па якіх ім не можа быць іншаземец: няведанне законаў, залежнасць ад замежных краін і інш. У такім выпадку магчымым кандыдатам называўся толькі «паляк» і з абодвух бацькоў каталік, які добра ведаў бы права Рэчы Паспалітай. Такая фармулёўка спецыяльна прапаноўвалася, каб выключыць з ліку кандыдатаў на трон саксонскага курфюрста Фрыдэрыка Аўгуста. Пінская шляхта патрабавала, каб урады ў Княстве надаваліся толькі мясцовым шляхціцам, а не жыхарам Кароны. Мясцовая шляхта хацела, каб іншаземцы не трымалі ў заставе ці арэндзе ніякіх уладанняў. Мясцовая шляхта прасіла, каб адным і тым жа асобам не надавалася некалькі прыбытковых старостваў, акрамя таго, каб гродскія староствы не даваліся непаўналетнім. Рэгіментарыі, па меркаванні пінскай шляхты, павінны былі падчас каралеўскіх выбараў пільнаваць межы Рэчы Паспалітай. Шляхта выступала за вяртанне Радзівілам далучаных да Брэсцкай эканоміі ключоў Кіявец і Мялейчыцы пасля таго, як тыя пакажуць свае дакументы на права валодання імі. Пасля каралеўскіх выбараў для лепшага разліку выдаткаў пінская шляхта хацела захоўваць падаткі ў паведах. Акрамя таго, выказвалася пажаданне, каб іншаземцы не знаходзіліся ў войску, а асабліва не маглі займаць чыны палкоўніка, обер-лейтэнанта, маёра і капітана [37, арк. 391–394 адв.; 38, к. 1–8].

Віцебская шляхта выступала за выключэнне з ліку кандыдатаў іншаземцаў. Згодна з інструкцыяй віцебская шляхта прызнавала за Радзівіламі ўласнасць Кіяўца і Мялейчыцаў. Акрамя таго, мясцовая шляхта патрабавала вяртання Сангушкам і Любамірскім саяной капальні Кунегунды і кампенсцыі за яе ўтрыманне Рэччу Паспалітай, аб чым соймавыя паслы мелі параіцца з прымасам і сенатарамі. У пытаннях выбараў будучага караля віцебская шляхта хацела, каб галасавала на элецыйным сойме ўся шляхта ці “як яна сабе пажадае”. Рэгіментарыі Кароны і Княства мелі пільнаваць з войскамі межы краіны. Віцебская шляхта хацела, каб ніводная “з каронных і літоўскіх дам на элецыі ў Варшаве прысутнічаць не рашылася”. Шляхта выступала супраць прызначэння любых новых падаткаў. За злоўжыванні на мінулым сойме яго маршалка Юрыя Ажароўскага прапаноўвалася не дапускаць адкрываць пасяджэнні канвакацыйнага сойма. Гэта быў пункт, накіраваны супраць Фаміліі, прыхільнікам якой быў Ажароўскі і па загаду якой ён дзейнічаў на надзвычайным сойме 1733 г. [39, к. 1–10]. Дасланыя Радзівіламі пункты патрапілі ў віцебскую інструкцыю, дзякуючы старанням Казіміра Гуркі. Абраны паслом віцебскі стольнік Павал Багамалец абяцаў служыць інтарэсам Радзівілаў на канвакацыйным сойме [40, к. 1–2, 4–5].

Аршанскі гродскі староста Аляксандр Юзафавіч па ўзгадненні з Сапегамі атрымаў падтрымку іх прыхільнікаў у Аршанскім павеце. У выніку пад дырэкцыяй аршанскага скарбніка і аршанскага падстаросты Міхала Пятроўскага былі абраны пасламі Аляксандр Юзафавіч і аршанскі гродскі пісар Францішак Падбярэскі. Перавагу на сойміку атрымалі прыхільнікі Сапегаў.

Прэтэндуючы на выбар паслом, варожы Сапегам Юзаф Галімска нават не рашыўся прысутнічаць на сойміку. Адначасова шляхта не дазволіла чытаць на сойміку ліст Міхала Казіміра Радзівіла [41, р. 198–199 v]. У інструкцыі паслам аршанская шляхта патрабавала абавязковага выбару будучым каралём толькі “ўласнага” кандыдата, а не чужаземца. Аршанская шляхта прасіла аб аплаце Любамірскім і Сангушкам за саяльную капальню Кунегунду, а таксама аб кампенсацыі каралевічу Якубу Сабескаму. Акрамя таго, інструкцыя змяшчала яўна антырадзівілаўскі пункт аб тым, каб у “нойбургскіх уладаннях” пасэсары, прызначаныя яшчэ ад рэйнскага электара з парушэннем іх правоў, не замяняліся на яўрэяў-арандатароў. Увогуле шмат месца шляхта прысвяціла незаконнасці валодання Радзівіламі “нойбургскімі” ўладаннямі. Асабліва падкрэслівалася, што разам з уласна радзівілаўскімі маёнткамі ў іх рукі патрапіць фактычна трэцяя частка ўладанняў ВКЛ. Адначасова шляхта выступала за вяртанне Радзівілам ключоў Кіявец і Мялейчыцы. З’яўленне гэтага пункта тым больш здаецца дзіўным, калі ўлічыць, што шляхта не дазволіла нават чытаць на сойміку ліст Міхала Казіміра Радзівіла. Магчыма, гэты пункт патрапіў дзякуючы Сапегам, якія супрацоўнічалі ў гэты час з Радзівіламі. Да таго ж, у адрозненне ад справы “нойбургскіх уладанняў” пытанне Кіяўца і Мялейчыцы не датычылася Сапегаў і яны маглі паспрыяць у ім Радзівілам. У інструкцыю быў унесены і пункт аб тым, каб у яўрэяў не былі слугамі хрысціяне. Мясцовая шляхта выказвалася за павялічэнне войску, якое меркавалася прафінасаваць з грошай, якія забралі звыш законна вызначаных падскарбіі і гетманы. Мясцовая шляхта змяціла ў інструкцыю і яўна антырасійскія пункты. Так, аршанская шляхта хацела вызвалення з расійскага палону аршанскага земскага суддзі Яна Валяр’яна Лярскага, які незаконна там утрымліваўся. Яна патрабавала, каб пасля смерці курляндскага герцага Курляндцыя была далучана да Рэчы Паспалітай і каб ніхто, асабліва “Маскоўская імперыя”, не ўмешвалася ў справы гэтага герцагства [42, арк. 13–14 адв., 27–33].

Соймік у Мсціслаўскім ваяводстве падзяліўся на два канкуруючыя з-за канфлікту прыхільнікаў мясцовыя роды Цеханавецкіх і Валовічаў [43, s. 396–397]. Удалося знайсці толькі некалькі пунктаў інструкцыі мсціслаўскім паслам рэфэрэндарычу ВКЛ Юрыю Валовічу і смаленскаму чашніку Юзафу Зубу. З іх становіцца вядомым, што прыхільнікі Валовічаў хацелі скасаваць падатак падымнага, а таксама, каб новы кароль вярнуў манетны двор у Рэч Паспалітую з мэтай “біць” тут грошы [44, к. 1–3].

У Мінску пасламі на сойм Рэчы Паспалітай былі абраны суміліскі староста Станіслаў Юзаф Свянціцкі і бускі земскі пісар Ігнат Казімір Быкоўскі. У інструкцыі мінскіх паслоў на сойм шляхта патрабавала, каб не было ніякіх парушэнняў ранейшых законаў Рэчы Паспалітай і на канвакацыйным сойме вырашаліся пытанні, якія адносяцца да яго кампетэнцыі, акрамя таго, каб канвакацыйны сойм не працягваўся даўжэй за вызначаныя тэрміны. З-за праблем у судаводстве мясцовыя шляхціцы хацелі, каб была праведзена поўная казкацыя (ураўноўванне) правоў шляхты Княства з шляхтай Кароны. Мінская шляхта пагаджалася абіраць караля любым спосабам “ці як пасля адмовы караля Яна Казіміра, ці звычайна дзейнічала”. Як і ў іншых паведах ВКЛ, мінская шляхта хацела скасаваць падымны падатак са шляхты і пагаджалася, каб ён існаваў толькі да элекцыйнага сойма. На замену яго прапаноўвалася збіраць адпаведную гіберну з каралеўшчын. Мінскія шляхціцы прасілі падскарбія ВКЛ разабрацца са злоўжываннямі на мытні. Да яго ж накіроўваўся і іншы пункт інструкцыі па ўстанаўленні справядлівага абменнага курсу. Шляхта патрабавала вяртання ключоў Кіявец і Мялейчыцы нясвіжскім Радзівілам згодна з ранейшым каралеўскім прывілеем. Шляхта хацела, каб яўрэі не мелі права трымаць уладанні і мець у службе хрысціян. Зразумела, такі пункт быў накіраваны на эканомію-жыдоў, якія прызначаліся нясвіжскім Радзівіламі. Як бачым, у інструкцыі мінскім паслам не было пункта аб тым, кім павінен быць будучы кароль. Наадварот, у прысязе мінскім паслам быў змешчаны пункт, “нават, каб на той канвакацыі спецыфікацыі кандыдата да той кароны не было, у чым ніякіх угавораў, довадаў ні чых не павінны слухаць, не чых абяцанняў, прэзентаў не прымалі і імі не далі сябе спакусіцца” [45, арк. 23–25; 46, р. 41–42]. Як можна меркаваць, гэта было невыпадкова. Магчыма, так сталася, бо сярод мінскай шляхты існавала моцная групоўка прыхільнікаў саксонскага курфюрста, і таму пункт аб тым, каб будучым каралём быў толькі “пяст і каталік”, не патрапіў у інструкцыю мінскім паслам.

У Мазыры перадканвакацыйны соймак з-за барацьбы варагуючых групавак скончыўся безвынікова [47, с. 76]. 13 красавіка 1733 г. мазырская шляхта сабралася на новы соймак, які быў ператвораны ў канфедэрацыю. Пад дырэкцыяй мазырскага скарбніка Мікалая Богуша пасламі былі абраны наваградскі кашталяніц Стэфан Аскерка і мазырскі падстароста Юзаф Богуш. У інструкцыі паслам на сойм Рэчы Паспалітай мазырская шляхта заяўляла, што на прошлых каралеўскіх выбарах вялікую шкоду панесла Рэч Паспалітая з-за выключэння з кандыдатаў “пястаў”. Менавіта таму зараз забаранялася выключачь з ліку кандыдатаў “пястаў”. Патрабавалася не ператвараць канвакацыйны сойм у элекцыйны. Мазырская шляхта пагаджалася на павелічэнне войску, але толькі калі падаткі не будуць брацца з земскіх уладанняў. Мясцовая шляхта скрупулёзна пералічвала выпадкі, калі ўрады ў ВКЛ дасталіся “караняжам” (падстоля ВКЛ, лоўчага ВКЛ, смаленскага ваяводы), і патрабавала прызнаць іх вольнымі. Мясцовая шляхта хацела, каб адной асобе не надавалася шмат каралеўшчын. Акрамя таго, патрабавалася, каб былі пацверджаны ранейшыя правы “дысідэнцкай рэлігіі”. У інструкцыі змяшчаліся антырадзівілаўскія пункты ў справе “нойбургскіх уладанняў”. Асаблівую ўвагу мазырская шляхта звяртала на неабходнасць захавання правоў пасэсараў “нойбургскіх уладанняў” і каб цяперашнія пасэсары не парушалі іх правоў. Патрабавалася, каб падкаморыі зверылі межы гэтых уладанняў, бо суседняя з імі шляхта мела вялікія клопаты з новымі пасэсарамі [48, к. 1–8].

Няшмат вядома пра іншыя соймакі. Праўда, з’явілася магчымасць выявіць пастановы трох соймакаў, дзе не ўдалося знайсці інструкцыі паслам, – полацкага, ваўкавыскага і рэчыцкага. На полацкім соймаку пад дырэкцыяй полацкага харужага Аляксандра Канстанціна Корсака пасламі былі абраны полацкі стольнік Юзаф Пакаш і старадубскі гродскі пісар Базылі Корсак [49, арк. 8–8 адв.]. У Ваўкавыску соймак адбыўся ў спакойнай абстаноўцы і пасламі былі абраны ваўкавыскі войскі і ваўкавыскі гродскі пісар Лявон Тулоўскі і ваўкавыскі скарбнік Міхал Сегень. Абрана 4 ротмістры. Інструкцыя была складзена ў рэчышчы кампрамісу паміж прыхільнікамі Вішнявецкага і Сапегаў. Былі вызначаны пасламі да Міхала Вішнявецкага ваўкавыскі стольнік Юрый Юрэвіч і ваўкавыскі чашнік Юрый Фартунат Калантай [21, к. 97–98; 50, арк. 4–6; 51, к. 89–91]. На рэчыцкім соймаку пад дырэкцыяй рэчыцкага гродскага старосты Казіміра Халецкага пасламі былі абраны рэчыцкі падстоля Аляксандр Уладзіслаў Скарына і Рыгор Юзаф Скарабагаты [52, арк. 765–766 адв.].

Адносна іншых не знойдзеных інструкцый вядома, што ў ашмянскую інструкцыю, згодна з жаданнямі Радзівілаў, быў уключаны пункт аб Кіяўцы і Мялейчыцах [53, к. 47]. Браслаўскі падкаморы Антоній Рудаміна пастараўся, каб пункты, дасланыя каралевічам Якубам Сабескім і Радзівіламі, былі ўключаны ў інструкцыю браслаўскага соймака [54, к. 7].

Высновы. Такім чынам, з 24 пасольскіх інструкцый нам вядомы пункты з 18. Яшчэ ў выпадку мсціслаўскага соймака, які падзяліўся на два канкурыруючыя, мы ведаем некаторыя пункты інструкцыі тых паслоў, выбар якіх быў на канвакацыйным сойме прызнаны за неспраўдны. З вядомых інструкцый шляхта на 13 перадканвакацыйных соймаках выказалася за абранне будучым каралём “пяста”. Як бачна, большасць перадканвакацыйных соймакаў ВКЛ, які ў Кароне, выказалася на карысць выбару будучым каралём “пяста” і каталіка. Фактычна гэта адкрывала шлях да выбару ў будучым каралём Станіслава Ляшчынскага, які з’яўляўся асноўным кандыдатам “пястам”. Атрымліваецца, што толькі на 5 перадканвакацыйных соймаках шляхта не выказала жадання, каб будучым каралём быў абраны “пяст”. Іншая справа, што сярод іх былі тыя самыя паветы, дзе хутка атрымала перавагу апазіцыя Станіславу Ляшчынскаму – наваградскі і мінскі. Сярод іншых праблем, якія разглядаліся на перадканвакацыйных соймаках і былі ўключаны ў пасольскія інструкцыі, вылучаецца праблема адмены падымнага. Адмяніць гэты падатак у сваіх інструкцыях прасіла лідская, троцкая, гродзенская, ковенская, жмудская, мінская і частка мсціслаўскай шляхты, а брэсцкая шляхта нават даслала ў гэтай справе спецыяльных паслоў да прымаса Тэадора Патоцкага. У інтарэсах магнацкага роду Радзівілаў у пасольскія інструкцыі патрапіў пункт аб вяртанні ім далучаных да Брэсцкай эканоміі ключоў Кіявец і Мялейчыцы. У сваю чаргу па просьбе Тэадора Любамірскага магнаты з Княства пастараліся, каб пункт аб вяртанні капальні солі Кунегунды і кампенсацыі за яе карыстанне Любамірскім і Сангушкам патрапіў у інструкцыі паслам з павятовых соймакаў ВКЛ. Вядома, што каралевіч Якуб Сабескі

не толькі дасылаў просьбу аб кампенсацыі яму даўгоў бацькі караля Яна III Сабескага, але і такім чынам хацеў нагадаць аб сабе як аб магчымым кандыдаце “пястам”. Што датычыцца соймакаў ВКЛ, то просьба каралевіча Якуба Сабескага знайшла падтрымку і патрапіла ў інструкцыі віленскай, лідскай, браслаўскай, троцкай, гродзенскай, смаленскай, старадубскай і аршанскай шляхты. Сярод іншых пытанняў, якія часта ўзгадваліся ў інструкцыі паслам з перадканвакацыйных соймакаў ВКЛ, трэба назваць пытанне павелічэння войску і пункт супраць знаходжання дысідэнтаў у войску ВКЛ.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Герье, В. Борьба за польский престол в 1733 году / В. Герье. – М.: В тип. В. Грачева, 1862. – 638 с.
2. Kantecki, K. Po zgonie Augusta II / K. Kantecki // Przewodnik naukowy i literacki. – 1877. – S. 673–688, 767–786, 865–887, 961–989, 1057–1083.
3. Dygdała, J. Kwestia dysydencka w Rzeczypospolitej doby bezkrólewia 1733 roku / J. Dygdała // Zapiski Historyczne. – 1997. – Nr. 62. – Cz. 4. – P. 45–67.
4. Dygdała, J. Antystanisławowska i prosaska publicystyka doby bezkrólewia 1733 roku (dzieła, autorzy, rozpowszechnianie) / J. Dygdała // Kwartalnik Historyczny. – 2002. – Nr. 109. – Zesz. 2. – P. 41–59.
5. Lisek, A. Postawa Radziwiłłów w okresie przedostatniego bezkrólewia i w pierwszych miesiącach wojny domowej (1733–1734) / A. Lisek // Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadectwa historyczne / Pod red. K. Stepnika. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003. – S. 358–370.
6. Szklarska, E. Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r. / E. Szklarska // Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego. T. II / Pod red. J. Dumanowskiego, B. Dybasia, K. Mikulskiego, J. Porazinskiego i S. Roszaka. – Toruń, 2003. – S. 561–573.
7. Burba, D. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinių veikla Abiejų Tautų Respublikos seimuose 1733–1736 m. politinio–karinio konflikto metu / D. Burba // Parlamento studijos. – 2006. – Nr. 6. – P. 9–42.
8. Codzienne kłopoty, wielkie interesy i podwójna elekcja ; wyd. Jerzy Dygdała, Warszawa: DiG, 2012. – 226 s.
9. Мацук, А. Пазіцыя магнатаў і шляхты ВКЛ у пачатку бескаралеўя 1733 г. / А. Мацук // Беларус. гіст. часоп. – 2011. – № 7. – С. 3–10.
10. Akta sejmikowe województw poznańskiego i kaliskiego. Lata 1733–1763 ; wyd. M. Zwierzykowski. – Warszawa: DiG, 2015, 985 s.
11. Niedziela, R. Pisma polityczne w okresie bezkrólewia i wojny o tron polski po śmierci Augusta II Mocnego (1733–1736) / R. Niedziela. – Kraków: Historia Jagellonica, 2005. – 364 s.
12. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA), SA 4748.
13. Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka (LMAB). – F.139. B. 3605.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). – Dział V. Sygn. 5408.
15. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д.17.
16. LVIA. – F. 598. B. 29.
17. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 63.
18. LVIA, SA 5957.
19. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1711. Воп. 1. Спр. 24.
20. LVIA. – F. 1282. Op. 1. B. 6106.
21. AGAD. AR. – Dział V. Sygn. 17503. Cz. 5.
22. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 49.
23. LVIA, SA 15208.
24. LVIA. – F. 1135. Op. 2. B. 112.
25. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 67.
26. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 58.
27. Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаніка НАН України. – Ф. 103. Оп. 1. Спр. 6571.
28. AGAD. AR. – Dział V. Sygn. 18878.
29. НГАБ. – Ф. 1730. Воп. 1. Спр. 11.
30. Macuk, A. Szlachta województwa nowogrodzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 r. / A. Macuk // Przegląd Historyczny. – 2005. – Z. 1. – S. 40–60.
31. НГАБ. – Ф. 1737. Воп. 1. Спр. 31.
32. НГАБ. – Ф. 1705. Воп. 1. Спр. 50.
33. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 4. – Вильно: Тип. Губернского Правления, 1870. – 683 с.
34. Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаніка НАН України. – Ф. 103. Оп. 1. Спр. 6570.
35. AGAD. AR. – Dział V. Sygn. 13899. Cz. 9.
36. LMAB. – F. 139. B. 4002.
37. НГАБ. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 31.
38. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 56.
39. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 64.

40. AGAD. AR. – Dział V. Sygn. 5557.
41. LMAB. – F. 139. B. 5092. Cz. 2.
42. НГАБ. – Ф. 1731. Вop. 1. Сnp. 18.
43. Dyariusz życia Ignacego Łopacińskiego // Biblioteka Warszawska, 1855. T. III. – S. 393–425.
44. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 53.
45. НГАБ. – Ф. 1727. Вop. 1. Сnp. 10.
46. LMAB. – F. 17. B. 52.
47. Мацук, А. Мазырская шляхта ў час бескараляў 1733–1735 гг. / А. Мацук // Гісторыка-археалагічны зборнік. – 2015. – Вып. 30. – С. 75–82.
48. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy. – Sygn. 54.
49. НГАБ. – Ф. 1878. Вop. 1. Сnp. 2.
50. НГАБ. – Ф. 1869. Вop. 1. Сnp. 2.
51. AGAD. Archiwum Roski. – Sygn. LVIII/14.
52. НГАБ. – Ф. 1736. Вop. 1. Сnp. 9.
53. AGAD. AR. – Dział V. Sygn. 2126.
54. AGAD. AR. – Dział V. Sygn. 13425.

References

1. Ger'e V., Bor'ba za pol'skii prestol v 1733 godu [The Struggle for the Polish Throne in 1733], V tip. Gracheva, Moscow, RU, 1862.
2. Kantecki K., “Po zgonie Augusta II”, Przewodnik naukowy i literacki, 1877, pp. 673–688, 767–786, 865–887, 961–989, 1057–1083.
3. Dygdała J., “Kwestia dysydencka w Rzeczypospolitej doby bezkrólewia 1733 roku”, Zapiski Historyczne, 1997, no. 62, Cz. 4, pp. 45–67.
4. Dygdała J., “Antystanisławowska i prosaska publicystyka doby bezkrólewia 1733 roku (dzieła, autorzy, rozpowszechnianie)”, Kwartalnik Historyczny, 2002, no. 109, zes. 2, pp. 41–59.
5. Lisek A., “Postawa Radziwiłłów w okresie przedostatniego bezkrólewia i w pierwszych miesiącach wojny domowej (1733-1734)”, in Stępnik K. (ed.), Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadectwa historyczne, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, PL, 2003, pp. 358–370.
6. Szklarska E., “Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r.”, in Dumanowski J., Dybasia B., Mikulski K., Porazinski J. and Roszaka S. (ed.), Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego. T. II, Toruń, PL, 2003, pp. 561–573.
7. Burba D., “Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinių veikla Abiejų Tautų Respublikos seimuose 1733–1736 m. politinio–karinio konflikto metu”, Parlamento studijos, 2006, no. 6, pp. 9–42.
8. Codzienne kłopoty, wielkie interesy i podwójna elekcja, wyd. Jerzy Dygdała, DiG, Warszawa, PL, 2012.
9. Matsuk A., “Position of the Noblemen and Szlachta of the Grand Duchy of Lithuania at the Beginning of Interrex Period of 1733”, Belaruski Gistarychny Chasopis [Belarusian Historical Journal], 2011, no. 7, pp. 3–10.
10. “Akta sejmikowe województw poznańskiego i kaliskiego”, Lata 1733–1763, wyd. M. Zwierzykowski, Warszawa, PL, 2015, pp. 18–19.
11. Niedziela R., Pisma polityczne w okresie bezkrólewia i wojny o tron polski po śmierci Augusta II Mocnego (1733–1736), Kraków, PL, 2005.
12. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA), SA 4748.
13. Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka (LMAB), F.139, B. 3605.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD), Archiwum Radziwiłłów (AR), Dział V, Sygn. 5408.
15. Arhiv vneshnej politiki Rosijskoj imperii [Archives of the Russian Empire Foreign Policy], F. 79, Op. 1, 1733 г., D.17.
16. LVIA, F. 598, B. 29.
17. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 63.
18. LVIA, SA 5957.
19. Natsyional'ny Gistarychny arkhiŭ Belarusi [National Historical Archives of Belarus] (NGAB), F.1711, Vop.1, Sprava 24.
20. LVIA, F.1282, Op.1, B. 6106.
21. AGAD, AR, Dział V, Sygn. 17503, Cz. 5.
22. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 49.
23. LVIA, SA 15208.
24. LVIA, F. 1135, Op. 2, B. 112.
25. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 67.
26. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 58.
27. L'vivska naukova biblioteka Ukrainy im. V. Stefanyka [Lviv National Scientific Library of Ukraine named after Vasyl Stefanyk], F. 103, Op. 1, Sprava 6571.
28. AGAD, AR, Dział V, Sygn. 18878.
29. NGAB, F. 1730, Vop. 1, Sprava 11.
30. Macuk A., “Szlachta województwa nowogródzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 r.”, Przegląd Historyczny, 2005, Z.1, pp. 40–60.
31. NGAB, F. 1737, Vop. 1, Sprava 31.

32. NGAB, F. 1705, Vop. 1, Sprava 50.
33. Akty, izdavaemye Vilenskoj arkheograficheskoj komissiei [Acts Published by the Vilnja Archeographical Commission], T. 4, Tip. Gubernskogo Pravlenia, Vilno, RU, 1870.
34. L'vivska naukova biblioteka Ukrainy im. V. Stefanika [Lviv National Scientific Library of Ukraine named after Vasyl Stefanyk], F. 103, Op. 1, Sprava 6570.
35. AGAD, AR, Dział V, Sygn. 13899, Cz. 9.
36. LMAB, F. 139, B. 4002.
37. NGAB, F. 1733, Vop. 1, Sprava 31.
38. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 56.
39. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 64.
40. AGAD, AR, Dział V, Sygn. 5557.
41. LMAB, F. 139, B. 5092, Cz. 2.
42. NGAB, F. 1731, Vop. 1, Sprava 18.
43. “Dyariusz życia Ignacego Łopacińskiego”, Biblioteka Warszawska, 1855, T. III, pp. 393–425.
44. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 53.
45. NGAB, F. 1727, Vop. 1, Sprava 10.
46. LMAB, F. 17, B. 52.
47. Macuk A., “Mozyr Gentry during the Interrex Period of 1733–1735”, Gistarychna-Arhealagichny Zbornik [Historical and archaeological collection], 2015, Vyp.30, pp.75–82.
48. Archiwum Państwowe w Łodzi, Archiwum Kossowskich z Głogowy, Sygn. 54.
49. NGAB, F. 1878, Vop. 1, Sprava 2.
50. NGAB, F. 1869, Vop. 1, Sprava 2.
51. AGAD, Archiwum Roski, Sygn. LVIII/14.
52. NGAB, F. 1736, Vop. 1, Sprava 9.
53. AGAD, AR, Dział V, Sygn.2126.
54. AGAD, AR, Dział V, Sygn.13425.

Информация об авторе

Мацук Андрей Владимирович – канд. ист. наук. ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : anrzey@tut.by.

Для цитирования

Мацук, А. У. Палітычныя пазіцыі перадканвакацыйных соймаў ВКЛ у 1733 г. / А. У. Мацук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 41–52.

Information about the author

Matsuk Andrei Vladimirovich, Ph. D. (Hist.), Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: anrzey@tut.by.

For citation

A. V. Matsuk Political Standpoints of the Pre-Convocation Sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania in 1733. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no.2, pp. 41–52.

В. В. Григорьев

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Минск, Беларусь

**ГУННСКИЙ ФАКТОР В ЭТНИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
В ЕВРОПЕ В IV–VI вв. н.э.**

Статья посвящена исследованию влияния гуннов на этнические и политические процессы, которые происходили в Европе в IV–VI вв. н. э. Именно гунны своими активными действиями существенно изменили взаимодействие римлян и варваров. От завоевательных походов варварские народы перешли к интенсивному заселению римских территорий, созданию собственных государств. В результате Западная Римская империя была уничтожена. При этом в ходе процессов Великого переселения народов, вызванных гуннским влиянием, варварами к концу VI в. н. э. были сформированы новые центры этнического и политического развития, либо заложены основы новой этнической и политической карты Европы. Что касается гуннов, то после распада их кочевого государства в середине V в. н. э., в результате межэтнического взаимодействия, к концу VI в. н. э. они сливаются с иными народами, либо растворяются в византийском населении. Еще во второй половине VI в. н. э. в Европу проникают авары и к концу VI в. н. э. создают здесь новое кочевое государство. При этом гуннский этнический стереотип поведения, с которым были связаны успех гуннов и их активные действия, продолжал оставаться актуальным в этнополитическом плане для тесно связанных с ними народов, в том числе и кочевников.

Ключевые слова: гунны, кочевники, Великое переселение народов, варвары, этнические процессы, политические процессы, Западная Римская империя.

V. V. Grigoriev

Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War, Minsk, Belarus

**HUNNISH FACTOR IN THE ETHNIC AND POLITICAL PROCESSES
IN EUROPE IN 4th–6th CENTURIES A. D.**

The article explores the Hunnish influence on the ethnical and political processes in Europe between the 4th and 6th centuries A. D. It was the Huns whose active actions significantly changed the interaction between the Romans and barbarians. The barbarian peoples turned from aggressive raids to the intensive colonization of the Roman territories and creation of their own states. As a result, the Western Roman Empire was destroyed. And during the processes of the Great Resettlement of the Peoples caused by the Huns, the barbarians had either formed new centers of ethnical and political development by the end the 6th century or laid the base for a new ethnical and political map of Europe. The disintegration of the Hunnish nomadic state took place in the middle of the 5th century A. D. As a result of the interethnic interaction, the Huns had merged with other peoples or dissolved in the Byzantine population by the end of the 6th century A. D. The Avars came to Europe in the second part of the 6th century A. D. and established there a new nomadic state by the end of the century. The Hunnish success and activity were rooted in their ethnical stereotype of behaviour. This stereotype continued to be ethnically and politically relevant for the peoples closely connected with the Huns including nomads.

Keywords: Huns, nomads, Great Resettlement of the Peoples, barbarians, ethnical processes, political processes, Western Roman Empire.

Введение. Республика Беларусь и сопредельные государства евразийского пространства – результат длительного исторического развития. Среди его начальных этапов выделяется Великое переселение народов рубежа античности и средневековья. Помимо иных народов активное участие в нем принимали племена гуннов, пришедшие из Азии. Именно их влияние в IV–VI вв. н. э. инициировало изменения в этническом и политическом пространстве и способствовало началу тех процессов Великого переселения народов, которые сформировали новую этническую и политическую карту Европы, в целом ставшую основой для современной. В результате Великого переселения народов, под гуннским влиянием, славяне начали интенсивно заселять территорию современной Беларуси. Исследование переселений народов в Европе приобретает особую значимость в наши

дни, когда европейский мир стоит на пороге нового переселения, значительного по своему масштабу со времен рубежа античности и средневековья. История гуннов и Великого переселения народов является частью истории евразийских государств, фундамента общей исторической памяти стран и народов евразийского пространства в контексте Великого шелкового пути.

Влияние гуннов на этнические и политические процессы в Европе на рубеже античности и средневековья, нашедшее свое отражение в письменных источниках эпохи Великого переселения народов [1, с. 538–543; 2, с. 174–177; 3, с. 98–99, 457, 495; 4, с. 101–105; 5, с. 297], затрагивалось в историографии разных стран [6, с. 41–45; 7, с. 105–110, 120; 8, с. 20; 9, с. 82–89; 10, с. 148; 11, с. 94–98; 12, с. 307–309; 13, с. 41–45; 14, с. 284–289; 15, с. 272–276; 16, с. 132–140; 17, с. 145; 18, с. 202–206; 19, с. 107, 383; 20, с. 73–77; 21, с. 201–204]. Несмотря на это, рассматриваемая проблема продолжает оставаться актуальной и требует углубленного изучения.

Цель статьи – показать гуннский фактор в этнических и политических процессах в Европе в IV–VI вв. н. э.

Основная часть. Складывание гуннов восходит к общностям кочевников (хунну и др.), которые существовали в азиатских степных регионах еще в I тыс. до н. э. и имели свою государственность. В ходе разных перемещений и этнического взаимодействия представителей указанных общностей с иными народами в период с I по II в. н. э. и позднее постепенно развивается сам гуннский этнос. Ключевым для него было продвижение из азиатских регионов на европейские территории, к которому его также подталкивало давление других этносов с востока. Еще до середины IV в. н. э. представители гуннского этноса проникают на земли варварской периферии Европы [14, с. 262–266; 17, с. 140–143]. Переселения и действия самих гуннов в это время здесь не были активными. Основополагающими чертами их этнического стереотипа поведения на данном этапе являлись взаимодействие с разными народами различных групп гуннов с сохранением единства своего этноса; выгодное использование периферийных регионов для наращивания сил; развитие управленческих структур [1, с. 538–540, 542; 4, с. 90–91].

Для жителей варварского мира Европы, с которыми столкнулись гунны, в это время были характерны завоевательные походы на римские земли, в результате которых они в основном возвращались обратно [1, с. 46, 389; 2, с. 76, 135]. Из-за их нашествий римлянами был оставлен ряд территорий (провинция Дакия, земли в верховьях Дуная и Рейна), которые подверглись захватам варваров, но это не привело к значительным изменениям в системе империя – варварский мир [18, с. 50, 58]. К середине IV в. н. э. в Европе значимую роль играли племенные союзы и объединения германцев [18, с. 46–47, 68–69]. В восточной части Европы в середине IV в. н. э. сформировалось государство остготов Эрманариха, которое проявляло тенденции к доминированию в регионе. Своим расположением оно заслоняло пути миграций гуннов на запад [4, с. 89–91, 265; 11, с. 23–25]. Данное обстоятельство определенным образом повлияло на развитие гуннов. Они начинают консолидироваться, при этом основополагающие черты их этнического стереотипа поведения получают дальнейшее развитие. В итоге во второй половине IV в. н. э. гунны начинают активно продвигаться на запад, организуя захватнические набеги и войны [1, с. 535, 538–542; 4, с. 90–92]. Разрушив остготское государство, гунны совершают походы против других варварских народов (вестготы и т. д.), достигают римских земель [7, с. 32, 105–107; 12, с. 307–309]. Кроме многочисленных военных конфликтов с гуннами, римлянам пришлось развивать с ними и дипломатические отношения [3, с. 457–460; 13, с. 51–58]. Наиболее благоприятными для расселения гуннов являлись степные территории Европы, придунайские земли и территории римской провинции Паннония [7, с. 107–108, 120; 14, с. 288–289]. Дальнейшее развитие гуннов содействовало тому, что у них в начале V в. н. э. сформировалось устойчивое кочевое государство [3, с. 453–457, 495; 6, с. 42–45]. Наибольшей мощи гунны достигли во время правления их вождя Атилы. При этом гуннская власть распространялась на гораздо более широкие территории в Европе, ограниченные Рейном и Волгой. Преимущественно это были земли варварской периферии [3, с. 98–99, 495; 21, с. 203, 279]. В подчинении у гуннов находились славяне, финно-угры, балты, остготы, частично сарматы-аланы [4, с. 89–92, 101–102; 14, с. 287–288, 291–294], частично свевы [6, с. 76; 18, с. 208], частично франки и др., а также некоторая часть жителей римского мира [3, с. 486–489, 511; 7, с. 111, 115]. Контакты с оседлым варварским населением Европы и римским миром, представленным

Западной и Восточной Римской империями, были важными для гуннов в экономической (например, получение дани от римлян) и другой сферах. При этом сами гунны, являясь кочевниками, зависели от оседлых народов и цивилизаций [7, с. 108, 114; 9, с. 61, 205]. Развитие черт и свойств гуннского этнического стереотипа поведения, представлявшего собой целостную систему, определило успешность действий гуннов. Эти черты и свойства (тесное взаимодействие с другими народами с сохранением единства своего этноса, устойчивость, стремление к завоеваниям, быстрое развитие властных структур и др.) были актуальными и для подчиненных гуннам этносов. Именно с таким этническим стереотипом поведения гуннов было тесно связано само гуннское влияние [1, с. 538–542; 3, с. 486–489, 506; 4, с. 90–91, 101–106]. Из-за гуннских нашествий те варварские народы (вестготы, вандалы и др.) или их части (представители сарматов-алан, франков, свевов и т. д.), которые не были подчинены гуннам, были вынуждены интенсивно мигрировать на римские территории и в конечном итоге оказались на землях Западной Римской империи. Возвращение обратно для них стало невозможным. При этом натиск варварского мира, порожденный гуннами, значительно ослабил Западную Римскую империю, создал благоприятные условия для вторжений и расселения других народов на ее обширных территориях независимо от их географического расположения [2, с. 174, 252; 4, с. 92, 94–98; 21, с. 201–203]. Иными словами, здесь происходило взаимодействие варваров с римской цивилизацией, ускорившее их дальнейшее этническое и политическое развитие. В конечном счете, на европейских территориях Западной Римской империи разные варварские народы начали создавать свои государства (королевства). Так, в середине V в. н. э. на западно-римских землях определенную роль играло королевство вестготов [4, с. 94–97, 100; 6, с. 52–54], а также королевство свевов [7, с. 57–61; 21, с. 201–203]. В Африке к этому времени создали свое королевство вандалы и аланы [4, с. 97–99; 21, с. 202]. Что касается Восточной Римской империи (Византии), то она также подверглась варварской агрессии, вызванной действиями и влиянием гуннов. Это особенно относится к тем ее районам, которые были расположены на Балканском полуострове [3, с. 98–99, 458, 460; 4, с. 92–93, 336]. Тем не менее в отличие от Западной Римской империи, принявшей на себя основной варварский натиск, Византия уцелела и продолжила свое существование, являясь наследницей ранее единой Римской империи [4, с. 114, 128–130; 21, с. 201–203].

В 453 г. н. э. вождь гуннов Атила скончался, что инициировало распад гуннского государства [4, с. 117–119, 305]. В свою очередь это вызвало новую волну интенсивных переселений варваров (остготы, лангобарды, представители франков и др.). В том числе их целью являлись и римские земли, где основным местом проживания варварских этносов стали территории Западной Римской империи [4, с. 120–125; 21, с. 203–204]. Их активность и агрессия дополнялись еще и тем, что взаимодействие с гуннами сделало для них актуальным гуннский этнический стереотип поведения [4, с. 118, 122; 15, с. 273–275], проявлявшийся в разных областях (военной, культурной и т. д.) [16, с. 139–141; 20, с. 72–76]. В результате действий варваров и связанных с ними процессов в 476 г. н. э. последний западно-римский император был смещен варварским военачальником Одоакром и Западная Римская империя прекратила свое существование [4, с. 114; 5, с. 77–78]. При этом сам Одоакр был этнически связан с гуннами [4, с. 333; 16, с. 142, 145]. Этнополитическое развитие самих варваров в результате воздействия на них этнического стереотипа поведения гуннов и расселения в римском мире становилось более интенсивным, что привело к быстрому созданию ими здесь собственных государств (к примеру, остготами, франками, лангобардами) [4, с. 123–127; 6, с. 61–65, 92–95, 109–113].

После распада своего государства в Европе гунны взаимодействуют главным образом с иными кочевыми народами, а также с германцами, славянами и к концу VI в. н. э. постепенно сливаются с ними. Подобная судьба постигла и гуннов в Европе, находившихся на службе в Византии [4, с. 119–127, 305; 5, с. 297, 385–388]. Вторая половина VI в. н. э. отмечена проникновением в Европу новых кочевников – авар. К концу названного столетия в результате завоеваний они создают здесь свое кочевое государство, в этнополитическом плане сравнимое с гуннским. В развитии кочевников также прослеживается влияние гуннского этнического стереотипа поведения [3, с. 148, 161, 246–251; 21, с. 15–17].

Под влиянием гуннов варварами в ходе Великого переселения народов были созданы новые государства. При этом именно образование таких государств неизбежно делало их территории политически, этнически и геополитически значимыми. Тем более, что они находились в разных геополитических зонах Европы – на примыкавших к Средиземному морю римских землях, в атлантической зоне и на остальных территориях, внешних по отношению к указанным. Данное деление является оправданным по следующим причинам. Римская империя полностью разделилась на западную и восточную части в 395 г. н. э. Сама Западная Римская империя в связи с нарастающей в ней нестабильностью и последующим исчезновением с политической карты в 476 г. н. э. становилась также разделенной. Различные ее территории до захвата их варварами пытались некоторое время существовать как независимые государства [6, с. 31–39, 92–94, 125; 17, с. 143–145]. Следует подчеркнуть, что во влиянии Римской империи и развитии разных ее регионов определенную роль играли Средиземное море и Атлантический океан [6, с. 31–39, 274–276; 7, с. 54, 96, 127]. На примыкавших к Средиземному морю римских землях соответствующее морское пространство являлось первостепенным в коммуникации и развитии. Сюда правомерно также отнести территории Пиренейского полуострова и южное побережье современной Франции. Постепенно варварские народы создают здесь свои государства. Причем включение указанных территорий в выделяемый регион является неотъемлемым [6, с. 31–39, 77, 274–278]. Атлантический океан являлся аналогично важным на особо связанных с ним землях. Здесь необходимо особо выделить Британские острова, остальные территории нынешней Франции, включая прилегающие к Рейну земли [6, с. 90–97, 120–123; 7, с. 126–127, 135]. Данная зона была также значимой для Римской империи и ее влияния, в эпоху Великого переселения народов здесь также появляются государства варваров [6, с. 31–36, 123, 135; 21, с. 202–203]. Пространство вне указанных территорий (связанных с двумя уже рассмотренными геополитическими зонами) представляло собой отдельную зону. Существенным является тот факт, что немалая часть земель, составлявших это пространство, находилась под властью кочевого государства гуннов до его распада. Впоследствии здесь идет активное создание и развитие государств варваров. Следует добавить, что данные территории не всегда были едиными в плане развития народов и их государств. Это относится к различным контактам между ними, а также иным сторонам жизни [17, с. 143–148, 240–244, 347–348; 21, с. 201–204]. Несмотря на все это, отмеченные территории все же следует считать отдельной геополитической зоной.

В итоге, в связи с этническими и политическими процессами Великого переселения народов в Средиземноморье к концу VI в. н. э. на территориях современных Испании и Португалии под влиянием вестготов и свевов (Пиренейский полуостров) [4, с. 127; 7, с. 58–61, 65–70; 21, с. 201–204], а также остготов и лангобардов в Италии сложились основные регионы, являвшиеся центрами этнического и политического развития [4, с. 127; 6, с. 113–114; 21, с. 201–204], которые следует определить как пиренейский и итальянский. В составе пиренейского региона также необходимо выделить португальский регион и примыкавший к нему испанский. К тому же прослеживается связь всех этих значимых в этническом и политическом плане регионов с историческим развитием Испании, Португалии и Италии как государств Западной Европы. Данные регионы стали географически, этнически и политически устойчивыми, несмотря на различные изменения, которые происходили на Апеннинском [19, с. 155, 202–203, 383] и Пиренейском полуострове [19, с. 27, 32, 154, 270, 383]. Следовательно, пиренейский и итальянский регионы, определенные указанными выше этносами, являются неразрывными частями западноевропейского пространства.

Что касается других европейских территорий (не относящихся к Средиземноморью), то там к концу VI в. н. э. вызванные влиянием гуннов миграции и дальнейшее развитие ряда народов сформировали фундамент новой этнической и политической карты Европы. К таким народам относились франки, англосаксы, кельты (кельтские народы Британских островов), славяне, кочевники (авары и т. д.) [6, с. 127–132, 135–138; 21, с. 84, 201–204], северные германцы [4, с. 69–70; 8, с. 17, 19–24, 27–32], балты [4, с. 72; 10, с. 141–144, 148–152]. При этом неравномерность развития и условий проживания не препятствовала этим процессам [3, с. 124, 239; 5, с. 232, 297]. И на этих территориях этнический стереотип поведения гуннов оказал положительное влияние на этнополитическое развитие народов, представители которых ранее находились под их влиянием и были тесно с ними связаны [16, с. 139–142; 20, с. 72–76].

Заключение. Таким образом, воздействие гуннов играло значимую роль в Великом переселении народов, в частности, в трансформации этнического и политического пространства Европы в IV–VI вв. н. э. Проникновение гуннов из Азии в европейский варварский мир берет свое начало до середины IV в. н. э. При этом складывание государства остготов Эрманариха в Восточной Европе в середине IV в. н. э. и его развитие препятствовали дальнейшим перемещениям гуннов, но заставили их консолидироваться и наращивать силы для дальнейших миграций. Во второй половине IV в. н. э. гунны перешли к интенсивным миграциям на запад с войнами и захватами. Уничтожив государство остготов Эрманариха, они достигли римских границ и начали совершать походы на римские земли. Уже в начале V в. н. э. в Европе возникло устойчивое кочевое государство гуннов, также включавшее в себя различные варварские народы.

Успех гуннов был обусловлен развитием черт и свойств их этнического стереотипа поведения как целостной системы. Эта система проявлялась в их влиянии, была актуальна и для подвластных гуннам народов. Воздействие гуннов изменило и взаимодействие варваров с римским миром. Ранее варвары совершали походы на римские земли, но в основном возвращались обратно, и их влияние на римских землях было незначительным. Из-за завоевательных походов гуннов неподчиненные им варварские народы были вынуждены массово мигрировать на римские земли (в основном территории Западной Римской империи). Обратно возвратиться они уже не могли. В итоге они быстрее развивались и создавали новые государства (к примеру, уже в середине V в. н. э. здесь существовали вестготское и свевское королевства). Распад кочевого государства гуннов в середине отмеченного столетия привел к очередному массовому переселению варварских народов – переселению остготов, лангобардов, представителей франков и др., которые при этом направлялись и на римские земли (в основном территории Западной Римской империи). Из-за воздействия на них гуннов и актуализации для них гуннского этнического стереотипа поведения такие народы действовали активно и агрессивно. В связи с этим Западная Римская империя исчезает с политической карты в 476 г. н. э., а сами варвары быстрее развиваются в этнополитическом плане, создавая свои новые государства (например, остготское, франкское, лангобардское). К концу VI в. н. э. европейские гунны сливаются с иными этносами (в основном с другими кочевниками, германцами, славянами) либо растворяются в полиэтничном византийском населении. В то же время проникшие из Азии во второй половине VI в. н. э. авары создают в Европе новое крупное кочевое государство.

Этнический стереотип поведения гуннов содействовал этническому и политическому развитию народов, ранее тесно связанных с гуннами, продолжал оставаться актуальным и для кочевников. Создание новых государств варварами придавало их территориям помимо этнического политическое и геополитическое значение. Уже до конца VI в. н. э. под воздействием остготов, вестготов, севов и лангобардов на карте Средиземноморья были сформированы регионы (пиренейский, состоявший из испанского и португальского, а также итальянский), значимые в этническом и политическом плане. Они же являлись здесь и своеобразными новыми центрами этнического и политического развития. На остальных территориях Европы к концу отмеченного столетия варварами (в основном франками, англосаксами, северными германцами, балтами, кельтами Британских островов, славянами, кочевниками-аварами и др.) были заложены основы новой этнической и политической карты.

Список использованных источников

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин ; пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. – М. : АСТ : Ладомир, 2005. – 631 с.
2. Зосим. Новая история / Зосим ; пер., коммент., указ., вступ. ст. Н. Н. Болгова. – Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2010. – 340 с.
3. Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Феофан Византиец // Приск Панийский. Сказания Приска Панийского / Приск Панийский. – Рязань : Александрия, 2005. – 608 с.
4. Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / Иордан ; вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – М. : Изд-во восточной лит., 1960. – 436 с.

5. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Прокопий из Кесарии ; пер. с греч. С. П. Кондратьева ; вступ. ст. З. В. Удальцовой. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 516 с.
6. Мюссе, Л. Варварские нашествия на Европу : германский натиск / Л. Мюссе ; пер. с фр. А. П. Саниной. – СПб. : Евразия, 2006. – 416 с.
7. Корсунский, А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.) / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.
8. Джонс, Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / Г. Джонс ; пер. с англ. З. Ю. Метлицкой. – М. : Центрполиграф, 2007. – 445 с.
9. Томпсон, Э. А. Гунны. Грозные воины степей / Э. А. Томпсон ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2008. – 256 с.
10. Gimbutas, M. The Balts / M. Gimbutas. – London : Thames and Hudson, 1963. – 286 p.
11. Maenchen-Helfen, O. J. The World of the Huns : Studies in Their History and Culture / O. J. Maenchen-Helfen ; Ed. M. Knight. – Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1973. – XXIX, 602 p.
12. Geschichte der Hunnen : [5 bde.]. – Berlin : Walter de Gruyter [etc.], 1969–1975. – [Bd.] 1 : Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa / F. Altheim ; mit beitragen von R. Gobl [et al.]. – 2., durchgesehene Auflage. – 1969. – VIII, 463 s.
13. Stickler, T. Die Hunnen / T. Stickler. – Munchen : Verlag C. H. Beck, 2007. – 128 s.
14. Гумилев, Л. Н. История народа хунну : в 2 кн. / Л. Н. Гумилев ; сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. – М. : Ин-т ДИ-ДИК, 1998. – Кн. 2. – 496 с.
15. Шувалов, П. В. Немошь Атилы (властитель гуннов глазами германцев) / П. В. Шувалов // Чужое : опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р. М. Шукурова ; Р. М. Шукуров [и др.]. – М., 1999. – С. 259–276.
16. Шувалов, П. В. У истоков средневековья : двор Атилы / П. В. Шувалов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени : межвуз. сб. / Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 130–145.
17. Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М. : Знак, 2004. – 416 с.
18. Буданова, В. П. Великое переселение народов : этнополитические и социальные аспекты / В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова. – СПб : Алетейя, 2011. – 334 с.
19. Смирнова, Е. Д. Средневековый мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник / Е. Д. Смирнова, Л. П. Сушкевич, В. А. Федосик ; науч. ред.: В. А. Федосик, Е. Д. Смирнова ; сост. Е. Д. Смирнова. – 2-е изд., испр. – Минск : Беларусь, 2001. – 383 с.
20. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. – Минск : Белорус. Экзархат, 2008. – 288 с.
21. Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009–2011. – Т. 1. А–К. – 2009. – 496 с.

References

1. Ammian Martsellin, Rimskaia istoriia [Roman History], Translated by Kulakovskii Iu. A., Sonni A. I., AST, Ladimir, Moscow, RU, 2005.
2. Zosim, Novaia istoriia [New History], Translated by Bolgov N. N., Belgorod State University, Belgorod, RU, 2010.
3. Feofan Vizantiets, Letopis' ot Diokletiana do tsarei Mikhaila i syna ego Feofilakta [Chronicles from Diocletian to Tsar Michael and His Son Theophylact], Prisk Paniiskii, Skazaniia Priska Paniiskogo [Writings by Priscus of Panium], Aleksandriia, Riazan', RU, 2005.
4. Iordan, O proiskhozhdenii i deianiiakh getov: Getica [About the Origins and Deeds of the Getae: Getica], Translated by Skrzhinskaia E. Ch., Izdatel'stvo vostochnoi literatury, Moscow, RU, 1960, (Pamiatniki srednevekovoi istorii narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy).
5. Prokopii iz Kesarii, Voina s gotami [The War against the Goths], Translated by Kondrat'ev S. P., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, RU, 1950.
6. Musset L., Varvarskie nashestviia na Evropu: germanskii natisk [The Barbarian Invasions in Europe: the German Onslaught], Translated by Sanina A. P., Eurasia, St. Petersburg, RU, 2006.
7. Korsunskii A. R., Giunter R., Upadok i gibel' Zapadnoi Rimskoi imperii i vzniknovenie germanskikh korolevstv (do serediny VI v.) [The Fall and Death of the Western Roman Empire and the Emergence of the Germanic Kingdoms (up to the middle of the 6th Cent)], Moscow State University, Moscow, RU, 1984.
8. Jones G., Vikingi. Potomki Odina i Tora [The Vikings. The Descendants of Odin and Tor], Translated by Metlitskaia Z. Iu., Tsentrpoligraf, Moscow, RU, 2007.
9. Thompson E. A., Gunny. Groznye voiny stepei [The Huns. The Formidable Warriors of the Steppes], Translated by Igorevskii L. A., Tsentrpoligraf, Moscow, RU, 2008.
10. Gimbutas M., The Balts, Thames and Hudson, London, GB, 1963.
11. Maenchen-Helfen O. J., The World of the Huns: Studies in Their History and Culture, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, US, GB, 1973, XXIX.
12. Altheim F., Gobl R., Haussig H-W., Stiehl R., Trautmann-Nehring E., Geschichte der Hunnen: [Bd.] 1: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. 2., durchgesehene Auflage, Walter de Gruyter, Berlin, DE, 1969.
13. Stickler T., Die Hunnen, C. H. Beck, Munchen, DE, 2007.

14. Gumilev L. N., *Istoriia naroda khunnu*. Kn. 2 [The History of the Hunnu People, Vol. 2], in Kurkchi A. I. (ed.), Institute DI-DIK, Moscow, RU, 1998.
15. Shuvalov P. V., “Attila’s Infirmity (the Hunnish Ruler through the Eyes of the Germans)”, in Shukurov R. M. (ed.), *Chuzhoe: opyty preodoleniia. Ocherki iz istorii kul’tury Sredizemnomor’ia* [The Alien: The Experiences of Overcoming. The Essays from the History of the Mediterranean Culture], Moscow, 1999, pp. 259–276.
16. Shuvalov P. V., “At the Origins of the Middle Ages: Attila’s Court”, *Problemy sotsial’noi istorii i kul’tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni: mezhvuzovskii sbornik* [The Problems of the Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Period: Interuniversity Collection], St. Petersburg, 2001, vol. 3, pp. 130–145.
17. Petrukhin V. Ia., Raevskii D. S., *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov’e* [The Essays on the History of the Peoples of Russia in the Antiquity and the Early Middle Ages], Znack, Moscow, RU, 2004.
18. Budanova V. P., Gorskii A. A., Ermolova I. E., *Velikoe pereselenie narodov : etnopoliticheskie i sotsial’nye aspekty* [The Great Resettlement of the Peoples : Ethno-political and Social Aspects], Aleteiia, St. Petersburg, RU, 2011.
19. Smirnova E. D., Sushkevich L. P., Fedosik V. A., *Srednevekovyi mir v terminakh, imenakh i nazvaniiah: slovar’-spravochnik* [The Medieval World in Terms, Names and Titles: A Dictionary and Handbook], in Fedosik V. A., Smirnova E. D. (ed.), Belarus’, Minsk, BY, 2001.
20. Rassadin S. E., *Pervye slaviane. Slavianogenez* [The First Slavs. The Slavic Genesis], Belorusskii Ekzarkhat, Minsk, BY, 2008.
21. Bialova T. U. (ed.), *Arkhealogiia Belarusi: entsykl. T. 1. A–K* [The Archaeology of Belarus: An Encyclopedia, Vol. 1. A–K], Belarusaia entsyklapedyia imia P. Broŭki, Minsk, BY, 2009.

Информация об авторе

Григорьев Владимир Владимирович – науч. сотрудник, отдел военно-фронтальной истории Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (пр. Победителей, 8, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail : frontwarmuz10@gmail.com.

Для цитирования

Григорьев, В. В. Гуннский фактор в этнических и политических процессах в Европе в IV–VI вв. н. э. / В. В. Григорьев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 53–59.

Information about the author

Grigoriev Vladimir Vladimirovich, Scientific Researcher, Military and Battlefield History Department of the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War (8 Pobediteley Ave., Minsk 220004, Belarus). E-mail: frontwarmuz10@gmail.com.

For citation

Grigoriev V. V. Hunnish Factor in the Ethnic and Political Processes in Europe in 4th–6th Centuries A. D. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no.2, pp. 53–59.

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.112.2'367.625.43+274.5–234

Поступила в редакцию 24.05.2016

Received 24.05.2016

Т. С. Лобанова

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

СЛОЖНОПРИЧАСТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В БИБЛИИ ЛЮТЕРА

Исследуются сложнопричастные образования. В результате анализа грамматических явлений был представлен количественный и качественный анализ, отражающий особенности рассматриваемого грамматического явления в священном писании. Анализ сложных причастий производится, основываясь на греческих первоисточниках, легших в основу Библии Лютера.

Анализ причастий в Библии Лютера позволил сделать выводы о том, что сложные причастия являются достаточно продуктивным образованием, о чем свидетельствуют количественные данные.

Самой продуктивной в данном священном писании является модель, первый компонент которой представлен существительным, она составляет 63% от общего количества извлеченных из текста сложных причастий. Второй по количеству извлеченных из текста сложнопричастных образований является группа, первый компонент которой представлен числительным. Данная группа составляет 24% от общего количества сложных причастий анализируемого текста. Весьма немногочисленными по количеству причастных единиц являются группы сложных причастий с первым компонентом – наречием (6%) и местоимением (5%). Самой немногочисленной группой сложных причастий в Библии Лютера является группа сложных причастий, первый компонент которой выражен прилагательным (2%). В результате анализа удалось сделать выводы о том, что некоторые сложные причастия получают первую фиксацию непосредственно в Библии Лютера.

Ключевые слова: сложнопричастные образования, Библия Лютера, исторический аспект, основообразующий компонент, греческий первоисточник, анализируемое явление.

T. S. Lobanova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

COMPOUND PARTICIPLES IN THE LUTHER BIBLE

The article explores compound particles. Based on the study of grammatical phenomena, it presents a quantitative and qualitative analysis which reflects specific features of the grammatical phenomenon in question in Holy Scripture. The Greek primary sources which served as a basis for the Luther Bible were used in analyzing compound participles.

The analysis of compound participles in the Luther Bible allows making a conclusion that, as the quantitative data suggest, compound participles are a rather productive form.

The most productive model in this Scripture is the one with a noun as its first component; it makes up 63 percent of the total number of compound participles found in the text. The second largest group of compound participles found in the text is the one where the first component is a numeral. This group accounts for 24 percent of the total number of compound participles in the analyzed text. The groups of compound participles having an adverb or pronoun as its first component are quite rare in terms of the number of participle units belonging to them: 6 percent and 5 percent respectively. The smallest group of compound participles in the Luther Bible includes compound participles with the first component expressed by an adjective (2 percent). The analysis made it possible to conclude that the Luther Bible was the first record of certain compound participles.

Keywords: compound participles, Luther Bible, historical aspect, stem-forming component, Greek primary source, analyzed phenomenon.

Как известно, образование сложных слов является крайне продуктивным словообразовательным способом в современном немецком языке. Это, с одной стороны, способствует имплицитной передаче информации, с другой – позволяет повысить информационную насыщенность высказывания, поскольку сложные слова, состоящие из нескольких внутренних центров, являются семантически более содержательными.

Говоря о значимости сложных слов, Х. Бреккле отмечает следующее: «В современном немецком языке как функционирующей системе почти регулярно прослеживается тенденция к сокращению структур, несущих развернутую информацию, – предложений, и в русле ее действия очень продуктивными оказываются сложные слова» [1, с. 125]. Подобного мнения придерживается и М. Д. Степанова: «...употребление сложного слова иногда дает возможность избежать громоздкой конструкции или повторения одинаковых форм» [2, с. 253]. Она особо подчеркивает роль в таком процессе сложных причастий: «Сложнопричастные образования способствуют содержательной компрессии, позволяют более свободную интерпретацию смысла, чем синтаксические конструкции, могут развертываться в высказываниях по принципу линейности» [3, с. 19].

Следует отметить, что проблема функционирования сложных причастий в современном немецком языке исследовалась как отечественными [3; 4], так и зарубежными учеными [5; 6]. Однако рассмотрение этого грамматического явления в его историческом аспекте осталось за пределами внимания исследователей, что обуславливает актуальность настоящего исследования, посвященного анализу сложнопричастных образований в Библии Лютера [7].

Важно отметить, что появление сложных слов в немецком языке произошло в ранний нововерхненемецкий период (приблизительно с 1350 по 1650 г.), на верхнюю границу которого приходится рассматриваемый библейский перевод, напечатанный в 1545 г. Говоря о сложных словах, О. И. Москальская отмечает следующее: «Для раннего нововерхненемецкого периода характерно большое количество нововведений в области словообразования: сложные слова приобретают все большее значение» [8, с. 210]. Действительно, из 1056 извлеченных из Библии Лютера причастий в самостоятельной функции 88 являются сложными.

Извлеченные из текста причастия группируются на основании одной из разработанных современными исследователями классификаций [4], согласно которой сложные причастия анализируются с учетом их составляющих компонентов: «Сложнопричастные образования изначально расчлениваются на две большие группы: образования с ядерным компонентом PI и образования с ядерным компонентом PII. Первый компонент репрезентуется в обоих случаях единицами разных морфологических типов: существительными, прилагательными, наречиями, «чистыми» наречиями, местоимениями, глаголами и глагольными усеченными формами. Следовательно, моделями анализируемых слов будут: S+PI, S+PII; A+PI, A+PII; Adv+PI, Adv+PII; Pr+PI, Pr+PII; V+PI, V+PII» [4, с. 22].

В **первую** группу входит большинство сложных причастий, извлеченных из Библии Лютера (56 единиц, что составляет 63% от общего количества сложных причастий). Они образованы по модели S+PII, первый компонент которой является именем существительным, в то время как ядерный компонент представлен причастием II.

Самым частотным сложным причастием в священном писании Лютера является причастие *der Schriftgelehrte* – ‘ученый муж’², образованное от зафиксированного в словарях [9; 10] существительного *Schrift* (‘написанное’, ‘литературный труд’, ср. также *die heilige Schrift* ‘священное писание’) и субстантивированного причастия *der Gelehrte*, образованного в свою очередь от отраженного в историческом словаре причастия *gelêret* (‘мудрый’, ‘опытный’, ‘образованный’, ‘начитанный’, ‘умеющий писать’ [11, с. 103]).

Непосредственно сложнопричастное образование *der Schriftgelehrte* не нашло отражения ни в одном из исторических словарей³, в связи с чем мы можем предположить, что впервые оно было употреблено в лютеровском переводе. В Textus Receptus, греческой версии Библии, легшей в основу Библии Лютера⁴, ему соответствует существительное *γραμματεὺς*, употребляющееся в Новом Завете в значении ‘ученый, книжник’ [12, с. 322].

²Здесь и далее приводится собственный перевод Библии Лютера на русский язык, сохраняющий необходимые глагольные формы.

³Для составления наиболее полной картины о семантике исторических слов в исследование включен исторический словарь МНД [9], охватывающий словарный состав с 1050 по 1350 г. – вплоть до начала нововерхненемецкого периода. Два последующих словаря Lexex [10], КМВ [11] охватывают словарный состав вплоть до XV века включительно – максимально приближенный период до перевода Библии Лютером.

⁴Для анализа адеквативированных причастий в настоящей статье используется не только вышеназванный греческий первоисточник, в исследование включены также LXX (Septuaginta) [16] и «The Greek New Testament» [17] под редакцией К. Аланда, представляющий собой наиболее точное издание Нового Завета.

Второй по количеству извлеченных из текста сложнопричастных образований является группа Num+PII (21 единица, что составляет 24% от общего количества сложных причастий), первый компонент которой представлен числительным, второй – причастием II.

Самым частотным словом в данной группе причастий является причастие *erstgeboren* ‘первородный’, в качестве первого компонента которого выступает числительное *erst* ‘первый’, в качестве основообразующего компонента – причастие *geboren* ‘рожденный’, которое в свою очередь является образованием от глагола *gebären* ‘родить’:

Und sprach zu seinem erstgeborenen Sohn Jether: Stehe auf und erwürge sie! [Судьи, 8, 20] – ‘И сказал он Иеферу, первенцу своему: встань и убей их’.

Und ihr Vater gab ihnen viel Gaben von Silber, Gold und Kleingold mit festen Städten in Juda; aber das Königreich gab er Joram, denn der war der Erstgeborene [2 Парал. 21, 3] – ‘И дал им отец много подарков: серебро, золото, драгоценности и укрепленные в Иудее города; Но королевство он отдал Иораму, потому что он был первенцем’.

В Textus Receptus причастию *erstgeboren* соответствует греческое прилагательное *πρωτότοκος* ‘первородный, рожденный прежде’ [13, с. 1435], которое также может выступать в качестве субстантива. В связи с этим немецкий эквивалент представляется калькой этого греческого, однако создание этого сложного слова нельзя приписать Лютеру, поскольку оно фиксируется словарями до него, ср. *éristgeboren* ‘первородный’ [11, с. 85].

Третьей по количеству включающих в себя сложнопричастных единиц является модель, которую условно можно обозначить как Adv+PII (5 единиц, что составляет 6% от общего количества сложных причастий). Соответственно, первый компонент данной модели представлен наречием, второй – причастием II.

Весьма интересным и сложным причастием подобного рода является причастие *der Wohlbetagte* ‘очень старый’, отсутствующее в словарях современного немецкого языка. Первый компонент данного причастия представлен наречием *wohl*, его основообразующий компонент – причастием *betagt*. Словарями средневерхнемецкого языка фиксируется наречие *wol* со значением ‘хорошо, приятно’ [9; 10], а также отсутствующими в современном немецком языке значениями ‘действительно’, ‘правильно’, ‘очень’, ‘полностью’ [11, с. 474]. Отражено в словаре также и причастие *betaget* со значением ‘очень старый, старейший’ [9; 11, с. 33].

...denn es sollen beide, Mann und Weib, beide, Alte und der Wohlbetagte, gefangen werden [Иер. 6, 11] – Поскольку поймать нужно обоих: мужа и жену, старого и исполненного дней.

В данном случае крайне интересен механизм появления этой формы в Библии Лютера, поскольку в тексте первоисточника присутствуют в соответствующих позициях прилагательное *πλήρης* [12, с. 1328] ‘полный, исполненный, наполненный’ и существительное *ἡμέρα* ‘день, сутки’ [12, с. 752].

Как отмечалось ранее, одно из значений зафиксированного в исторических словарях наречия *wol* – это ‘полностью; совершенно’, в то время как в качестве основообразующего элемента для глагола *betagen*, легшего в свою очередь в основу причастия *betaget*, послужило существительное *der Tag*, имеющее, согласно словарю средневерхнемецкого языка, такие значения, как ‘день’, ‘время’, ‘жизнь’, ‘возраст’ [11, с. 323]. Таким образом, в данном случае Лютер при помощи сложного причастия создал своего рода кальку греческого словосочетания и максимально сохранил семантику оригинального текста. Поскольку сложное причастие не отражают ни исторические, ни современные словари, его можно отнести к окказионализмам, появившимся именно в этом переводе Библии.

Наречие *wohl* входит также в состав другого сложного причастия – *wohlriechend* ‘благоухающий’, сохранившегося и в современном немецком языке. Эту лексему, однако, нельзя отнести к окказионализмам Лютера, поскольку оно фиксируется историческим словарем (*wolriechende* ‘приятно пахнущий’ [11, с. 475]) в долотеровский период. В качестве основообразующего компонента здесь выступает причастие *I riechend* ‘пахнущий’, образованное от глагола *riechen* ‘пахнуть’:

...und allerlei wohlriechendes Holz und allerlei Gefäß von Elfenbein und allerlei Gefäß von köstlichem Holz ... – И всяких благовонных деревьев, и сосудов из слоновой кости и ценных и ценного дерева... [Откр. 18, 12].

В оригинале этому сложному причастию соответствует прилагательное *θύϊνος* ‘туевый’ [12, с. 798], при этом имелось в виду растущее в Азии дерево с ароматной корой, благовонный вид кедра. Именно коннотативный элемент данного наименования постарался представить в своем переводе Лютер, используя слово, уже существующее в языке, но, судя по его фиксации лишь в одном историческом словаре, не нашедшее еще широкого распространения.

Четвертой по количеству представленных единиц является группа сложных причастий, которую условно можно обозначить как Pr+PII (4 единицы, что составляет 5% от общего количества сложных причастий). Первая часть образования представлена местоимением, вторая – причастием вторым. Каждое из причастий данного вида в тексте Библии имеет единственную фиксацию: *zusammengelegt* ‘сложенный’ [Иез. 2, 9], *zusammengerollt* ‘свернутый в трубку’ [Откр. 6, 14], *selbsterwählt* ‘самоизбранный’ [Кол. 2, 23], *der Allerverachtetste* [Ис. 53, 3] – ‘презираемый всеми’.

Причастие *zusammengelegt* используется в словосочетании *der zusammengelegte Brief* ‘сложенное письмо’, которому в тексте Textus Receptus соответствует словосочетание *κεφαλὶς βιβλίου*, где первое слово имеет значение ‘начало’ [14, с. 345], а второе (форма род. пад. от *βιβλίον*) – ‘лист, письмо, книга’.

Из вышесказанного становится очевидным, что при переводе анализируемого стиха Лютер создает причастие, не соответствующее значению оригинала. При этом сложное причастие, изобретенное, как представляется, самим реформатором (оно отсутствует в словарях средневерхне-немецкого языка), позволило ему сжато выразить необходимый смысл.

То же местоимение входит в состав причастия *zusammengerollt* ‘свернутый в трубку’ (у Лютера используется в словосочетании *zusammengerolltes Buch* ‘свернутая в трубку книга’): в тексте первоисточника присутствует словосочетание *βιβλίον ἐλίσσόμενον* причастием от глагола *ἐλίσσω* ‘кружить, сворачивать, наматывать’ [12, с. 513]. Как видно, в данном случае Лютер использовал для перевода причастного компонента словосочетания также причастную форму, как представляется, инновацию, поскольку эту форму не фиксируют словари средневерхне-немецкого языка.

При рассмотрении причастия *selbsterwählt* ‘самоизбранный’ (используется в словосочетании *selbsterwählte Geistlichkeit* – ‘самоизбранная духовность’) выяснилось, что в Textus Receptus ему соответствует сложное существительное *ἐθελόθρησκεία* ‘добровольное служение’ [12, с. 458], первый корень которого восходит к глаголу *ἐθέλω* ‘желать, хотеть’. Как представляется, в данном случае переводчику не удалось достичь компрессии смысла, поскольку существительное *θρησκεία* ‘богопочитание’ [12, с. 796], в тексте оригинала входящее в состав сложного слова, в лютеровском переводе нашло выражение в качестве отдельного слова.

Обратное наблюдается в случае сложного причастия *der Allerverachtetste* ‘презираемый всеми’, выполняющего функцию субстантивированного существительного, которое образовано местоимением *alle* в родительном падеже и причастием II *verachtet* ‘презираемый’. При этом, подобно прилагательному, эта форма стоит в превосходной степени, о чем свидетельствует суффикс – *ste*:

В Textus Receptus нет полного соответствия анализируемому причастию. Однако в нем присутствует причастие *ἐκλείπων* от глагола *ἐκλείπω* ‘оставлять, покидать, пренебрегать’ и местоимение *πᾶς* ‘всякий, каждый’ [13, с. 1268].

Таким образом, образованное Лютером сложное причастие *der Allerverachtetste* позволило имплицитно передать информацию исходного стиха. Вероятно, превосходная степень анализируемого причастия была образована реформатором для усиления экспрессии.

Есть также в тексте Библии Лютера два причастия, образованные по модели A+PII, т. е. первая их часть представлена прилагательным, вторая – причастием II. Данная модель насчитывает всего 2% от общего количества исследуемого явления в священном писании и представлена причастиями *weissagend* [1 Цар. 10,5] ‘предсказывающий, пророчествующий’ и *neugeboren* [Мф. 2, 2] ‘новорожденный’.

Лишь в одном из исторических словарей отражено причастие *wissagend* в значении ‘пророческий’ [11, с. 472]. При этом сложный глагол *weissagen* ‘предсказывать, пророчествовать; предвещать’ [15, с. 952] входит в словарь современного немецкого языка. В соответствующей позиции Textus Receptus присутствует причастная форма *προφητεύοντες* – ‘пророчествующий’, образован-

ная от глагола *προφητεύω* ‘пророчествовать, прорекать, предсказывать’ [1 Цар. 10, 5]. Очевидно, что рассматриваемое сложное причастие Лютера поместил в текст Библии в качестве эквивалента греческому причастию.

Также сложное причастие *neugeboren* появляется как соответствие греческому причастию *τεχθείς* ‘рождённый [Мф. 2, 2]’, имеющему простую структуру.

И здесь очевидно появление сложного слова именно в Библии Лютера. Данное предположение подкрепляет факт его отсутствия в словаре средневерхненемецкого языка. Как представляется, появление в переводе этих двух причастий убедительно демонстрирует тенденцию нововерхненемецкого языка к появлению сложных слов.

В результате анализа сложных причастий в Библии Лютера можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, сложные причастия являются хоть и зарождающимся, но достаточно продуктивным образованием, о чем свидетельствуют количественные данные. Самой продуктивной в данном священном писании является модель, первый компонент которой представлен существительным, она составляет 63% от общего количества извлеченных из текста сложных причастий. Второй по количеству извлеченных из текста сложнопричастных образований является группа, первый компонент которой представлен числительным. Данная группа составляет 24% от общего количества сложных причастий анализируемого текста. Весьма немногочисленными по количеству причастных единиц являются группы сложных причастий с первым компонентом – наречием (6%) и местоимением (5%). Самой немногочисленной группой сложных причастий в Библии Лютера является группа сложных причастий, первый компонент которой выражен прилагательным (2%). Несмотря на невысокую количественную представленность, причастия последних трех групп являются интересным для анализа материалом, поскольку большинство сложных слов данного типа впервые появляется именно у Лютера.

Список использованных источников

1. Breckle, H. E. Generative Satzsemantik u. Transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition / H. E. Breckle. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1976. – 220 s.
2. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1953. – 375 с.
3. Степанова, М. Д. Словосложение в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Д. Степанова. – Л., 1960. – 43 с.
4. Грушевая, И. С. Функционально-стилистические свойства сложнопричастных образований в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. С. Грушевая. – Минск, 1982. – 209 л.
5. Brinkmann, H. B. Die Zusammensetzung im Deutschen / H. B. Brinkmann. – In: Sprachforum, 1956. – 231 s.
6. Luther, M. Biblia / M. Luther // Die heilige Schrift. Text der unrevidierten Lutherbibel 1545 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enominopatris.com/biblia/biblia2/>. – Дата доступа: 08.01.2016.
7. Москальская, О. И. История немецкого языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / О. И. Москальская. – М.: Высш. школа, 1977. – 277 с.
8. Mittelhoch deutsches Wörterbuch* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mhdwb-online.de/wb.php>. – Дата доступа: 10.08.2015.
9. Mittelhoch deutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://woerterbuchnetz.de/NLexer>. – Дата доступа: 12.12.2015.
10. Beate, H. Kleines mittelhochdeutsches Wörterbuch / H. Beate. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. – 499 s.
11. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – Т. 1. – М.: ГИС, 1958. – 1043 с.
12. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – Т. 2. – М.: ГИС, 1958. – 860 с.
13. Thayer, J. H. Greek-english lexicon of the New Testament / J. H. Thayer. – New York, Cincinnati, Chicago: American Book Company, 1886. – 775 p.
14. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]; 3-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – 1038 с.
15. The Greek New Testament / K. Aland [et al.]; ed.: III. – Stuttgart: United Bible Societies, 1983. – 926 p.
16. Rahlfs, A. Septuaginta / A. Rahlfs. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. – 941 s.

References

1. Breckle H. E., Generative Satzsemantik u. Transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition, Wilhelm Fink Verlag, München, DE, 1976.
2. Stepanova M. D., Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo iazyka [Word-formation in Contemporary German], Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, Moscow, RU, 1953.

3. Stepanova M. D., “Compounding in Contemporary German”, Abstract of D. Sc. Dissertation, Germanic languages, Leningrad State University named after A.A. Zhdanov, Leningrad, RU, 1960.
4. Grushevaia I. S., “Functional and Stylistic Properties of Compound Participles in Contemporary German”, Ph.D. Thesis, Germanic languages, Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Minsk, BY, 1982.
5. Brinkmann H. B., “Die Zusammensetzung im Deutschen”, Sprachforum, Koln-Graz, DE, 1956/57, pp. 222–231.
6. Luther M., “Biblia, Die heilige Schrift. Text der unrevidierten Lutherbibel 1545”, available at: <http://enominepatris.com/biblia/biblia2/>, (Accessed 08.01.2016).
7. Moskal'skaia O. I., Istoriiia nemetskogo iazyka : uchebnik dlia in-tov i fak. inostr. iaz. [A History of German: A Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages], High school, Moscow, RU, 1977.
8. “Mittelhochdeutsches Wörterbuch”, available at: <http://www.mhdwb-online.de/wb.php>, (Accessed 10.08.2015).
9. “Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer”, available at: <http://woerterbuchnetz.de/NLexer>, (Accessed 12.12.2015).
10. Beate H., Kleines mittelhochdeutsches Wörterbuch, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, DE, 2007.
11. Dvoret'skii I. Kh., Drevnegrechesko-russkii slovar', T. 1 [Ancient Greek-Russian Dictionary, Vol. 1], GIS, Moscow, RU, 1958.
12. Dvoret'skii I. Kh., Drevnegrechesko-russkii slovar', T. 2 [Ancient Greek-Russian Dictionary, Vol. 2], GIS, Moscow, RU, 1958.
13. Thayer J. H., Greek-english lexicon of the New Testament, American Book Company, New York, Cincinnati, Chicago, US, 1886.
14. Lein K., Mal'tseva D. G., Bol'shoi nemetsko-russkii slovar' [Large German-Russian Dictionary], 13nd ed., Russkii Iazyk – Media, Moscow, RU, 2006.
15. Aland K., Black A., Martini C. M., Metzger B. M., Wikgren A. (ed.), The Greek New Testament, 3rd ed., United Bible Societies, Stuttgart, DE, 1983.
16. Rahlfs A., Septuaginta, Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, DE, 1979.

Информация об авторе

Лобанова Татьяна Сергеевна – преподаватель немецкого языка. Белорусский государственный университет (ул. Карла Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Werdegang@mail.ru.

Information about the author

Lobanova Tatyana Sergeevna, Teacher of German, Belarusian State University (31 Karl Marx Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Werdegang@mail.ru.

Для цитирования

Лобанова, Т. С. Сложнопричастные образования в Библии Лютера / Т. С. Лобанова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 60–65.

For citation

Lobanova T. S. Compound Participles in the Luther Bible. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no.2, pp. 60–65.

А. І. Копач

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

СЕМІЯТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ТАПОНІМАЎ: СІГМАТЫКА-ПРАГМАТЫЧНЫ ПОГЛЯД

Обоснована возможность изучения собственных имен с позиций сигматики – одного из аспектов плана содержания знака. Показана несводимость топонимов к одному четко заданному месту в семиотической классификации: исследователь может определить их символические, индексальные и иконические свойства. Причем рассмотрение топонимов как знаков-икон в приложении к именам разных видов объектов способно придать исследованию эксплаторный характер. Этапы изучения разных аспектов топонима (синтактика, семантика, прагматика) в целом повторяют этапы изучения слов общей лексики. Синтактика – простой, «осязаемый», а потому наиболее изученный аспект топонима. Семантика топонима оказывается условной (изучается семантика основ) в связи с наличием в структуре топонима компонента уникальности, который не позволяет ему выражать понятие. В связи с поворотом науки к антропоцентризму в современной топонимике возникает новое направление, ориентированное на прагматику. На постсоветском пространстве оно исходит из необходимости изучать этнокультурные смыслы, которые стоят за элементами топонимов. Автор статьи предлагает при выявлении роли фактора человека исходить также из свойств объектов восприятия и их важности для людей в качестве ориентиров в пространстве, т. е. из сигматических характеристик. В результате выделяются четыре категоризационных шаблона, которые отражают как ключевые смыслы, представленные в топонимах, так и конструктивный характер построения системы имен.

Ключевые слова: топоним, семиотика, синтактика, семантика, прагматика, сигматика, представление об объекте, категориальное представление об объекте и его признаках.

A. I. Kopach

Belarusian State University, Minsk, Belarus

SEMIOTIC PECULIARITIES OF PLACE NAMES: A SIGMATIC AND PRAGMATIC VIEW

The article substantiates the possibility of studying place names from the viewpoint of sigmatics, an aspect of the content plane of a sign. The irreducibility of place names to one clearly specified place in semiotic classification is displayed: the researcher can define their symbolic, indexical, and iconic characteristics. Exploring toponyms as icons in application to names of various types of objects can put the study on the explanatory track. The stages of studying various aspects of place names (syntactics, semantics, and pragmatics) generally repeat the stages of studying common names. Syntactics is a simple, “tangible,” and therefore the most studied aspect of a place name. The semantics of a place name appears to be conditional (stem semantics is explored) due to a unique component found in the structure of a toponym. This component prevents the place name from expressing a concept. Turning to anthropocentrism in science gave rise to a new trend in modern place names studies. The trend is focused on pragmatics. In the post-Soviet region, it is based on the need to explore ethnic and cultural meanings behind place name elements. The author proposes that, when detecting the role of the human factor, sigmatic properties should also be taken into account: properties of the perceived objects and their importance for people as reference points in spatial cognition. As a result, four categorization frames are distinguished which reflect both key senses reflected in place names, and the constructive character of creating the system of names.

Keywords: place name (toponym), semiotics, syntactics, semantics, pragmatics, sigmatics, idea of an object, categorical idea of an object and its characteristics.

Уводзіны. З мноства лінгвістычных знакаў, якія выкарыстоўваюцца ў соцыуме, імёны ўласныя належаць да той групы, якая нярэдка прылічаецца да непаўнавартасных. Калі ўласныя імёны і складалі аб’ект пільнай навуковай увагі з боку семіётыкі, то часцей за ўсё як знакі, якія сведчаць аб міфалагічным характары сувязі адзінкавых аб’ектаў з свядомасцю суб’екта [1, с. 61; 2, с. 110]. Ю. М. Лотман, у прыватнасці, адзначае, што ўласныя імёны – гэта «інкарпараваная ў тоўшчу натуральнай мовы некаторая іншая, інакш уладкаваная мова» [1, с. 62]. Такі падыход аўтаматычна накіроўвае ўсе онімы ў групу імёнаў з немагчымай сувяззю азначаючага і азначальнага, або знакаў-сімвалаў, паводле тэрміналогіі Ч. С. Пірса. Ён, аднак, не здымае шэраг пытанняў, якія тычацца прычын з’яўлення імёнаў, у прыватнасці тапонімаў. Ды і ў цэлым, звязанне ўсіх знакаў толькі да сімвалаў не спрыяе іх тлумачэнню.

Як быццам «за кадрам» застаюцца запэўніванні логікаў і філосафаў мовы (Г. Фрэге, Б. Расэла, Д. Рудэнка і інш.), якія сцвярджаюць: «Няма падстаў думаць, што падчас выкарыстання ўласных імёнаў мы “адключаем” свядомасць» [3, с. 63 і інш.]. У гэтым жа кантэксце варта прывесці словы А. К. Матвеева: «адрыў уласных імёнаў ад апелятываў зусім бесперспектыўны як навуковы прынцып» [4, с. 20].

Думаецца, што прадузятасць думкі аб міфалагічнасці ўсіх уласных імёнаў абумоўлена тым фактам, які ўжо адзначаўся А. Л. Беразовіч, – «эталонным падыходам» першых анамастаў, які задаў каштоўнасца стаўленне толькі да асобных класаў (назваў самых буйных аб'ектаў і імёнаў людзей) і мікрасістэм анімічнай лексікі [5, с. 41]. Відаць, толькі гэтым можна патлумачыць тое, што ў якасці прыкладаў, якія дазваляюць заўважыць міфалагічную сувязь імені з аб'ектам, звычайна бяруцца антрапонімы або назвы самых буйных, кансерватыўных аб'ектаў мясцовасці. «Я нічога не ведаю пра чалавека, калі я ведаю толькі тое, што яго завуць Якавам» – гэта фраза, якая стала класічным «доказам ад марксізму» няздольнасці онімаў абагульняць. Вынікам з'явіліся ўказанні лінгвістаў, у прыватнасці А. А. Уфімцавай, якая «пакарала» ўласнае імя далучэннем да ліку «дэфектыўных» [6, с. 42].

Незаўважаным у галіне тапанімнай лексікі засталася тое, што 1) мікратапонімы пэўнай мясцовасці па сваім колькасным складзе нашмат пераўзыходзяць любыя макратапонімы [5, с. 43], у той жа час мікратапонімы нашмат радзей страчваюць матываванасць у працэсе функцыянавання на мясцовасці; іх інфармацыйная каштоўнасць вышэй, чым у імёнаў буйных аб'ектаў [7, с. 30], а таму яны захоўваюць магчымасць быць інтэрпрэтаванымі; 2) у апелятыўнай лексіцы таксама існуе шэраг нематываваных адзінак з пункта гледжання сучаснага стану мовы; 3) словаўтварэнне ўяўляе сабой той прамежкавы пласт адзінак, які патэнцыяльна можа быць вывучаны не толькі з пазіцый лексікалогіі, але таксама з пункта гледжання сінтаксісу, прычым як фармальнага, так і актуальнага.

За гісторыка-генетычнымі пошукамі першых тапанімістаў, што ўстанаўліваюць моўную прыналежнасць даных асобных словаўтваральных гнёздаў, і працамі структуралістаў, якія не маюць выхаду на знешні свет і спрабуюць даказаць асаблівы статус анамастыкі праз пошук спецыялізаваных суфіксаў і прэфіксаў «незалежнай» аніміі, павінен быць надасці этап сінтэзу назапашанага матэрыялу. Гэты этап не мог не звярнуцца да папулярнай у наш час ідэі тлумачэння асаблівасцей лексікі праз аналіз прагматыкі моўных адзінак. Не менш падстаў ёсць для таго, каб звярнуцца да сігматычных асаблівасцей уласных імёнаў геаграфічных аб'ектаў.

Мэта нашай працы – абгрунтаваць магчымасць вывучэння ўласных імёнаў з пазіцый чацвёртага вымярэння знака – яго сігматыкі. *Дасягненне* пастаўленай мэты патрабуе рашэння наступных задач: 1) вызначэння індэксальных, іканічных і сімвалічных асаблівасцей тапонімаў, адбор і аналіз тых асаблівасцей, якія дазваляюць растлумачыць з функцыянальных пазіцый працу сістэмы гэтых імёнаў; 2) апісання гісторыі вывучэння семіятычных вымярэнняў тапонімаў – сінтактыкі, семантыкі, прагматыкі; 3) прапанавання скласці схему сігматыка-прагматычнага падыходу да тапонімаў.

Асноўная частка. Пільная ўвага, якая надаецца тапонімам і, увогуле, уласным імёнам не толькі лінгвістамі, але таксама логікамі, філосафамі, географамі, гісторыкамі, не магла не адбіцца на колькасці матэрыялу, уцягнутага ў абарот гэтага раздзела навукі пра мову. Тапаніміка не скардзіцца на адсутнасць матэрыялу і статыстычных падлікаў. У сучаснай навуцы аб уласных імёнах найбольшую складанасць уяўляе малая колькасць работ тэарэтычнага плана [5, с. 40], прычым працягваюцца пошук і апрацоўка без таго шырокага комплексу новых імёнаў. Неабходнасць філасофскага асэнсавання існуючых у анамастыцы фактычных даных адзначае Д. І. Рудэнка: «Неабходна не мадыфікаваць дэфініцыі, а ўдакладніць агульны падыход да ўласных імёнаў» [3, с. 58].

За сінтэзам назапашанага матэрыялу можа прыйсці ўсведамленне таго, што тапонімы – гэта таксама паўнаwartасныя знакі мовы. Вось толькі якія? Нават заснавальнік семіётыкі Чарльз Сандэрс Пірс не здолеў прывесці прыклад чыстага індэкса [8, с. 96] і адзначаў, што ў ідэальных знаках «іканічная, індэксальная, сімвалічная прыметы змяшаныя па магчымасці ў роўных адносінах» [9, с. 106].

Разам з тым сам Пірс спасылаўся на традыцыйна індэксальную, прычынную прыроду ўласных імёнаў: «Іх, верагодна, варта разглядаць як Індэксы, паколькі толькі сапраўдная сувязь інстанцый адных і тых жа тыповых слоў з іх Аб'ектамі становіцца прычынай інтэрпрэтацыі гэтых тыповых слоў як тых, што дэнатууюць дадзеныя Аб'екты» [10, с. 243]. Сапраўды, па традыцыі імёны ўласныя лічацца знакамі намінатыўнымі, якія не характарызуюць, а толькі паказваюць на аб'ект, адсылаюць да яго [11, с. 62 і інш.]. Дадзенае разуменне сутнасці імёнаў ідзе ад Дж. С. Міля [12, с. 979]. Ва ўмовах міжасобнага абмену знакамі, як правільна заўважыў Карл Бюлер, менавіта такая рэдукцыя кагнітыўнага зместу дазваляе людзям бесперашкодна скараціць ступень індывідуальнай свабоды і мець зносіны [13, с. 211–212].

Зрэшты, той жа К. Бюлер звярнуў увагу на тое, што падыход Э. Гусэрля, які разглядаў імёны ў інтэлектуальных актах, а не ва ўмовах міжасобных зносін, не менш варта ўвагі, чым падыход Дж. С. Міля: «Гаворка ідзе пра дзве праграмы, рэалізаваныя з прываблівай паслядоўнасцю. Ці варта адразу ж што-небудзь адпрэчваць?» [13, с. 211–212]. Мяркуем, што не варта. Інтэрэс лінгвістаў канца XX – пачатку XXI стагоддзя да кагнітыўных уласцівасцей мовы спарадзіў натуральную цікавасць да альтэрнатыўнага пункта гледжання.

Указанне на індэксальную прыроду ўласных імёнаў не вычэрпвае ні своеасаблівае анімаў, ні спектра магчымых характарыстык гэтых знакаў. Большасць традыцыйных работ сведчыць аб тэндэнцыі да страты матываванасці, г.зн. «павышанай цяжэ да сімвалічнасці» [14, с. 108], што выяўляецца ў тапонімах. Так, паводле падлікаў В. А. Жучкевіча, сярод назваў рэк толькі 23% атрымалі больш-менш дакладную інтэрпрэтацыю, а азёры маюць празрыстыя сувязі з іншымі словамі ў 28% выпадкаў [15, с. 10]. Бясспрэчна, значная частка назваў самых буйных натуральных аб'ектаў (рэк, азёр) цяпер можа разглядацца як умоўныя знакі (сімвалы, паводле тэрміналогіі Ч. С. Пірса), але зводзіць «жывую» да гэтага часу працу тапасістэмы да «прыляплення ярлыкоў», як гэта рабіў Дж. С. Міль, мабыць, не варта. Тым больш, што Ч. С. Пірс у сваіх «Пралегоменах да апалогіі прагматызму» паспеў адзначыць адсутнасць экспланаторных патэнцый сімвалаў [10, с. 223]. Умоўны характар сувязі знакаў не дазваляе ім быць інтэрпрэтаванымі. Гэта пагадненне паміж камунікантамі, звычка, якую варта запомніць, а не зразумець.

Як адзначаў Ч. С. Пірс, «для развагі асабліва неабходныя іконы» [10, с. 224]. Невыпадкова ў ліку прыныцаў кагнітыўнай лінгвістыкі, якая арыентуецца на інтэрпрэтацыйныя магчымасці моўных мадэляў, першым ідзе прыныца іканічнасці [16, с. 76]: «патрэбнасць ужыць іконы ўзнікае, галоўным чынам, тады, калі варта паказаць Формы сінтэзу элементаў думкі» [10, с. 243]. Паняцце іконы ў пірсаўскім разуменні рэанімавала магчымасць уключыць у план зместу знака і элемент прадстаўлення аб аб'екце, які не мог не адбіцца ў мове як самым дакладным сродку перадачы інфармацыі. Заклік да ўліку ролі вобразнага кампанента пры даследаванні намінацый быў зроблены ў савецкім мовазнаўстве арлоўскім анамасіёлагам С. Ф. Іларыёнавым: «Сустрэўшыся з яшчэ не названым прадметам або прадметам, які патрабуе новай назвы, чалавечая свядомасць у першую чаргу ўключае ўяўленне аб ім у сістэму вобразнай памяці і толькі на наступным этапе, аналізуючы гэты вобраз, супастаўляючы яго з іншымі, падобнымі да яго, выпрацоўвае паняцце, сінтаксічна аб'ектывуючы яго ў форме апісання» [17, с. 103].

У сучасным тапаніміконе метафарычныя адзінкі сустракаюцца ў найменнях геаграфічных аб'ектаў вельмі рэдка, спарадычна [18, с. 90]. Да таго ж нават у бясспрэчных, на першы погляд, метафарычных назвах матывацыі тапонімаў кшталту пожня *Каўрыга* «інфарманты даюць не як несумненныя, а як імаверныя» [14, с. 108]. Разам з тым чалавек не можа не выказваць свайго стаўлення да розных аб'ектаў свету і не заўважаць падабенства ў адных і тых жа аб'ектах. Вобразнасць асноўнай часткі сучасных найменняў непрыкметна толькі таму, што яны перастаюць быць моўнымі метафарамі, застаючыся метафарамі кагнітыўнымі. Падабенства перамяшчаецца з зоны непасрэднага адлюстравання аб'екта ў слове (назвы балот бел. *Жарнавок*, англ. *Little Hell*) у галіну схематызацый, фрэймаў і г. д. Рознае стаўленне да рэалій свету ў чалавека непрыкметна ў адзінкавых прыкладах, але пры масавым супастаўленні імёнаў становіцца відавочным. Сучасныя іканічныя знакі ў тапаніміі – гэта іконы-дыяграмы, а не іконы-вобразы.

Іканічнасць у тапонімах лёгка выявіць. У працах тапанімістаў-структуралістаў не аднойчы адзначалася, што імя ўласнае імкнецца адарвацца ад апелятыва, які яго матываваў. Звычайна ў гэтым выпадку дадаецца тапафармант, прычым ён можа быць не толькі словаўтваральнай марфемай, але таксама складанай часткай слова, якая ў агульных імёнах адносіцца да ліку словазмяняльных. Род тапоніма не абавязкова суадносіцца з родам наменклатурнага тэрміна (балота *Бярозавік*, рака *Неман* і інш.), а форма множнага ліку звычайна не сведчыць аб рэальнай множнасці аб'ектаў (населеныя пункты *Калінкавічы*, *Хойнікі* і інш.). Часта марфалагічныя паказчыкі з'яўляюцца толькі дэрывацыйнымі марфемамі [19, с. 76 і інш.]. Пра гэта сведчыць і такі папулярны ў беларускіх назвах спосаб онімаўтварэння, як плюралізацыя: мост > балота *Масты*, і флектывізацыя, якая адзначаецца ў некаторых імёнах: р. *Волга* > воз. *Волго*. Такім чынам, граматычнае структураванне ў тапонімах ажыццяўляюць, па сутнасці, толькі марфемы-дэрыватары, а само з'яўленне словаўтваральнага сродку (у тым ліку флексіі ва ўласных імёнах) сведчыць пра асаблівую ўвагу да дадзенага аб'екта, пра жаданне адмежаваць яго ад зыходнага наймення, пры дапамозе матэрыяльных сродкаў пазбавіцца ад «тапанімнай аманіміі».

Красамоўным сведчаннем іканічнасці тапаніміі з'яўляюцца таксама выпадкі, калі ўласныя імёны ўтвараюцца ад іншых уласных імёнаў пры дапамозе матэрыяльных пашыральных асновы – марфем і слоў: вёска *Талынава* > балота *Талынаўскі Мох* і інш. У вытворных словах ва ўсіх падобных выпадках будзе мінімум на адну марфему больш, чым у тых, ад якіх словы ўтварыліся. Такім чынам, у пэўным сэнсе такая суаднесенасць будзе паўтараць адносіны паміж аб'ектамі, тыя адносіны, якія ўяўляюцца суб'екту пазнання актуальнымі ў дадзены момант. Як правіла, элемент макраўзроўню (моцны разрад) дубліруецца на мікраўзроўні (слабы разрад) [5, с. 44; 20, с. 59], г. зн. мінімум на адну словаўтваральную марфему будзе больш у назвах мікрааб'ектаў.

Да ліку вытворных тапаніменных адзінак належаць і семантычныя дэрываты, у якіх не адбываецца дабаўленне матэрыяльна выражанага фарманта. Аднак калі звярнуць увагу на ўзаемадзеянне такіх адзінак у межах цэласнай сістэмы імёнаў пэўнай мясцовасці, то можна заўважыць, што менш буйныя і менш устойлівыя аб'екты надзяляюцца такімі імёнамі значна часцей, чым аб'екты буйныя і ўстойлівыя. Мікрааб'екты з'яўляюцца і знікаюць (зарастаюць, высыхаюць ці, наадварот, запаўняюцца вадой, калі казаць аб водных аб'ектах), за імі чалавечаму воку ўсачыць больш складана, чым за макрааб'ектамі. Ландшафт, змяняючыся, не заўсёды аказваецца дакладна адлюстраваным у моўных знаках з прычыны высокай дынамікі змяненняў у навакольнай рэчаіснасці (варыянт: чалавек не хоча змяняць звычак і называе ранейшым імем нават тыя аб'екты, якія перарадзіліся) альбо мікрааб'ект уяўляецца чалавеку менш прыкметным, а таму і менш значным арыенцірам. У апошнім выпадку ў імені адлюстроўваецца не сам аб'ект, а яго акружэнне: *Каменны Лог* як назва балота.

З чатырох аспектаў вывучэння знакаў – сінтактыка, семантыка, прагматыка, сігматыка – у тапаніменных даследаваннях да нядаўняга часу выкарыстоўваўся, па вялікім рахунку, толькі першы. Гэта лёгка растлумачыць: «Развіваць сінтактыку прасцей ... чым апісваць аб'екты ўна існуючыя сітуацыі, у якіх ужываюцца тыя ці іншыя знакі, або апісваць тое, што адбываецца ў інтэрпрэтацыі, калі функцыянуе знак» [21, с. 50].

З першых крокаў тапаніміка разглядалася як галіна мовазнаўства, для якой важна аддзяліць тапафармант ад тапаасновы. Увага даследчыкаў да фармальнага боку тапазнака на пачатковым этапе развіцця навукі аб геаграфічных імёнах цалкам абгрунтавана: «Перш чым прыступіць да сістэматызацыі змястоўных структур мовы, неабходна валодаць сістэматычнымі апісаннямі яго фармальных структур» [22, с. 113]. Аднак у тапаніміцы, ды і ў анамастыцы ў цэлым, перыяд толькі фармальных пошукаў быў залішне зацяжым. Да таго ж лінгвістычныя вынікі тапанімічных даследаванняў часта выкарыстоўваліся толькі як дапаможныя. Знаходзячыся пад уплывам ідэі аб трыадзінстве тапанімікі [23, с. 6 і інш.], анамасты абвясцілі суфікс «пазначаным атамам» [24, с. 83], здольным тлумачыць гістарычныя перамяшчэнні народаў. Роля асновы, на іх думку, заключаецца ў адрозненні онімаў у межах шэрага імёнаў (гэта і ёсць функцыя тапоніма!), але з прычыны частай дээтымалагізацыі асновы – асабліва ў субстратных імёнах – яе назвалі менш значнай для навукі. В. А. Жучкевіч адзначае: «Корань, суфікс, прыстаўка, канчатак у шэрагу тапонімаў незразумелага сэнсавага значэння цяжка вылучыць і вызначыць. У гэтых выпадках даводзіцца абмяжоўвацца размеркаваннем тапонімаў па фармантах, разумеючы пад апошнімі тыповыя словы, якія паўтараюцца ад назвы да назвы, падобныя

па форме і гучанню, дзе фармант можа апынуцца або іншамоўным тэрмінам, або спалучэннем каранёвай часткі і рускага канчатка, або, нарэшце, іншамоўным суфіксам» [25, с. 94]. Знакаваць такой адзінкі, як тапонім пры падобным разуменні адыходзіць на задні план, а то і папросту здымаецца (галоўнае не тапазнак, а лакалізацыя тапафарманта). Акрамя таго, пры безмястоўным вывучэнні тапаніміі выявіўся яшчэ адзін заган – перагружанасць тапанімічных работ лічбамі і працэнтамі [26, с. 4]. А. К. Матвееў падвёў несущыя вынік: «Развіваючыся па такім шляху, тапанамастыка хутка вычарпае свае магчымасці з прычыны абмежаванасці праблематыкі» [26, с. 4].

Сінтактыка – самая распрацаваная частка тапанімічных даследаванняў. Па словах Ч. Морыса, «паспяховае развіццё семантыкі прадугледжвае адносна высока развітую сінтактыку» [21, с. 55]. Аднак у дачыненні да онімаў, як мы ўжо адзначалі, нельга казаць аб іх семантычнай напоўненасці ў літаральным сэнсе слова. Пераважная цікаваць тапанімістаў да сінтактыкі абумоўлена, у першую чаргу, тым відавочным фактам, што ўласныя імёны значна часцей, чым агульныя імёны, страчваюць унутраную форму. Таксама відавочна тое, што абавязковы кампанент адзінкаваасці і ўнікальнасці, які прысутнічае ў кожным уласным імені, не дазваляе яму «абзавесціся» паняццёвым, узуальным значэннем. Таму звычайна лінгвісты кажуць не аб семантыцы ўласных імёнаў, а аб семантыцы іх асноў. Апошняя даволі часта аказваецца непразрытай, асабліва ў імёнах буйных і найбольш старажытных аб'ектаў.

Зараз прагматыка – галіна семіётыкі, якая даследуе стаўленне суб'екта (чалавека) да знака – гэта зона актыўнага выкарыстання лінгвістамі-тапанімістамі, аднак многія пытанні патрабуюць удакладнення.

Першымі даследчыкамі найменняў адзінкавых аб'ектаў з пункта гледжання значнасці для чалавека пэўнай культуры – А. Л. Беразовіч, М. Э. Рут (а следам за імі і іншымі рускімі даследчыкамі) – было прапанавана разуменне імёнаў як рэпрэзэнтантаў канкрэтна-пачуццёвых уяўленняў пэўнага этнасу аб рэчаіснасці: «Закладзеная ў назве прымета прадмета адлюстроўвае найбольш устойлівае ў свядомасці носьбіта мовы ўяўленне аб аб'екце, прычым не толькі якое склалася да назвы, але і зацверджанае ў свядомасці самім фактам існавання матываванага слова» [27, с. 34]. Гаворка тут ідзе пра канцэптуальнасць уласнага імені, энцыклапедычнасць яго значэння. Пры падобным падыходзе захоўваецца цікаваць да матывацыі імені, спроб яе растлумачыць уяўленнямі аб свеце, культурай пэўнага народа. Аднак узнікае ўражанне дэжавю. Па сутнасці, такая трактоўка нагадвае ланцужок намінаўнага працэсу, які даваўся ў артыкуле Н. В. Аўчар [28, с. 61]: аб'ект у сукупнасці ўласцівасцей і якасцей > уяўленне чалавека аб прымеце/прыметах аб'екта > матэрыялізацыя ўяўленняў у мове.

А. Л. Беразовіч разглядае вынікі дзейнасці аналізатараў чалавека, яго адчуванне аб'екта і самога сябе адносна гэтых аб'ектаў. Як вынік, мы бачым цэлую серыю параметраў, якія ўлічваюць (і вельмі дэтальна) экстралінгвістычнае акружэнне тапоніма: па праяўленасці/імплікаванасці суб'екта назірання, па накіраванасці арыентацыі, па каардынуючым механізме, па аб'ёме ахопу тэрыторыі, па характары счাপлення элементаў прасторавай карціны свету, па задзейнічанні прасторавай гарызанталі/вертыкалі і г. д. [29, с. 16–18]. Усе тапонімы вывучаюцца як такія, што належаць да аднаго класа. Незразумела, за кошт чаго сістэме атрымоўваецца функцыянаваць, не распадаючыся на асобныя складаныя часткі. Не ў кожным тапанімічным знаку можна сустрэць, скажам, такі параметр, як дробнасць успрымання прасторы. Незразумела, якім чынам тое, што было адзначана ў асобных знаках, звязана з астатнімі знакамі, складнікамі сістэмы або падсістэмы. Характарызуецца хутчэй чалавек пэўнай культуры і параметры яго статычнага ўспрымання прасторы наогул, чым сувязь чалавека, тапааб'ектаў розных відаў і мовы ў працэсе пазнання.

Прывядзем яшчэ адну цытату, якая дэманструе пазіцыю тапанімістаў гэтага напрамку: «Малюючы, мастак прадумвае сюжэт, выбудоўвае кампазіцыю, змешвае фарбы, падкрэслівае тыя ці іншыя дэталі, дамагаецца эфекту рознай асветленасці, каб выказаць сваё стаўленне да прадмета, які адлюстроўваецца. Менавіта такім “мастаком” з'яўляецца носьбіт мовы, адначасова адлюстроўваючы ў намінаўных адзінках сваё стаўленне і да з'явы, якая называецца, і да з'явы, якая пазначаецца яго матывавальным... На змену фіксацыі тых ці іншых рыс аб'екта прыходзіць інтэрпрэтацыя. Носьбіт мовы з рэаліста ператвараецца ў імпрэсіяніста, адлюстроўваючы сваё ўражанне ад рэаліі» [27, с. 35].

На наш погляд, такі пункт гледжання не суадносіцца з традыцыйным пазнавальным ланцужком: ад жывога сузірання да абстрактнага мыслення і ад яго да практыкі. Калі чалавек спачатку прадумвае сюжэт, а толькі потым пачынае да яго неяк ставіцца, то атрымліваецца, што пачуцці з'яўляюцца ў яго пазней розуму. На нашу думку, пры стварэнні назвы чалавек пачынае, хутчэй, як імпрэсіяніст і толькі затым – паступова – рухаецца да рэальнай абмалёўкі кожнай канкрэтнай дэталі сустрэтага аб'екта або з'явы. Што тычыцца асобных дэталей, якія заўважаюцца чалавекам і кладуцца ў аснову тапонімаў, то варта звярнуць увагу на першапачатковую сузіральнасць чалавека: ён спачатку звяртае ўвагу на рэчы, якія аказваюцца ў большай ступені патрэбнымі яму, а разуменне важнасці аб'екта прыходзіць як вынік частых сустрэч з ім. Дэталі тут, як нам уяўляецца, менш важныя, чым агульны погляд.

На нашу думку, культурацэнтрычны (а таму, несумненна, звязаны з прагматыкай) падыход можа разглядацца толькі як адзін з двух асноўных шляхоў вывучэння чалавечага ўспрымання аб'ектаў: 1) вывучэнне характарыстык вобраза; 2) вывучэнне самога механізма ўспрымання [30]. Па словах французскага псіхалага Жана Піяжэ, «веданне – гэта не вынік чыстага ўспрымання, паколькі ўспрыманне заўсёды накіроўваецца і абмяжоўваецца схемамі дзеяння. Пазнанне пачынаецца з дзеяння, а ўсякае дзеянне паўтараецца або абагульняецца (генералізуецца)» [31, с. 61]. Такім чынам, іншым кірункам вывучэння сэнсавага патэнцыялу тапонімаў павінен стаць пошук механізма ўспрымання тапааб'ектаў розных класаў, выяўленне генералізуючых схем, па якіх ажыццяўляецца надзяленне адзінкавага аб'екта імем.

Калі заставацца на ўзроўні пошуку асобных прымет аб'ектаў і ўяўленняў народа аб іх, то можна сабраць сукупнасць усіх уласцівасцей аб'ектаў, але не атрымаць цэласных вобразаў кожнага з відаў аб'ектаў. Наўрад ці чалавек ставіцца аднолькава да рэк, азёр ці балот, да лясоў ці раўнін. Па словах Ч. С. Пірса, «кропкай, ад якой бярэ пачатак усякае лагічнае разважанне, з'яўляюцца не пачуццёвыя ўражанні, але аб'екты ўспрымання» [10, с. 298].

Мы таксама мяркуем, што чалавек аналізуе перш за ўсё не прыметы, а аб'екты/з'явы. Падыход ад аб'екта дазваляе задзейнічаць у тапанімным даследаванні апошні з чатырох аспектаў плана зместу знака – сігматычны, або дэнататыўны. Разам з тым не падлягае сумненню, што выбар аб'екта намінацыі і надзяленне яго імем залежыць ад значнасці аб'екта для суб'екта. У тапаніміцы важнасць аб'екта ўспрымання (а не прыметы) даказваецца тым, што ў большасці выпадкаў уласныя імёны з'яўляюцца субстантывамі. У славянскай «сінтэтычнай» тапаніміі гэта заўважаецца асабліва добра, бо субстантыватар там звычайна згортваецца ў афіксальны фармант: азёры *Глыбачка, Чамярыца, Бярнова, Уклейна, Езярышча, Янкішкі*, балоты *Палонка, Журбіца, Амеліна, Брусова, Бродна, Лядзішча, Солішкі* і інш. Вельмі невялікая колькасць адзінак прадстаўлена ў форме прыметніка, ды і тыя, па вялікім рахунку, часцей фіксуюцца побач з неэліпсаванымі тапанімнымі спалучэннямі, г.зн. геаграфічныя апелятыў звычайна маецца на ўвазе: *Сарочынскае, Кузьмінскае, Буслаў Барок, Дзегцеў Луг* і г. д. Тапанімісты і анамасіёлагі таксама заўважаюць: шлях намінацыі ляжыць ад апісальных канструкцый да аднаслоўных адзінак [32, с. 94]. Наўрад ці намінацыя аб'екта спалучэннем слоў магла пачынацца з больш абстрактнай, чым прадмет, прыметы; тым больш, што гэта была прымета канкрэтнага аб'екта.

Таму, верагодна, у схему намінатыўнай дзейнасці суб'екта варта ўключыць уяўленне аб аб'екце ў цэлым (гл. схему Н. Аўчар [28, с. 61]). Акрамя таго, увядзенне ў мадэль новага кампанента выклікае пытанне аб узаемадзеянні традыцыйнага для тапанімікі ўяўлення аб прымеце і прапанаванага намі ўяўлення аб аб'екце, г. зн. аб катэгарыйным узаемадзеянні двух кампанентаў.

Такім чынам, неабходна пераўтварыць саму схему аналізу намінатыўнага працэсу ў тапаніміі: аб'ект у сукупнасці ўласцівасцей і якасцей > уяўленне аб аб'екце ў цэлым > уяўленне аб прымеце/прыметах аб'екта > катэгарыяльнае ўяўленне аб аб'екце і яго прыметах > матэрыялізацыя ўяўленняў у мове.

На нашу думку, тапаніміка з пазіцыі сігматыкі – гэта паказ таго, якім чынам прырода і значнасць аб'екта для чалавека прымушае выпрацаваць звычкі разглядаць пэўны род аб'ектаў пад тым ці іншым пунктам гледжання (ментальныя рэпрэзентацыі) і абазначыць аб'екты розных падсістэм рознымі семіятычнымі структурамі: «два суб'екты могуць толькі разглядацца як падобныя – калі ў розуме яны параўноўваюцца і зводзяцца разам» [10, с. 28].

Калі ўзяць на ўзбраенне анамасіялагічную ідэю, г. зн. пайсці ад прадметаў да іх матэрыяльнага адлюстравання ў мове, то замест адзінай тапанімнай сеткі мы атрымаем цэлы шэраг узаемазвязаных і перасякальных сетак, якія накладваюцца адна на адну – звышскладаную сістэму, у падсістэмах якой можна выявіць і падобныя працэсы, і розную колькасную прадстаўленасць гэтых працэсаў. Суаднясенне заканамернасцей каварыяцыі назіраемых моўных з’яў і прадметнага рада, адлюстраванага ў свядомасці суб’екта, можа саслужыць добрую службу як семіётыцы, так і тэорыі намінацыі.

Веданне словаўтваральнай матывацыі – гэта толькі веданне знешняе, даступнае пры прамым назіранні ў кожным канкрэтным імені паасобку. Гэта веданне аб нашым успрыманні асобных элементаў, але не веданне аб тым, як яно ўпарадкаўваецца і дзякуючы чаму сістэма паспяхова функцыянуе. Назіранне за дзейнасцю чалавека дэманструе пакрокавую і павольную выпрацоўку асноўных шаблонаў для стварэння гатовых новых формаў імёнаў. Пры гэтым усе ўяўленні аб канкрэтным аб’екце непазбежна спрашчаюцца. Таму, як мы лічым, можна казаць аб двух відах канцэптаў: 1) кантэкстуальным/пачуццёвым-канкрэтным, дзе важнай будзе любая канкрэтная дэталі для стварэння адзінага вобраза; 2) праксічным, дзе прагматычныя фактары шукаюцца толькі ў межах знака і суадносяцца з функцыяй, якую знак адыгрывае ў грамадстве, і стаўленнем чалавека да імёнаў як больш ці менш значных арыенціраў. Калі першы з канцэптаў можна разглядаць як неўпарадкаваную сукупнасць пачуццёвых звестак аб аб’екце свету, то другі варта разумець як вопыт чалавека, здольнага ўжываць гатовыя і з улікам умоў акружэння аб’екта ствараць новыя катэгарызацыйныя шаблоны для класіфікацыі і намінацыі асобных з’яў рэальнасці.

Ступені ўспрымання аб’ектаў як арыенціраў у прасторы, калі ўзяць пад увагу прагматыку імёнаў у звязку з іх сігматычнымі асаблівасцямі, будуць адлюстраваны ў чатырох наступных катэгарызацыйных шаблонах.

1. **Трансляцыя акружэння** як паказчык «тапанімічнай слепаты» да аб’екта ці да змен, якія з ім адбыліся: *Свая Пушча* (балота), *Белае балота* (лес), *Сямчонкаў хутар* (поле), *Чэрнікаў лес* (сенажаць).

2. **Канстатацыя прысутнасці**. Геаграфічны тэрмін як амонім тапоніма: бел. *Возера* (возера), *Горы* (горы), *Балота* (балота), *Рака* (рака).

3. **Усведамленне адрозненняў**. Першыя прыметы цікавасці да адзінкавага аб’екта: *Бярозавае балота*, *Мядзведня*, *Чысіцкі*.

4. **Размежаванне падабенства**. Пазбаўленне ад тоесных назваў сумежных аб’ектаў: *Брускае* > *Бускае 2*, *Малое* > *Малое Ніжняе*.

Вопыт працы з імёнамі сведчыць пра тое, што мікратапонімы часцей ужываюць шаблоны 1 і 2, а ўласна тапонімы аддаюць перавагу шаблону 3. Апошняя з альтэрнатываў назіраецца ў назвах аб’ектаў, якія складалі некалі частку цэлага (назвы балот: *Каменка* > *Гарэлая Каменка* і інш.), да гэтай пары знаходзяцца побач (назвы населеных пунктаў: *Вялікае Зарэчча* – *Малое Зарэчча* і інш.) ці застаюцца часткай аб’екта (рэкі ці прытокі рэк: *Левая Лясная* – *Правая Лясная* і інш.).

Тапанімныя класы варта разглядаць не толькі і не столькі паасобку (выяўляючы ўсе іх субстанцыяльныя ўласцівасці), колькі на фоне адзін аднаго (разглядаючы колькасныя перавагі кожнай з падсістэм). Такі погляд дазволіць разглядаць натуральныя катэгорыі намінатыўных адзінак, бо, верагодна, сам механізм надзялення адзінкавых аб’ектаў уласнымі імёнамі павінен быць падобным у кожнай з падсістэм тапаніміі: кожнае з адзінкавых імёнаў інтэнцыяльна накіравана на пошук адметнай, дыферэнцыруючай прыметы.

Высновы. Такім чынам, тапонім, як і іншыя паўнаважныя моўныя знакі, нельга звесці да адназначна зададзенага месца ў семіётычнай класіфікацыі. Найбольшую тлумачальную сілу даследаванню здольна надаць спалучэнне прагматычнага аспекта з сігматычнымі заканамернасцямі, што дазваляе суаднесці знакі адзін з адным, са знешнім светам і стаўленнем чалавека да розных відаў аб’ектаў свету. Пры гэтым элементы разглядаюцца як узаемазвязаныя часткі адзінай сістэмы, а дзейнасць інтэрпрэтатара сістэмы не выходзіць за межы знакаў. У аснове падобнага супастаўлення ляжыць прынцып іканічнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура / Ю. С. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 58–75.
2. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1997.
3. Руденко, Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции / Д. И. Руденко // Вопр. языкознания. – 1988. – № 3. – С. 55–68.
4. Матвеев, А. К. Образное народное видение проблемы ономазиологической и этимологической интерпретации топонимов / А. К. Матвеев // Вопр. ономастики. – Вып. 12: Русская топонимия и географическая терминология. – Свердловск, 1977. – С. 5–20.
5. Березович, Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е. Л. Березович // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 34–46.
6. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация: (Виды наименований) / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, В. Н. Телия [и др.]; отв. ред. А. Н. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.
7. Агеева, Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р. А. Агеева. – М.: Наука, 1989. – 252 с.
8. Пирс, Ч. С. Логические основания Теории знаков / Ч. С. Пирс. – СПб., 2000.
9. Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 102–117.
10. Пирс, Ч. С. Начала прагматизма / Ч. С. Пирс. – СПб., 2000.
11. Руденко, Д. И. Философия имени: в поисках новых пространств / Д. И. Руденко, Ю. И. Сватко. – Харьков: ОКО, 1993. – 104 с.
12. Mill, J. S. The Collected Works of John Stuart Mill, Vol. VIII / J. S. Mill // A System of Logic Ratiocinative and Inductive Part II, 1843.
13. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функции языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 528 с.
14. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
15. Жучкевич, В. А. Происхождение географических названий (топонимика) Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В. И. Ленина, 1961. – 79 с.
16. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 248 с.
17. Илларионов, С. Ф. Об образном компоненте в семантике слова и о его роли в выборе производящего / С. Ф. Илларионов // Проблемы ономазиологии: науч. тр.; под ред. И. С. Торопцева. – Курск, 1976. – Т. 62 (155), вып. 3. – С. 103–109.
18. Нечай, М. Н. Семантика географического термина и его употребительность в топонимии / М. Н. Нечай // Номинация в ономастике: сб. ст.; под ред. М. Э. Рут. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 90–94.
19. Воробьева, И. А. Ономастика в школе / И. А. Воробьева. – Барнаул, 1987. – 109 с.
20. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
21. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
22. Даниленко, В. П. Ономазиологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопр. языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108–131.
23. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974.
24. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1965.
25. Жучкевич, В. А. Общая топонимика / В. А. Жучкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Вышэйш. шк., 1968. – 432 с.
26. Матвеев, А. К. Топономастика и современность / А. К. Матвеев // Вопр. ономастики. – Свердловск, 1974. – Вып. 8–9. – С. 4–14.
27. Березович, Е. Л. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2000. – № 17. – С. 33–38.
28. Овчар, Н. В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов русского Севера / Н. В. Овчар // Номинация в ономастике: сб. ст.; под ред. М. Э. Рут. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 60–74.
29. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького / Е. Л. Березович. – Екатеринбург, 1999.
30. Черниговская, Т. В. Восприятие / Т. В. Черниговская // Курс дистанционного обучения психолингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.csa.ru/DistanceLearning/course2.index.html. – Дата доступа : 10.12.2003.

31. Пиаже, Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Ж. Пиаже // Семиотика ; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 90–101.

32. Голев, Н. Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н. Д. Голев // Вопр. ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 88–97.

References

1. Lotman Yu.M., “Myth – Name – Culture”, *Izbrannye stat'i* [Selected articles], 1992, vol. 1, pp. 58–75.
2. Rudnev V. P., *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of the Twentieth Century Culture], Agraf, Moscow, RU, 1997.
3. Rudenko D. I., “Proper Names in the Context of Modern Referential Theories”, *Voprosy iazykoznanii* [Problems of Linguistics], 1988, no. 3, pp. 55–68.
4. Matveev A. K., “Figurative Folk Vision of the Problem of Onomasiological and Etymological Interpretation of Place Names”, *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1977, no. 12, pp. 5–20.
5. Berezovich E. L., “Russian Onomastics at the Present Stage: Critical Notes”, *Izvestiia RAN. Serii literatury i iazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language], 2001, vol.60, no. 6, pp. 34–46.
6. Ufimtseva A. A., “Lexical Nomination (Primary, Neutral)”, in Ufimtseva A.A., Aznaurova E.S., Teliia V.N., Kubriakova E.S., Arutiunova N.D., *Iazykovaia nominatsiia: (Vidy naimenovanii)* [Linguistic Nomination (Types of Names)], in Serebrennikov B.A., Ufimtseva A.A. (ed.), Nauka, Moscow, RU, 1977, pp. 5–85.
7. Ageeva R. A., *Gidronimii Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoi informatsii* [Russian North-West Hydronyms as a Source of Cultural and Historical Information], Nauka, Moscow, RU, 1989.
8. Pirs Ch. S., *Logicheskie osnovaniia Teorii znakov* [Logical Foundations of the Theory of Signs], Aleteija, SPb, RU, 2000.
9. Iakobson R. O., “Searching for the Essence of Language”, in Stepanov Iu. S. (ed.), *Semiotika* [Semiotics], Raduga, Moscow, RU, 1983, pp. 102–117.
10. Pirs Ch. S., *Nachala pragmatizma* [Issues of Pragmatism], Aleteia, SPb, RU, 2000.
11. Rudenko D. I., Svatko Iu. I., *Filosofii imeni: v poiskakh novykh prostranstv* [Philosophy of Name: Searching for New Spaces], OKO, Kharkov, UA, 1993.
12. Mill J. S., *A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Part II*, the University of Toronto Press, Toronto, CA, 2006 [1843].
13. Byuler K., *Teorii iazyka. Reprezentativnaia funktsiia iazyka* [Theory of Language: The Representative Function of Language], Progress, Univers, Moscow, RU, 1993.
14. Rut M. E., *Obraznaia nominatsiia v russkom iazyke* [Figurative Nomination in the Russian Language], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, RU, 1992.
15. Zhuchkevich V.A., *Proiskhozhdenie geograficheskikh nazvanii (toponimika) Belorussii* [The Origin of Place Names (Toponymy) in Byelorussia], Izdatel'stvo Belgosuniversiteta im. V. I. Lenina, Minsk, BY, 1961.
16. Kubriakova E. S., Demiankov V.Z., Luzina L.G., Pankrats Yu.G., *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A Short Dictionary of Cognitive Terms], in Kubriakova E. S. (ed.), Moscow, RU, 1996.
17. Illarionov S.F., “On the Figurative Component in the Semantics of the Word and Its Role in the Choice of the Underlying Word”, *Problemy onomasiologii* [Problems of onomasiology], in Toroptsev I. S. (ed.), Kursk, RU, 1976, vol. 62 (155), no. 3, pp. 103–109.
18. Nechai M. N., “Semantics of the Geographical Term and Its Usage in Toponymy”, *Nominatsiia v onomastike* [Naming in onomastics], in Rut M. E. (ed.), Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Sverdlovsk, RU, 1991, pp. 90–94.
19. Vorob'eva I. A., *Onomastika v shkole* [Onomastics at School], Barnaul, RU, 1987.
20. Suprun V. I., *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential], Peremena, Volgograd, RU, 2000.
21. Morris Ch. W., “Foundations of the Theory of Signs”, in Stepanov Iu. S. (ed.), *Semiotika* [Semiotics], Raduga, Moscow, RU, 1983, pp. 37–89.
22. Danilenko V.P., “Onomasiological Trend in the History of Grammar”, *Voprosy iazykoznanii* [Problems of Linguistics], 1988, no. 3, pp. 108–131.
23. Murzaev E.M., *Ocherki toponimiki* [An Outline of Place Name Studies], Mysl', Moscow, RU, 1974.
24. Nikonov V. A., *Vvedenie v toponimiku* [Introduction into Toponymy], Nauka, Moscow, RU, 1965.
25. Zhuchkevich V.A., *Obshchaia toponimika* [General Toponymy], 2nd ed., Vysheishaia shkola, Minsk, BY, 1968.
26. Matveev A. K., “Toponomastics and Modernity”, *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1974, no. 8–9, pp. 4–14.
27. Berezovich E. L., Rut M. E., “Onomasiological Portrait of a Reality as a Genre of Linguocultural Description”, *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University], 2000, no. 17, pp. 33–38.
28. Ovchar N. V., “Experience of Ideographic Description of Lake Names of the Russian North”, in Rut M. E. (ed.), *Nominatsiia v onomastike* [Naming in onomastics], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Sverdlovsk, RU, 1991, pp. 60–74.

29. Berezovich E. L., “Russian Place Names in Terms of Ethnolinguistic Aspect”, Abstract of D. Sc. Dissertation, Russian language, Ural State University named after AM Gorky, Yekaterinburg, RU, 1999.

30. Chernigovskaia T. V., “Perception: A Distance Learning Course in Psycholinguistics”, Available at: www.csa.ru/DistanceLearning/course2.index.html, (accessed 10 December 2003).

31. Piazhe Zh., “Psychogenesis of Knowledge and Its Epistemological Value”, Semiotika [Semiotics], Raduga, Moscow, RU, 1983, pp. 90–101.

32. Golev N. D., “Natural Nomination of Natural Objects by Proper and Common Names”, Voprosy onomastiki [Problems of Onomastics], 1974, no. 8–9, pp. 88–97.

Информация об авторе

Копач Олег Игоревич – канд. филол. наук, доцент. Белорусский государственный университет (ул. Курчатова, 5, 220045, Минск, Республика Беларусь). E-mail : aleh@bk.ru.

Information about the author

Kopach Oleg Igorevich, Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Belarusian State University (5 Kurchatov Str., Minsk 220045, Belarus). E-mail: aleh@bk.ru.

Для цитирования

Копач, А. І. Семіятычныя асаблівасці тапонімаў : сігматыка-прагматычны погляд / А. І. Копач // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 66–75.

For citation

Kopach A. I. Semiotic Peculiarities of Place Names: A Sigmatic and Pragmatic View. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 66–75.

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 793.3

Паступіў у рэдакцыю 21.06.2016

Received 21.06.2016

Д. С. Скачкоў*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь***ТАНЕЦ БУТО: АСНОЎНЫЯ ПРЫНЦЫПЫ І ІХ АСЭНСАВАННЕ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ПЛАСТЫЧНЫМ ТЭАТРЫ**

Танец Буту – авангардны стиль танца, который возник в Японии в начале 1960-х гг. в творчестве Т. Хиджиката и К. Оно. Танец Буту предложил радикально новые принципы организации хореографического материала и взаимоотношения исполнителя с его собственным телом, новаторские приемы работы с образом и сценическим пространством. Среди основных принципов танца Буту можно выделить акцентуацию на движение тела, а не на точную хореографию, принципы «пустого тела» и телесной археологии, пребывание актера и его тела в пограничном физическом и психическом состоянии, радикальную субъективность исполнителя, обращение к творческим силам подсознания, отказ от традиционных представлений о гармонии и красоте. В Беларуси танец Буту начинает осваиваться в начале 2000-х гг. и органично входит в сценическую практику отечественных хореографических коллективов и пластических театров, в том числе пластического театра «ИнЖест» В. Иноземцева и независимого хореографа И. Ануфриевой. Среди основных аспектов танца Буту, которые выделяют отечественные режиссеры и танцоры, можно назвать осмысленность движения, его спонтанность и импровизационность; понимание движения как средства выявления подсознательных импульсов; тесное взаимодействие движений тела и образов; выявление в хореографии памяти тела; принцип пространственной драматургии; преодоление понимания танца как иллюстрации музыки, эмоций, образа. Танец Буту нарушает каноны и традиции сценического искусства и раскрывает огромный потенциал развития новых театральных и хореографических форм.

Ключевые слова: танец Буту, белорусский пластический театр, современная хореография, телесная выразительность, принципы движения.

D. S. Skachkov*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***BUTOH DANCE: BASIC PRINCIPLES AND THEIR REFLECTION IN THE CONTEMPORARY BELARUSIAN PHYSICAL THEATER**

Butoh is an avant-garde dance style that originated in Japan in the early 1960s in the performances by Tatsumi Hijikata and Kazuo Ohno. Butoh offered radically new principles of choreography and relationship between the dancer and his own body, and innovative techniques of working with image and stage space. Among the main principles of Butoh, the following can be distinguished: the accentuation on the movement of the body, not on accurate choreography, the principles of “Empty Body” and body archeology, a borderline physical and mental condition of the actor and his body, the performer’s radical subjectivity, an appeal to the creative powers of the subconscious, and the rejection of traditional concepts of harmony and beauty. Butoh started to be performed in Belarus in the early 2000s and now is a natural part of the stage practice of Belarusian dance groups and physical theatres, e.g.: Vyacheslav Inozemtsev’s InZhest, a physical theatre, and independent choreographer Irina Anufrieva. The main aspects of Butoh that are focused by Belarusian theater directors and dancers are: meaningfulness, spontaneity and improvisation of movement, understanding movement as a means of revealing subconscious impulses, close interaction between bodily movements and images, revelation of bodily memory in choreography, the principle of spatial drama, overcoming the understanding of dance as an illustration of music, emotion, and image. Butoh breaks canons and traditions of dramatic art and reveals a huge potential for the development of new theatrical and choreographic forms.

Keywords: Butoh, Belarusian physical theater, modern choreography, bodily expression, movement principles.

Сучаснае сцэнічнае мастацтва характарызуецца пошукавай накіраванасцю ў спосабах і сродках выяўлення, наяўнасцю наватарскіх тэхнічных, стылявых і кампазіцыйных прыёмаў узаемадзеяння з прасторай і глядачом, складанай сінтэтычнасцю перфарматыўнай практыкі, якая ўключае ў сябе ў тым ліку ўзаемадзеянне і ўзаемапрапранікненне разнастайных пластычных і танцавальных метады і тэхнік.

Сярод актуальных стыляў танца, якія асабліва паўплывалі на светаўспрыманне, пластычную выразнасць і вобразнасць еўрапейскага і беларускага тэатральнага і харэаграфічнага мастацтва, варта адзначыць спецыфічна ўсходні стыль танца – танец Бута, які ўзнік у Японіі ў пачатку 1960-х гг. і быў перавезены ў Еўропу ў другой палове 1970-х гг. танцавальнымі групамі (у першую чаргу “Daikudakan” (Даіракудакан), кіраўнік Акадзэ Маро, “Sankai Juku” (Санкай Джуку), кіраўнік Ушы Амагацу і асобнымі сола-танцорамі (такімі, як Ко Мурабушы).

У Беларусі танец Бута пачынае засвойвацца ў пачатку 2000-х гг. і на сённяшні час арганічна ўваходзіць у сцэнічную практыку айчынных харэаграфічных калектываў і пластычных тэатраў. Найбольш ярка і паслядоўна танец Бута атрымлівае рэалізацыю ў творчай дзейнасці пластычнага тэатра “ІнЖэст” пад кіраўніцтвам В. Іназемцава і ў перформансах незалежнага харэографа І. Ануфрыевай, вучаніцы В. Іназемцава і шведскай «SU-EN Butoh Company», якая працуе ў Стакгольме і неаднаразова прывозіла свае сцэнічныя працы на мінскі фестываль пластычных і эксперыментальных тэатраў “ПлаСтформа”.

Бібліяграфія, якая датычыцца даследавання пластычных і філасофскіх аспектаў танца Бута, у расійскіх і беларускіх выданнях прадстаўлена даволі сціпла. Адзінай друкаванай шырокадаступнай крыніцай на гэтую тэму з’яўляецца невялікі раздзел, прысвечаны танцу Бута, у кнізе В. Нікіціна “Энцыклапедыя цела: псіхалогія, псіхатэрапія, педагогіка, тэатр, танец, спорт, менеджмент” [1], дзе танец Бута разглядаецца як сродак тэрапеўтычнага пражывання вобразаў падсвядомага ў практыцы танцавальна-рухавай тэрапіі. На гэтым агульным малаінфармацыйным фоне даволі змястоўна выглядаюць інтэрнэт-артыкулы А. Васенінай [2], В. Ключаровай [3], Н. Калеснікавай [4], перакладныя артыкулы С. Кэйсукэ [5] і К. Тошыхару [6].

Манаграфіі замежных даследчыкаў, якія звярталіся да аналізу феномена танца Бута, вызначаюцца апісальным, суб’ектыўным характарам і не змяшчаюць тэарэтычных абагульненняў, што абумоўлена індывідуалізаванай прыродай танца Бута, якому не ўласціва строга вызначаная пластычная тэхніка. Так, даследаванне С. Орган-Фралея “Танец у цемры. Бута, Дзэн і Японія” [7] мае эсэістычны характар і засяроджана на ўражаннях аўтара ад сустрэч, сумеснай творчай дзейнасці і прагляду сцэнічных прадстаўленняў славетных бута-танцоўшчыкаў, такіх як Кадзуо Она, Нацу Накаяма, Сабуро Тэшыгавара, Ёко Ашыкава, Мін Танака, Шодо Аканэ і Бута груп – “Ryokan” (Райакан) і “Sankai Juku”. Праз эсэістычны расповед пра асобныя канкрэтныя праявы танца Бута аўтар фарміруе меркаванне пра феномен Бута як псіхафізічны механізм, з дапамогай якога акцёр-танцоўшчык максімальна паглыбляецца ў “цемру” самога сябе, у сусвет сваіх падсвядомых неадступных, навязлівых вобразаў і не імітуе, не пераймае іх пластычна, а праяўляе і візуалізуе іх цялесна, цалкам змяняючыся ўнутрана.

Праца гэтага ж аўтара, напісаная сумесна з бута-танцоўшчыкам, прафесарам Т. Накамурай “Тацумі Хіджыката і Кадзуо Она” [8], распавядае аб заснавальніках танца Бута, іх індывідуальных перажываннях і сцэнічных вобразах, што стварылі непараўнальны стыль руху і відазмянілі спосабы працы з целам і яго рэпрэзентацыі. Адзін з раздзелаў дадзенай кнігі “Танцавальны вопыт” з’яўляецца спробай фіксацыі практычных асноў танца Бута. Асноўны акцэнт зроблены на апісанні вобразаў і перадачы непасрэдных адчуванняў, якія прымушаюць цела зрабіць пэўны рух. Сістэма гэта не ўніфікавана, і кожны з танцораў Бута, якія ўзгадваюцца ў кнізе (Натсу Накаяма, Йошыто Она, Юміко Йошыюка, Марыта Іта і Міка Такеўчы, Ацушы Такенаўчы), раскрывае свой уласны вопыт стварэння танца.

Тэрмін “Бута” ў перакладзе з японскага азначае “танец тапання”, або “танец на месцы”, і складаецца з двух іерогліфаў: “бу” азначае “танец”, “я і тое, што вакол”, “то” – “тупаць”, “надыходзіць”. Кітайскі іерогліф “буі” азначае “круціцца” і “тэатр”. На стыку гэтых сэнсаў і нараджаецца канцэпцыя танца Бута [2].

Танец Бута – авангардная, шокавая і эксцэнтрычная харэаграфічная форма. Гэта радыкальны танец, першапачаткова названы “Анакоку Бута”, хаця пасля ў назве засталася толькі слова “Бута”, інтэрпрэтаванае як танец. Сімвалічны ж сэнс быў закладзены ў слове “анакіку”, якое літаральна азначае “цёмная чарнота” [8, с. 13]. Для японскай культуры класічная эстэтычная ўсталёўка, выкліканая гэтым словам, складаецца ў тым, што творчы працэс зараджаецца ў цемры. Цемра звязана з ідэяй пустэчы, з нічым, што з’яўляецца містычнай крыніцай энергіі

для чалавека, які займаецца мастацтвам. Цемра і пустэча ў гэтай эстэтыцы ўяўляюць большую цікавасць, чым святло і напоўненасць. Адсюль і з'яўляецца другая распаўсюджаная назва танца Бута – “Танец у Цемры”. Гэтая ж назва найбольш ярка адлюстроўвае ўнутраную і вонкавую сутнасць самога Бута.

Слова “бута” таксама сугучнае і тэрміну “будо”, які азначае мастацтва “воінскага шляху”. «Мастацтва “будо” належыць да традыцый “дзэнскіх відаў барацьбы” і звязана з метафізікай даасізму, будызму, японскага дзэна і баявым мастацтвам Усходу. Магчыма, менавіта таму такога высокага майстэрства дасягаюць акцёры, фанатычна адданыя мастацтву Бута. Іх шматгадзінныя заняткі, татальнае адмаўленне ад культуры агульнапрынятых сацыяльных каштоўнасцей падобны на трэнінгі і духоўныя практыкі дзэнскіх воінаў» [1, с. 543].

Бута як мастацтва сінтэтычнае нясе адбітак найбольш яркіх з'яў, якія існавалі падчас яго ўзнікнення. Даследчыкі разыходзяцца ў вылучэнні першакрыніцы танца Бута. Адны называюць крыніцамі Бута сюррэалізм і дадаізм. Другія бачаць зараджэнне гэтага танца ў сутыкненні японскага танцавальнага мастацтва з экспрэсіяністычным харэаграфічным мастацтвам Заходняй Еўропы, прадстаўленым Мэры Вігман [9]. Трэція звязваюць яго з'яўленне з імем эпатажнага пісьменніка і драматурга Юкія Місімы. Несумненным з'яўляецца таксама і актыўны ўплыў на Бута традыцыйных класічных формаў тэатральнага мастацтва Японіі, такіх як Ногаку, Кабукі і Но, традыцыйных японскіх паэтычных формаў – трохрадкоўяў хоку і класічнай японскай граўюры на дрэве Юкія-э [7, с. 10]. Вялікі ўплыў на Бута зрабілі і сацыяльныя працэсы: наступствы атамных выбухаў у Хірасіме і Нагасакі, а таксама звязаныя з паражэннем у Другой сусветнай вайне галеча і голад. Прынцыпова важна адзначыць тое, што ў танцы «сутыкнуліся дзве культуры: з аднаго боку – традыцыйна японскі падыход да мастацтва і тэатра, з другога – заходнія формы вольнага танца, тэатр “абсурду”, тэатр “жорсткасці”, хэпенінгі і перформансы» [10]. Менавіта з гэтага “сутыкнення” і нарадзіўся своеасаблівы сплаў танца Бута – не японскі і не еўрапейскі тэатральна-харэаграфічны эксперымент, а феномен агульнасусветнага маштабу: “У спробе вырашыць канфлікт паміж традыцыйным і рэвалюцыйным – паміж класічным танцам, артадаксальнымі нормамаі этыкі і авангардам – нарадзіўся не проста танец, а новая філасофія цэлеснага быцця” [1, с. 542].

“Няма ніякай філасофіі, папярэдняй Бута. Але існуе філасофія, якая зыходзіць з Бута”, – адзначаў Т. Хіджыката [6]. В. Іназемцаў гэтую філасофію руху вызначае так: “Бута, перш за ўсё, мае на мэце ўнутранае абгрунтаванне руху, зыходзячы з таго, што чалавек рухаецца не таму, што трэба рухацца, а таму, што адчувае ўнутраную сувязь з сусветам, падзеямі і гэта актывізуе яго да руху. Справа не ў тым, умее чалавек сядзець на шпагаце ці стаяць на галаве, а ў тым, што яго да гэтага падахвочвае” [11]. Заходняя культура, у адрозненне ад усходняй, заўсёды ўсведамляла сябе як культуру, якой неабходна няспыннае развіццё і рух наперад. Гэта датычыцца ўсёй разнастайнасці формаў чалавечай дзейнасці, уключаючы і сцэнічную дзейнасць. Эстэтыка танца на Захадзе такім жа чынам схільна да гэтай заканамернасці: танец вызначаецца як рух чалавечага цела, бесперапынная змена становішча ў прасторы і стану цела. З цягам часу ў гэтым танцы змяняюцца толькі тэхнікі выканання рухаў цела і спосабы перасоўвання. Танец Бута здзейсніў рэвалюцыйны пераворот у такім падыходзе, зрабіўшы адмысловы акцэнт не на рух цела, а на само цела. Цела і яго рэальнае існаванне ў прасторы – вось што сапраўды важна для Бута. Па словах В. Іназемцава, “Бута прадугледжвае іншы падыход да танца ў прынцыпе. Гэта датычыцца і асноўнага матэрыялу тэатра – цела, і адносін да сусвету, да драматургіі, да выразных сродкаў. Усё тут накіравана на разняволенне падсвядомых імпульсаў, на актывізацыю здольнасці агаліць спантанныя рэакцыі цела. У выніку ўзнікае шмат нестандартных пластычных вырашэнняў, што істотна адрознівае Бута ад еўрапейскай сістэмы танца і класічнай пантамімы” [10].

Прыярытэт цела ў пластычным выяўленні танца Бута стварае адметную мадэль узаемадзеяння акцёра і вобраза, фізічнага развіцця вобраза ў цэле. У адрозненне ад драматычнага тэатра або тэатра пантамімы, дзе вобраз першапачаткова дакладна вызначаны і ўсталяваны цэлесныя формы яго ўвасаблення, у танцы Бута вобраз ёсць толькі падстава, зыходны імпульс для пачатку руху і выражэння. Пераадолеўшы спакой і пачаўшы рух, цела пачынае нараджаць усё новыя і новыя вобразы, якія вынікаюць з самога руху. Вобразы, якія выяўляюцца фізічна, не асэнсоўва-

юцца і не ўсведамляюцца акцёрам, а з’яўляюцца тварэннем цялеснай кінетычнай змены. У танцы Бута працэс развіцця вобраза ёсць непасрэдна сам працэс руху. Да першапачатковай выявы ў працэсе руху дадаюцца матывы іншых выяў і матывы іх фізічнай рэалізацыі, а з руху вырастае новы вобраз, надзелены фізіялагічнай спецыфікай. Выява нараджае рух, рух нараджае выяву і гэтак да бясконцаці.

Танцор Бута рухаецца ў адпаведнасці са сваёй унутранай мэтай, выконвае тое, што яму дыктуецца знутры, адказвае на патрабаванні свайго цела. Цела яго не падкантрольнае свядомасці і не паддаецца валявому ўздзеянню і кіраванню самім танцорам. Так, у аснову Бута закладваецца прынцып “пустога цела” (“hokotai” ці “zerowalk”), цела бязвольнага, але гатовага ўпусціць у сябе цэлы сусвет, а затым даць яму магчымасць бесперашкодна выявіцца, матэрыялізавацца. Калі чалавек рухаецца, трэба зразумець, што ім рухае, адкуль ён пачынае рухацца. Каб наблізіцца да сапраўднага руху, трэба выходзіць з таго, што цела наогул не здольнае рухацца, неабходна прыйсці да нуля, мінімізавацца, пазбавіцца ад усіх страховак, прынад і штампаў. Цела танцора прыпадабняецца жбану, які трэба спустошыць, вызваліць ад усяго асабістага, каб напоўніць яго чымсьці чужым, іншародным, ці гэта будзе дух дрэва, сухога ліста, старой жанчыны. Прынцып “пустога цела” сугучны ўсходняму імкненню да абязлічвання, што зусім не азначае зліццё з шэрай масай і знішчэнне індывідуальнасці. Абязлічыцца – значыць цалкам зліцца з навакольным светам, “з прыродай, ветрам, дрэвамі, вадой, здабыць гармонію яднання з усім існым, з тым, адкуль мы прыйшлі і куды сыдзем. Ідэал для Бута – перастаць быць чалавекам, калі танцуеш” [3]. Такі “нечалавечы” танец пазбаўляецца ад якіх-небудзь упрыгожанняў, а прыгажосць цела перастае мець хоць якое-небудзь значэнне. “У Бута, заснаваным на вонкавым выяўленні ўнутраных перажыванняў, вельмі важна максімальна разняволіць свядомасць для імпульсаў цела, не ацэньваць свае дзеянні з пункта гледжання прыгажосці і наогул эстэтыкі”, – сцвярджае В. Іназемцаў [9].

Бута з’яўляецца таксама вынікам ідэі, якая складаецца ў тым, што кожны танец змяшчае ў сабе сапраўднае і поўнае адлюстраванне цялеснай памяці і ўспамінаў [12], у сувязі з чым вылучаецца аспект “археалогіі цела” – гэта значыць “адкопванне” таго, што пахавана глыбока ў целе: яго эмоцыі, нерэалізаваныя рухі. “Маё цела, памяць змяшчаюць інфармацыю аб тым, з чым я працую. У сваіх перформансах я раблю сумленную спробу даць гэтаму загучаць”, – адзначае І. Ануфрыева [13]. Бута дазваляе чалавеку пражываць яго ўласныя, натуральна ўзнікаючыя эмоцыі: гнеў, дэпрэсію, гора, страх, радасць. Праз фізічныя спантанныя рэакцыі (спазмы, некантралюемыя паторгванні, трэмар, скажэнні твару і цела, падзенні на падлогу, тупанне нагамі – усялякую “дэканструкцыю руху”) Бута дазваляе выяўляць тыя ўтоеныя эмоцыі, якія недапушчальна паказваць у звычайных сацыяльных умовах. Бута таксама дае магчымасць эстэтычным і духоўным пачуццям выйсці на паверхню, дапамагае ім выбрацца з забытых, прыгнечаных пластоў усведамлення, і гэта з’яўляецца катарсісам, вопытам ачышчэння душы як у танцора, так і ў гледача.

Для Бута характэрна і цалкам адмысловае стаўленне да навакольнай прасторы. Танцор Бута як быццам “прыслухоўваецца” да яго, імкнецца адчуць атмасферу, насычаную нябачнымі токамі і шматлікімі імпульсамі. Усходняя “ўключанасць” чалавека ў навакольны свет, супрацьпастаўленая заходняму прынцыпу трансфармацыі асяроддзя пад неабходнасці чалавека, уводзіць прастору ў танец Бута, як аднаго з асноўных герояў прадстаўлення. Гэта канцэпцыя была асэнсавана В. Іназемцавым у прынцыпе прасторавай драматургіі, які стаў адным з асноўных метадаў пабудовы спектакля тэатра “ІнЖэст” і самым упадабаным прыёмам арганізацыі тэатральнай дзеі. Паводле гэтага прынцыпу дзеянне спектакля нараджаецца пад уплывам асаблівасцей навакольнай прасторы, яе архітэктуры і архітэктонікі. Неардынарнасць сцэнічнай прасторы, яе планы патэнцыял, магчымасць арганічнага кантакту з ёю вызначаюць усю вонкавую і змястоўную структуру спектакля.

Свабода вонкавага выяўлення, якая дазваляе выкарыстаць любыя пластычныя тэхнікі і прыёмы ад класічнага танца да танца мадэрн, і поўная свабода ўнутранага выяўлення індывідуальнай вобразнасці даюць Бута бязмежныя магчымасці для імправізацыі. Адна з асноўных ідэй танца Бута сцвярджае, што “харэаграфія не павінна ператварацца ў сістэму, у раз і назаўжды ўсталяваны набор камбінацый і па” [14]. Танцоры ствараюць свой індывідуальны танец ніяк не фіксаваны, кожны раз новы. “Танец гэты ні на што не накіраваны. Ён нараджаецца і памірае

разам з вечна бягучым часам. Будучыня не цікавіць стваральніка танца Бута. Чалавек жыве толькі імгненнямі сучаснасці, якія бесперапынна нараджаюцца і паміраюць”, – сцвярджае В. Ключарова, падкрэсліваючы індывідуальны падыход танцора ў стварэнні танца Бута [3]. Менавіта гэта робіць танец Бута той актуальнай формай мастацкага акта, шчырага, праўдзівага існавання акцёра “тут і зараз” (*hic et nunc*), які шукае сучасны тэатр.

Імпровізацыя, вольны выраз пачуццяў і эмоцый праз уласнае цела, у якім вібрыруе кожны нерв і танцуе кожная цягліца, як гэта ні парадасальна, магчымы толькі ў добра падрыхтаваным целе, што робіць танец Бута тэхнічна складаным, танцам унутранага і вонкавага напружання, патрабавальным як да фізічнай, так і псіхалагічнай падрыхтоўкі выканаўцы. Кантралюемае напружанне, якое даводзіць чалавека да грані магчымасцей яго цела, з’яўляецца адным з метадаў, пры дапамозе якога акцёры будуць сваю сцэнічную працу. Цела, даведзенае да мяжы магчымасцей (напружання, расслаблення, расцяжэння, сціску), у любых памежных сваіх праявах, па-першае, выяўляе неверагодныя магчымасці цялеснай выразнасці, а па-другое – дае непасрэдны доступ да закрытых у звычайным, штодзённым існаванні зон псіхікі, адкрываючы неверагодныя гарызонты для духоўнай выразнасці. Вонкава дзеянні акцёраў выглядаюць як выпадковае, бессэнсоўнае поўзанне, скачкі, падзенні і кульбіты ці, наадварот, нерухомае ляжанне на сцэне, але ўсё гэта – “нейкі транс, адключэнне ад прытомнасці, для таго, каб ісці самім і весці гледача да непазнанага, для таго, каб абудзіць у гледача эмацыянальны водгук і выбух” [15, с. 26].

Бута – танец, які ламае і парушае каноны і традыцыі, танец які выкарыстоўвае адмысловы псіхафізічны стан цела выканаўцы для стварэння неардынарнай, выключнай сцэнічнай рэальнасці. Бута – свабодны танец, які ў значнай ступені мае справу з несупынной усеагульнай трансфармацыяй, што раскрывае велізарны патэнцыял развіцця новых форм і сэнсаў, якія жыццёва неабходны, у тым ліку і для стварэння актуальнага беларускага тэатральнага і харэаграфічнага мастацтва.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Никитин, В. Н. Энциклопедия тела : психология, психотерапия, педагогика, театр, танец, спорт, менеджмент / В. Н. Никитин. – М. : Алетея, 2000. – 624 с.
2. Васенина, Е. Закатать в Буту, или так сказал Хидзиката / Е. Васенина // ZAART [Электронны рэсурс]. – 2006. – Рэжым доступу : <http://mmj.ru/index.php?id=161&article=633>.
3. Ключарева, О. О некоторых сторонах Японской “Новой Волны”, которая, в сущности, не так нова / О. Ключарева // Окно в Японию [Электронны рэсурс]. – 2003. – Рэжым доступу : <http://ru-jp.org/klyuchareva01.htm>.
4. Колесникова, Н. О чем молчат движения / Н. Колесникова // Первый глобальный портал о музыкальной и около культурной жизни городов России [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.back-stage.ru/report/teatrtiro/0003>.
5. Кэйсукэ, С. Буту – тело как искусство / С. Кэйсукэ // “ Современный танец” [Электронны рэсурс]. – 1999. – № 11. – Рэжым доступу : <http://www.iatp.md/contemporarydance.html>.
6. Тошихару, К. Танец Буту как метод психосоматического исследования / К. Тошихару [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://girshon.ru/article/tanets-buto-kak-metod-psihsomaticheskogo-issledovaniya-toshiharu-kasai>.
7. Fraleigh, S. Dancing into darkness. Butoh, Zen, and Japan / S. Horton Fraleigh. – University of Pittsburgh Press and Dance Books Ltd., 1999. – 267 p.
8. Fraleigh, S. Hijicata Tatsumi and Ohno Kazuo / S. Fraleigh, T. Nakamura. – Padstow; Cornwall : Book Now Ltd and TJ International Ltd, 2006. – 180 p.
9. Завадская, И. В театральных буднях – праздник буту / И. Завадская // Советская Белоруссия [Электронны рэсурс]. – 2002. – № 137. – Рэжым доступу : http://tv.sb.by/kultura/article/v-teatralnykh-budnyakh-prazdnik-buto.html?AJAX_MONTH=2&AJAX_YEAR=2016.
10. Коломенская, И. Танцевальный дуэт Востока и Запада / И. Коломенская // БДГ [Электронны рэсурс]. – 1999. – № 6. – Рэжым доступу : http://bdg.press.net.by/1999/1999_04_02.569/japan.shtml.
11. Матяс, И. Проводы зимы на “Елке У” / И. Матяс // БДГ [Электронны рэсурс]. – 2001 – № 5. – Рэжым доступу : http://www.belgazeta.by/ru/2001_02_05/obschestvo/2001.
12. Bergmark, J. Butoh – revolt of the flesh in Japan and a surrealist way to move / J. Bergmark // Mannen pagatan [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.surrealistgruppen.org/bergmark/butoh.html>.
13. Улановская, С. Вначале было тело / С. Улановская // ArtAktivist [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://artaktivist.org/theatre/vnachale-bylo-telo>
14. Мелкумова, Я. Душевная техника Мин Танака / Я. Мелкумова // PRO ART Культурная журналистика [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://proarte.spb.su/ru/programm/art-jurnal/reviews?id=385>.
15. Вавілава, Н. Анатомія Інжэста / Н. Вавілава // Мастацтва. – 2006. – № 7. – С. 26–27.

References

1. Nikitin V. N., Entsiklopediia tela: psikhologiya, psikhoterapiia, pedagogika, teatr, tanets, sport, menedzhment [Encyclopedia of Body: Psychology, Psychotherapy, Pedagogy, Theatre, Dance, Sports, and Management], Aleteia, Moscow, RU, 2000.
2. Vasenina E., “Roll in Butoh, or Thus Spoke Hijikata”, ZAART, 2006, available at: <http://mmj.ru/index.php?id=161&article=633>, (Accessed 05.04.2016).
3. Kliuchareva O., “On Certain Aspects of the Japanese ‘New Wave’ Which is Per Se Not That New”, Okno v Iaponiiu [Window to Japan], 2003, available at: <http://ru-jp.org/klyuchareva01.htm>, (Accessed 05.04.2016).
4. Kolesnikova N., “What Movements are Silent About”, Pervyi global'nyi portal o muzykal'noi i okolo kul'turnoi zhizni gorodov Rossii [The first global portal on the musical and cultural life of Russian cities], available at: <http://www.back-stage.ru/report/teatr-tipo/0003>, (Accessed 05.04.2016).
5. Keisuke S., “Butoh: Body as Art”, “ Sovremennyi tanets” [“ Modern Dance”], available at: <http://www.iatp.md/contemporarydance.html>, (Accessed 05.04.2016).
6. Toshikharu K., “Butoh Dance as a Method of Psychosomatic Study”, available at: <http://girshon.ru/article/tanets-buto-kak-metod-psihosomaticheskogo-issledovaniya-toshiharu-kasai>, (Accessed 05.04.2016).
7. Fraleigh S., Dancing into Darkness. Butoh, Zen, and Japan, University of Pittsburgh, Pittsburgh, US, 1999.
8. Horton Fraleigh S., Nakamura T., Hijikata Tatsumi and Ohno Kazuo, Routledge, New York, US, 2006.
9. Zavadskaja I., “A Feast of Butoh in Theatrical Routine”, Sovetskaia Belorussia [Soviet Belarus], 2002, no. 137, available at: http://tv.sb.by/kultura/article/v-teatralnykh-budnyakh-prazdnik-buto.html?AJAX_MONTH=2&AJAX_YEAR=2016, (Accessed 05.04.2016).
10. Kolomenskaia I., “A Dancing Duo of the East and West”, BDG, 1999, no. 6, available at: http://bdg.press.net/by/1999/1999_04_02.569/japan.shtml, (Accessed 05.04.2016).
11. Matias I., “Bidding Farewell to Winter at Yolka U”, BDG, 2001, no. 5, available at: http://www.belgazeta.by/ru/2001_02_05/obschestvo/2001, (Accessed 05.04.2016).
12. Bergmark J., “Butoh – Revolt of the Flesh in Japan and a Surrealist Way to Move”, Mannen pagatan, available at: <http://www.surrealistgruppen.org/bergmark/butoh.html>, (Accessed 05.04.2016).
13. Ulanovskaia S., “In the Beginning was the Body”, ArtAktivist, available at: <http://artaktivist.org/theatre/vnachale-bylo-telo>, (Accessed 05.04.2016).
14. Melkumova Ia., “Min Tanaka’s Soul Technique”, PRO ART Kul'turnaia zhurnalistika [PRO ART Cultural Journalism], available at: <http://proarte.spb.su/ru/programm/art-jurnal/reviews?id=385>, (Accessed 05.04.2016).
15. Vavilava N., “Anatomy by InZhest”, Mastatstva [Art], 2006, no. 7, pp. 26–27.

Информация об авторе

Скачков Дмитрий Сергеевич – канд. искусствоведения, мл. науч. сотрудник. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : bttpervii@gmail.com.

Information about the author

Skachkov Dmitri Sergeevich, Ph. D. (Art Hist.), Junior Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: bttpervii@gmail.com.

Для цитирования

Скачкоў, Д. С. Танец Бута : асноўныя прынцыпы і іх асэнсаванне ў сучасным беларускім пластычным тэатры / Д. С. Скачкоў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 76–81.

For citation

Skachkov D. S. Butoh Dance: Basic Principles and Their Reflection in the Contemporary Belarusian Physical Theatre. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 76–81.

А. І. Ляшкевіч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь***ТЭМЫ ПРОВАДАЎ ЗІМЫ І СУСТРЭЧЫ ВЯСНЫ Ў МАСЛЕНІЧНЫХ АБРАДАХ
БЕЛАРУСКАГА ПОЛЕССЯ**

Мотивы проводов зимы и кликанья весны в масленичных обрядах белорусского Полесья проанализированы с использованием этнолингвистической методологии. Масленица рассматривается как один из праздников весеннего новолетия, ритуал перехода (в терминологии Арнольда ван Геннепа). В качестве ступеней перехода выделяются проводы зимы и кликанье весны. Используются также наработки А. К. Байбурина, который уточняет выделенные ван Геннепом этапы в ритуале: «старый мир», который существовал до проведения ритуала, десемiotизируется; затем происходит создание новой семиосферы, собирание «нового мира» из обособленных частей; в конце ритуала – освоение созданного заново мира, его ритуальный раздел. Символический «старый мир», старый сезон в масленичных обрядах – это зима, а новый – весна.

Проводы зимы и кликанье весны в полесской масленичной обрядности рассматриваются во взаимосвязи. Анализируются такие аспекты проводов зимы на Полесье, как сжигание чучела, ветоши, демонстрация специально сделанной куклы-чучела. Акцентируется внимание на таких особенностях масленичного кликанья весны, как исполнение весенних песен возле костра, в котором жгут чучело или ветошь, локально (Житковичский и Столинский р-ны) – кликанье весны с сыром в руках.

Ключевые слова: Масленица, проводы зимы, кликанье весны, Полесье, ритуал перехода, весеннее новолетие.

Ye. I. Leshkevich

*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***MOTIVES OF BIDDING FAREWELL TO WINTER AND GREETING SPRING IN SHROVETIDE RITES
IN BELARUSIAN POLESIE REGION**

The motives of bidding farewell to winter and calling for spring in Shrovetide rites in Belarusian Polesie are analyzed using ethno-linguistic methods. Shrovetide is considered as a springtime new year holiday – a rite of passage (as defined by Arnold van Gennep). The bidding farewell to winter and calling for spring are distinguished as phases of passage. The article also uses research results by Albert Baiburin who updates van Gennep's rite phases: the “old world” that existed before the rite is desemiotized; then a new semiosphere is created – a “new world” is gathered together of detached parts; the world created anew is explored and is ritually divided in the end of the rite. The symbolic “old world,” i.e. the old season, in Shrovetide rites is winter, with spring being a new one.

Bidding farewell to winter and calling for spring Shrovetide rites in Polesie region are considered in their interrelationship. Such aspects of bidding farewell to winter in Polesie as burning a dummy and rags and demonstrating a specially made doll are analyzed. A focus is made on such specific features of calling for spring during Shrovetide as singing spring songs by the bonfire of the dummy or rags, and (locally, in Żytkavičy and Stolín Districts) calling for spring with a piece of cheese in one's hands.

Keywords: Shrovetide, bidding farewell to winter, calling for spring, Polesie, the rite of passage, springtime new year.

Масленіца ўваходзіць у шэраг абрадавых комплексаў, якія пазначалі старажытнае вясновае навалецце. Асобныя элементы абраднасці, якія ў адной мясцовасці прымеркаваны да Масленіцы, у другой могуць суадносіцца з іншым святам ці перыядам: пачатак спявання і выкананне пэўнага віду вясновых песень, ваджэнне карагодаў, провады зімы, рытуал прасіць даравання ў родных. Гэта сведчыць пра “расцягванне” вясновага навалецця. Як піша Т. А. Агапкіна, “практычна ўсе ранневясновыя даты (як фіксаваныя, так і пераходныя) літаральна насычаны ініцыяльнай сімволікай, што маркіруе канец старога і пачатак новага каляндарнага перыяду і звязана з ідэямі абнаўлення, пачатку, маладосці...” [1, с. 152].

Масленіца як адно са свят навалецця належыць да рытуалаў пераходу (у тэрміналогіі Арнольда ван Геннепа), для якіх характэрна паслядоўная змена прэлімінальнай, лімінальнай і постлімінальнай фаз. Такая трохчасткавая структура рытуалу мае ўнутраную сувязь, што фарміруецца ў сюжэт пераходу. Ван Генэп падкрэсліваў, што ў кожным асобна ўзятым рытуале гэтыя тры этапы могуць

быць няроўныя па значнасці і ступені распрацоўкі. Ван Генэп адносіў да рытуалаў пераходу абрадавыя комплексы, звязаныя з жыццёвым цыклам чалавека, а таксама рытуалы, звязаныя са зменай касмічных з’яў: фаз Месяца, пор года [2]. Згодна з высновамі А. К. Байбурына, любы каляндарны рытуал з’яўляецца рытуалам пераходу і праводзіцца для таго, “каб адзін перыяд (сезон) змяніўся іншым”. Даследчык удакладняе выдзеленыя ван Генэпам этапы ў рытуале: дэсеміятызацыя свету, сітуацыя распаду, нераздзельнасці (прадстаўнікі іншасвету аказваюцца сярод людзей, а праявы жыццядзейнасці апошніх зводзяцца да мінімуму); стварэнне новай сям’ясферы, збіранне “новага свету” з адасобленых частак; засваенне створанага наноў свету, яго рытуальны падзел, размеркаванне долі між удзельнікамі рытуалу, у т. л. прадстаўнікамі іншасвету [3, с. 149–150]. Сімвалічны “стары свет”, стары сезон у масленічных абрадах – гэта зіма, а новы – вясна.

Правады зімы. Для завяршэння каляндарных перыядаў характэрна сімволіка выправоджвання, з якой І. А. Марозаў і І. С. Сляпцова звязваюць паленне вогнішчаў на Масленіцу [4, с. 295]. У якасці ўвасаблення зімы падчас беларускіх масленічных абрадаў часам згарае антрапаморфнае пудзіла, найчасцей у жаночай іпастасі. Антрапаморфнае пудзіла як каляндарны сімвал² Масленіцы сустракаецца ў рускіх, у Харватыі, Славеніі, Польшчы, Славакіі, Чэхіі [1, с. 583–592]. В. К. Сакалова вылучае ў рускіх два асноўныя тыпы провадаў Масленіцы: вогнішчы і праводзіны-пахаванні абрадавага пудзіла. Даследчыца прыходзіць да высновы, што звычай паліць вогнішчы на Масленіцу быў агульнарускі, распаўсюджаны ў т. л. у Пскоўскай і Смаленскай губернях. Праводзіны-пахаванні масленічнага пудзіла характэрны для Рускай Поўначы [5, с. 17–18]. Заўважым, што ў склад Пскоўскай і Смаленскай губерняў уваходзілі і беларускія этнічныя тэрыторыі (па картах рассялення беларусаў М. В. Доўнар-Запольскага і Е. Ф. Карскага) [6, с. 76]. Т. А. Агапкіна піша, што спальванне пераважала як форма пазбаўлення ад масленічнага сімвала ў рускіх, што звязвае з сумяшчэннем у рускай Масленіцы традыцый вырабу каляндарнага сімвала і распальвання вогнішчаў [1, с. 586].

Спальванне пудзіла выступае кульмінацыяй амаль любога сучаснага святкавання Масленіцы ў Беларусі, гарадскога і сельскага. Між тым, зусім няшмат этнаграфічных крыніц сведчаць аб даўнейшым бытаванні звычайу спальвання масленічнага пудзіла на тэрыторыі Беларусі (мал. 1).

Адзін з арэалаў спальвання масленічнага пудзіла складае ўсходняе Палессе. Звесткі сустракаюцца ў вёсках Нісімкавічы Чачэрскага р-на [7, с. 567], Буркі Брагінскага р-на [8, с. 161], Залессе Добрушкага р-на [9, с. 219], Настолле (цяп. г. Хойнікі) Хойніцкага р-на [10, с. 78], Свіднае Лельчыцкага р-на³. У цэнтральнабеларускім рэгіёне згадкі спальвання пудзіла сустракаюцца ў Любанскім [11, с. 121–122; 12, с. 149] і Бярэзінскім⁴ р-нах. Варта адзначыць, што Любанскі р-н па асаблівасцях традыцыйнай культуры знаходзіцца на мяжы гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў Цэнтральнай Беларусі і Усходняга Палесся. З. Я. Мажэйка адзначала: “Палескі спеўны стыль ахоплівае цэнтральныя раёны Беларусі (прыкладна да лініі Клецк – Бабруйск)” [13, с. 5]. Бярэзінскі ж р-н уключаюць у т. зв. “Малое Палессе” – рэгіён паміж рэкамі Бярэзіна і Друць⁵.

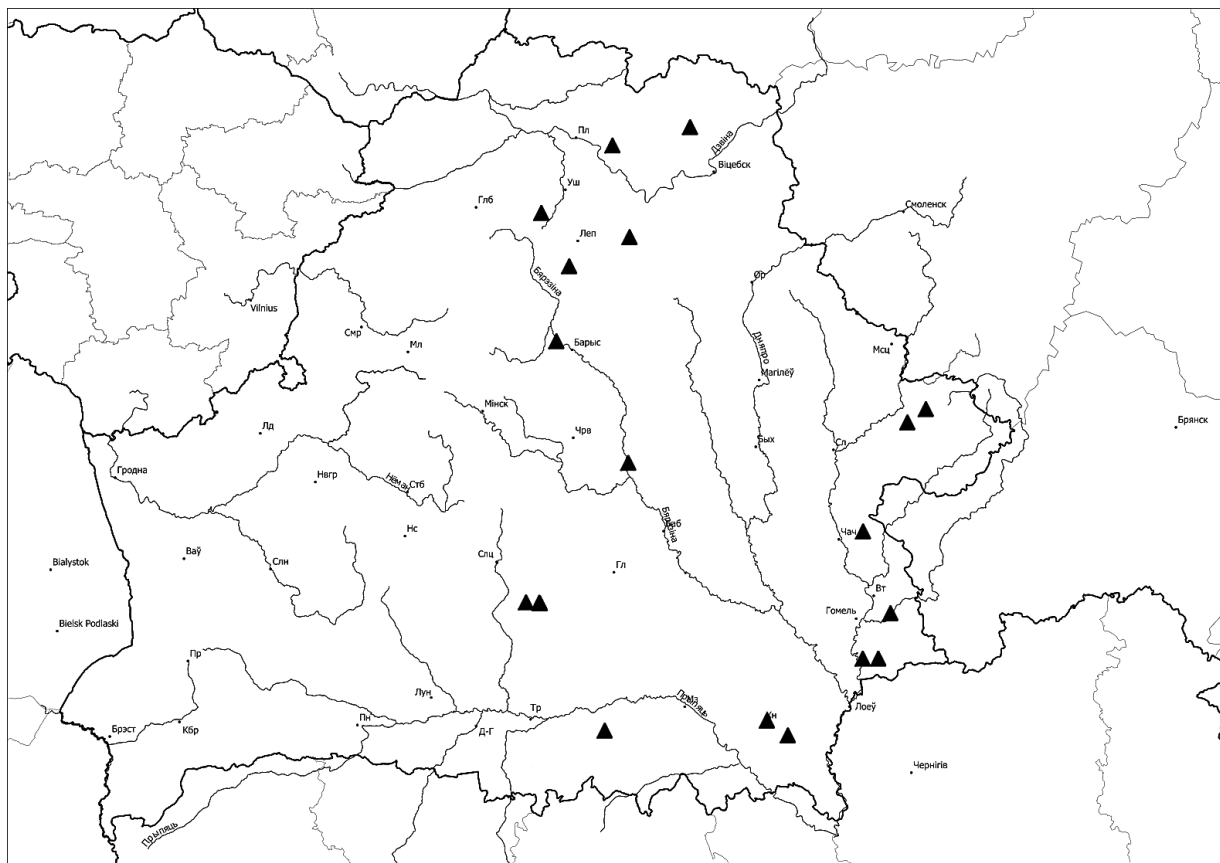
Сустракаюцца звесткі пра выраб пудзіла без яго спальвання. У в. Будча Ганцавіцкага р-на Брэсцкай вобл. на Масленіцу абыходзілі двары з лялькай: *«Носім ужо тую Немку... перад постами, ці ў нядзелю, ці ў суботу... Падругі мы, дзяўкі, дзяўчата, прыбяраром, бы кукалка... на качалаццы... бы сукеначка якая, да бы касьнічкі, бы дзевачка яна была. Ліцо беленьке рабілі, галоўку прыстройвалі, нешта рысавалі, бы вочы, ды й носік, бы дзіцятко якое. А тут ужо сукеначка ды хустачка. Ці валена <вэлом> рабілі. А тут каўнерчыка харошага, кругленькага з каруначкамі кругом ужэ. Кажны гурт насіў сваю <Немку>. Хадзілі па хатах, ды й давалі нам ужо хто што дась. Казалі:*

² Згодна з Т. А. Агапкінай, каляндарныя сімвалы – гэта антрапа-, арніта-, ці фітаморфныя «рэчавыя» сімвалы, якія адлюстроўваюць міфапаэтычную семантыку каляндарнага часу [1, с. 578–579].

³ Зап. А. І. Ляшкевіч у 2016 г. у пас. Крупскі Крупскага р-на Мінскай вобл. ад Касінскай (дзев. Бжэзіцка) Антаніны Адамаўны, 1941 г. н., нар. у в. Свіднае Лельчыцкага р-на Гомельскай вобл.

⁴ Зап. А. І. Ляшкевіч у 2015 г. у в. Чыжаха Бярэзінскага р-на ад культработніцы Карканіцы (дзев. Пікарэвіч) Кацярыны Уладзіміраўны, 1957 г. н., нар. у в. Прыцерпа Бярэзінскага р-на, у Чыжасе жыве з 1984 г.

⁵ У склад Малога Палесся ўваходзяць лясістыя часткі Барысаўскага, Лепельскага, Чашніцкага, Талачынскага, Круглянскага, Бялыныцкага і Крупскага р-наў, па прыродных асаблівасцях рэгіён нагадвае Вялікае Палессе [14].

Мал. 1. Спальванне масленічнага пудзіла на тэрыторыі Беларусі

Fig. 1. Burning Shrovetide Dummy in Belarus

“Немку носім, сала просім, на Запускі – па два куска, па тры куска”¹. Па іншых звестках, з Немкай хадзілі толькі да бабылёў з мэтай падабраць ім нявесту [16, с. 34–35]. Звяртае на сябе ўвагу “немата”, што прыпісваецца ляльцы ў Будчы і адлюстроўваецца ў яе імені: “<Чаму яна Немкай звалася?> Мо не гаварыла. Нейка дзеўка”². У в. Тонеж Лельчыцкага р-на на Масленіцу цяпер робяць пудзіла ў жаночай іпастасі*. Перад тым, як спаліць, замазваюць пудзілу галавешкай твар, прыгаворваючы: “Ну шо, замазуем ей вочы, хай на нас не глядзіць, хай ужо весна к нам ідзе!”³ Калі ўвасабленне зімы невідучае, сімвалічна паслабляецца яго ўплыў, вызваляецца дарога вясне, кажуць: “Усё, горыць зіма!”⁴. Слепата пудзіла з Тонежа і немата Немкі з Будчы сімвалічна набліжаюць масленічную ляльку да тагасвету, раскрываюць яе медыятыўны характар. Да таго ж імя Немкі магло пазначаць яе статус “чужой” для вясковага соцыуму.

Дэманстраванне масленічнага пудзіла без згадкі яго спальвання сустракаецца ў в. Ленькі Слуцкага р-на, на мяжы з Палесsem: “На Масьленку каня запрагуць і ўсягда каталіся. А то пасадзяць жанок – да мужчыны возьмуць санкі і жанчын возяць па сяле. А то чучала змайструюць: які андарак возьмуць на палачку, да хусту закруцяць – і вязуць”⁵ [11, с. 118]. Невядома, што рабілі з масленічнымі лялькамі ў Будчы і Леньках пасля свята. Магчыма, іх чакала “нату-

¹ Зап. М. Лук’янава, А. Варахоб і Н. Гвоздзевы ў 2015 г. у в. Будча Ганцавіцкага р-на Брэсцкай вобл. ад Савені Надзеі Матвееўны, 1932 г. н., правасл., мясц. [15].

² Зап. М. Лук’янава, А. Варахоб і Н. Гвоздзевы ў 2015 г. у в. Будча Ганцавіцкага р-на Брэсцкай вобл. ад Савені Надзеі Матвееўны, 1932 г. н., правасл., мясц. [15].

* Недастаткова звестак, каб з упэўненасцю сцвярджаць існаванне звычаю ў мінулым.

³ Зап. А. І. Ляшкewіч у 2014 г. у в. Тонеж Лельчыцкага р-на Гомельскай вобл. ад Карась Марыі Іванаўны, 1958 г. н.

⁴ Зап. А. І. Ляшкewіч у 2014 г. у в. Тонеж Лельчыцкага р-на Гомельскай вобл. ад Карась Марыі Іванаўны, 1958 г. н.

⁵ Зап. у в. Ленькі Слуцкага р-на Мінскай вобл. ад Марыі Дробыш, 1920 г. н.

ральная смерць”, якую Т. А. Агапкіна прыводзіць як адзін з варыянтаў завяршэння жыццёвага цыкла каляндарнага сімвала нароўні з яго знішчэннем шляхам спалення, закопвання, патаплення, выкідання і г. д. [1, с. 578].

У в. Закальное Любанскага р-на: «*От хто зробіць дома пудзіло, ці на палкі абвітыя саломою жаночу адзежу надзявалі, ці от просто на сухую галіну, дажэ хустку завязуць. І з тым пудзілам хадзілі па ўсему селу. Людзі выходзілі і павязвалі такіе істужачкі із крамы, казалі “грахі павязваць”. Занясуць тое пудзіло за сяло і спяляць»*¹⁰ [11, с. 121]. Павязваннем стужачак на пудзіла вяскоўцы фактычна ўдзельнічалі ў яго стварэнні. На тое, што пудзіла робіцца ўскладчыну, звяртае ўвагу даследчык А. К. Байбурын. Такое “збіранне” каляндарнага сімвала ён звязвае з “сімволікай збірання свету, які распаўся” ў перыяд, які папярэднічае здзяйсненню рытуалу [3, с. 133, 139].

Масленічных лялек, прызначаных як для спальвання, так і для закопвання, часта выраблялі з саломы [8, с. 161; 17, с. 66; 11, с. 121¹¹; 18¹²], якая ў народна-міфалагічных уяўленнях беларусаў судачыняецца з ураджаем і ў той жа час са светам продкаў [19, с. 448]. Саломе, старое адзенне, што выкарыстоўвалі для вырабу масленічных лялек, выразна паказваюць, з аднаго боку, на “нямогласць” старога сезона, што саступае правы, адыходзіць, памірае. З другога боку, старасць і смерць змяшчаюць інтэнцыю да адраджэння ў новай форме: попел пасля спальвання пудзіла рассяпаюць па палях, што павінна спрыяць добраму ўраджаю [7, с. 567; 10].

Замест пудзіла на Масленіцу маглі паліць старыя рэчы, кастрыцу, салому [11, с. 121] – дзеянне мае тую ж семантыку, што і спальванне пудзіла. Палячы старызну на Масленіцу, у в. Опаль Іванаўскага р-на прыгаворвалі: «*Ідэ зіма до тучы, берэ постолы і ганучы*» [20, с. 160]. У в. Моталь таго ж раёна з падобнымі прыгаворкамі выганялі зіму на Масленіцу, стукаючы кіямі: «*Ходылы хлопцы с кіямі, стукалы, крычалы: “Ходы, зіма, до Кучова, бо ты нам надочучала”. Шлы, кіямі трахалы і трахалы. Кучова – это сіло дальшэ. В каждой вулицы свои хлопцы, зборня была»*¹³ [21, с. 98]. Такое выгнанне зімы знайшло адлюстраванне ў “гукальных” песнях: «*Ой, Маслянка-несчаслянка, сера вутка. У!/Ты ж казалы, вясна скоры, да й няхутка. У!/Прыводзім зіму з качаргамы, У!/Сустрэнім вясну з пірагамы, У!*»¹⁴ [22, с. 59, 131, 150].

На паўночным усходзе Брэстчыны провады зімы з падобнымі прыгаворкамі адбываліся на Фаміным тыдні [21, с. 124–126]: «*Радуніца ва вторнік после Правадной недзелі, а в нас обязацельна в понедзелнік вечерам ужэ маці готуе вэчэру шо найсмачнейшу... повечэралі, поійлы і вжэ госпадыня, і дыты, всі, бяруць хто дыркача, хто лопату, хто эту гачку, хто вылкі і вжэ із-под коёк, із-под лавок выгоняюць: “Іды, Зыма, од нас, іды до Кучава, бо ты нас всіх помучыла!”*», «*Іды, Зіма, до Кракова, чэрэз год прыйдэш до нас аднаково!*» І ту Зіму выганяюць і жэнут ея, ну, як есьць такое небольшое азерцэ ці якая рэчанька блізка, то туды. І вжэ гэты шо дзержаць, ну, обычно палкі берут ужэ, тыя постаўляць коло хаты, а палку беруць ідуць, і вжэ гэтыя палкі кідаюць всі в воду...»¹⁵. Звычай провадаў (выгнання) зімы на Фаміным тыдні складае рэгіянальную спецыфіку Брэстчыны [21, с. 124]. У прыведзеным апісанні выгнання зімы на Фаміным тыдні бачым дзеянні, характэрныя для святкавання Масленіцы на Палессі (спальванне пудзіла і старых рэчаў), але замацаваныя за іншым абрадавым часам.

У вёсцы Перарова Млынок Жыткавіцкага р-на зафіксаваны перанос на Праводную нядзелю Масленічнага звычайу прасіць адно ў аднаго даравання [8, с. 210–211]. Звесткі пра такі ж перанос, толькі на Вялікдзень, запісаны і ў вёсцы Неглюбка Веткаўскага р-на [8, с. 211]. У Добрушскім р-не зафіксавана ўяўленне, што на Масленіцу «*зіма з летам сустракаюцца*»¹⁶ [9, с. 220], хаця звычайна так кажуць пра Стрэчанне. Усё гэта сведчыць пра “расцягванне” вясновага навалецця і магчымасць прымеркавання такога яго элемента, як провады зімы, да розных свят.

¹⁰ Зап. С. Г. Выскварка ў 2000 г. у в. Обчын Любанскага р-на Мінскай вобл. ад Галай Зоні Нічыпараўны, 1932 г. н.

¹¹ Зап. А. І. Ляшкewіч у 2016 г. у пас. Крупскі Крупскага р-на Мінскай вобл. ад Касінскай (дзев. Бжэзіцка) Антаніны Адамаўны, 1941 г. н., нар. у в. Сярэднія Печы Лельчыцкага р-на, з 1949 г. у в. Свіднае Лельчыцкага р-на, у Крупскім з 2004 г.

¹² Зап. А. І. Ляшкewіч у 2015 г. у в. Чыжаха Бярэзінскага р-на ад культработніцы Карканіцы (дзев. Пікарэвіч) Кацярыны Уладзіміраўны, 1957 г. н., нар. у в. Прыцерпа Бярэзінскага р-на, у Чыжасе жыве з 1984 г.

¹³ Зап. у в. Моталь Іванаўскага р-на ад Анастасіі Мінько, 1935 г.н.

¹⁴ Зап. у в. Казацкія Балсуны Веткаўскага р-на ад Е. В. Глушакавай, А. К. Ермакавай, В. І. Фяськовай, П. М. Мельнікавай, Г. Е. Судненкі.

¹⁵ Зап. А. І. Ляшкewіч у 2015 г. у в. Перасудавічы Бярозаўскага р-на Брэсцкай вобл. ад Мікуліч Надзеі Васільеўны, 1942 г. н., правасл., нар. у в. Здзітава Бярозаўскага р-на.

¹⁶ Зап. студэнтка Гомельскага педуніверсітэта А. Стальмахова ў 2000 г. у в. Кругавец Добрушкага р-на ад Кабанчук Святланы Мікалаеўны, 1938 г. н. (перасяленка з в. Астрагляды Брагінскага р-на).

Такім чынам, выгнанне зімы на Палессі магло прымяркоўвацца да перыяду ад Стрэчання да Фаміна тыдня і ўвасабляцца выдаленнем (выкіданнем, спальваннем) за межы “сваёй” прасторы ўвасаблення “старога” сезона: пудзіла, старызны. Тэндэнцыю старых рэчаў, што спальваліся на Масленіцу, набываць рытуальны сэнс і станавіцца сімвалам свята адзначае А. К. Байбурын [3, с. 138–144]. Ён звяртае ўвагу на старое адзенне масленічнага пудзіла, мяркуючы, што яно сімвалізуе старасць, зношанасць свету, які аднаўляецца ў масленічным рытуале [3, с. 132–133]. На Рускай Поўначы ў апошні дзень Масленіцы ці ў першы панядзелак Вялікага посту маглі спаліць пудзіла, старыя рэчы ці проста раскласці вогнішча, што звалася “жэгчы масленіцу”. І. А. Марозаў і І. С. Сляпцова робяць выснову, што “адна з мэт масленічнага вогнішча – пазбаўленне ад старога хламу, што адслужыў сваё і стаў шкодным”, зазначаюць таксама, што “перыяд канца Масленіцы і пачатку Вялікага посту... ва ўсіх народаў Еўропы, у т. л. у рускіх, быў звязаны з абрадамі і звычаямі ачышчэння” [4, с. 294, 809, 818].

Гуканне вясны. Пачатак спявання вяснянак вызначаецца ў розных рэгіёнах Беларусі пэўнымі святамі (найчасцей Грамніцы, Масленіца, Саракі, Благавешчанне, сустракаецца – ад Аўдакеі, Аляксея, прысвяткаў, істотных у лакальнай традыцыі, а таксама з сярэдзіны Вялікага посту, Вялікадня, Ушэсця) ці прыроднымі з’явамі (“снег растаў”, “як пойдзе лёд”, “як трава на лугах зацвіце, лотаць на водзе”, “як жаваранак прылятае”) [23, с. 53; 17, с. 83, 87; 24, с. 94, 100; 21, с. 67, 103; 11, с. 122, 124; 8, с. 106–110]. Масленічнае гуканне вясны і спяванне вяснянак найбольш характэрнае для Палесся і памежных з ім раёнаў (мал. 2).

Гэта вёскі Дуброўнае і Новы пуць Брагінскага р-на [8, с. 161], Вялікі бор Хойніцкага р-на [10, с. 78], Губічы Буда-Кашалёўскага р-на¹⁷, Тонеж¹⁸, Букча і Дзяржынск [25, с. 112–114] Лельчыцкага р-на, Пагост, Новыя Мілевічы, Дзяквічы [8, с. 161–162], Буразь¹⁹, Азяраны [26, с. 10] і Хваенск [26, с. 40] Жыткавіцкага р-на, Багданаўка [21, с. 98] і Дзятлавічы²⁰ Лунінецкага р-на, Аснежыцы Пінскага р-на [21, с. 98], Дзяменічы Жабінкаўскага р-на²¹, Кустыні Астрамечава Брэсцкага р-на [27, с. 36], Обчын і Закальное Любанскага р-на [11, с. 121–122], Сякерычы Клецкага р-на²² [28]. Гэта тлумачыцца кліматычнымі асаблівасцямі рэгіёна: тут цяплей раней, чым на астатняй тэрыторыі Беларусі.

Другі арэал спявання вяснянак на Масленіцу вылучаецца на Малым Палессі і ў Цэнтральнай Беларусі: вёскі Клінок Чэрвенскага р-на²³ [29], Раўкуцевічы Мінскага р-на²⁴, Ляшчыны Барысаўскага р-на²⁵, Стараселле Крупскага р-на [11, с. 122].

Гуканне вясны ў масленічных абрадах шчыльна звязана з провадамі зімы, што адрознівае яго ад гуканняў, прымеркаваных да іншых свят. Вяснянкі на Масленіцу часта выконваюцца пры вогнішчы, у якім паляць пудзіла ці старызну. Па звестках А. М. Доўнар-Запольскай, вясну гукалі ля масленічных вогнішчаў у Столінскім, Петрыкаўскім і Добрушскім р-нах. Звесткі, зафіксаваныя ў Добрушскім р-не, пацвярджаюць думку аб шчыльнай звязанасці гукання вясны з провадамі зімы на Масленіцу: «Казалі, што нада тут жа сразу, як згарыць, і Вясну клікаці, каб Зіма зноў не вярнулася». А. М. Доўнар-Запольская тлумачыць гэта «боязю стварэння ў часе “пустых месцаў”, магчымасці вяртання старога са знакам адмоўнасці часу» [30, с. 210]. Некалькі прыкладаў паказваюць на непадзельнасць завяршэння старога і сустрэчы новага перыяду ў свядомасці інфармантаў. У расповядзе з Жабінкаўскага р-на вясновая песня прыводзіцца ў структуры провадаў Масленіцы: “На Масленіцу хто шо мае

¹⁷ Зап. Т. І. Кухаронак у в. Губічы Буда-Кашалёўскага р-на Гомельскай вобл. ад Пахомавай Ніны Назараўны, 1931 г. н., мясц., 3 кл., прав.

¹⁸ Зап. А. І. Ляшкевіч у 2014 г. у в. Тонеж Лельчыцкага р-на Гомельскай вобл. ад групы жанчын.

¹⁹ Зап. А. І. Ляшкевіч у 2016 г. на фестывалі “Покліч Палесся” ў в. Ляскавічы Петрыкаўскага р-на Гомельскай вобл. ад Блоцкай Кацярыны Сцяпанаўны, 1940 г. н., нар. і жыве ў в. Буразь Жыткавіцкага р-на Гомельскай вобл.

²⁰ Зап. А. І. Ляшкевіч у 2016 г. на фестывалі “Покліч Палесся” ў в. Ляскавічы Петрыкаўскага р-на Гомельскай вобл. ад Алены Дзянісаўны Яскевіч, 1960 г. н. і Галіны Кузьмінічны Хартановіч, 1957 г. н., нар. і жывуць у в. Дзятлавічы Лунінецкага р-на Брэсцкай вобл.

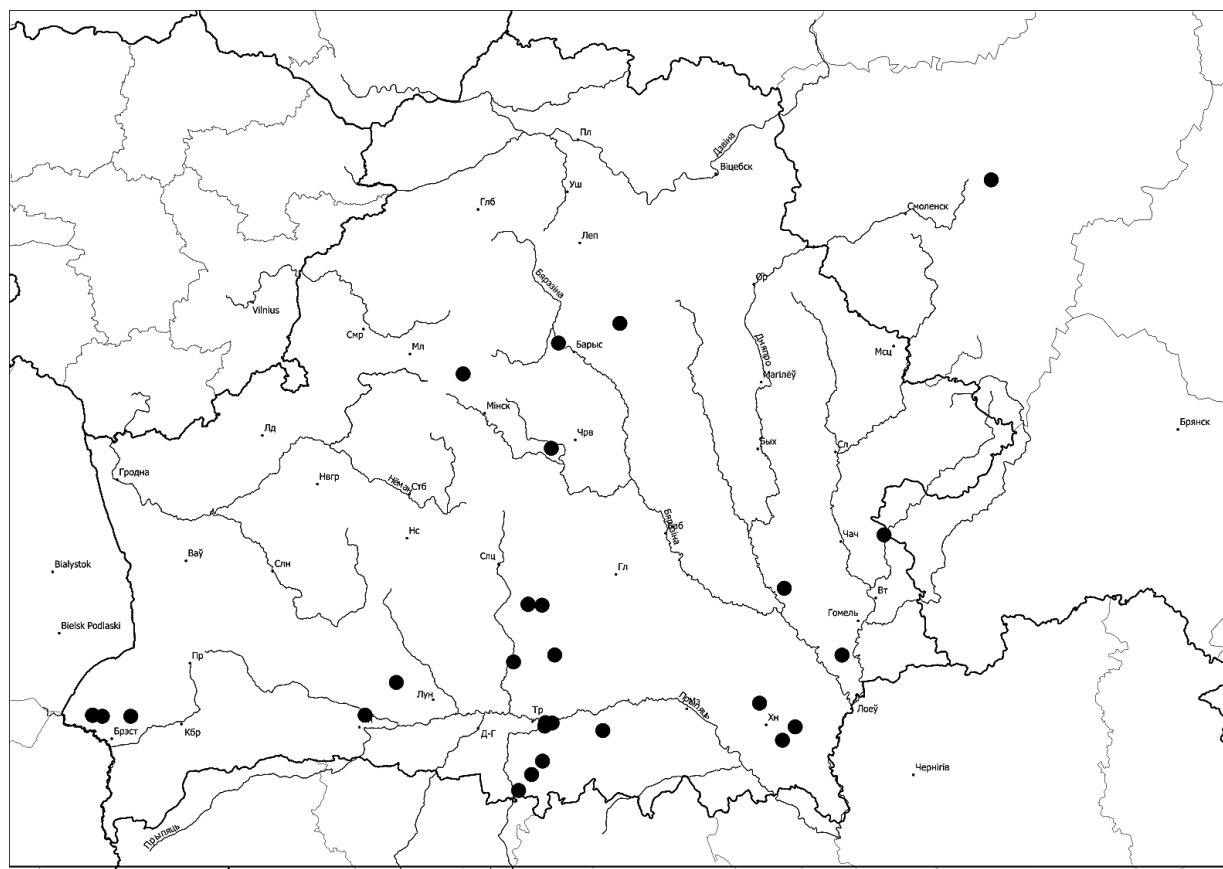
²¹ Зап. Т. В. Валодзіна ў 2004 г. у в. Дзяменічы Жабінкаўскага р-на Брэсцкай вобл. ад Саванеўскай Веры Навумаўны, 1934 г. н.

²² Зап. у в. Сякерычы Клецкага р-на ад Астахавай Вольгі Пятроўны, 1926 г. н.

²³ Зап. Т. І. Кухаронак у в. Клінок Чэрвенскага р-на ад Казачок Вольгі Аляксандраўны, 1932 г. н., мясц., 5 кл.

²⁴ Зап. Г. А. Арол у 2000 г. у в. Раўкуцевічы Мінскага р-на Мінскай вобл. ад Г. І. Міранковай 1913 г. н.

²⁵ Зап. Н. Дзямідка ў в. Ляшчыны Барысаўскага р-на Мінскай вобл. ад М. Д. Казак 1925 г. н.

Мал. 2. Гуканне вясны і спяванне вяснянак на Масленіцу ў Беларусі

Fig. 2. Calling for Spring and Singing Spring Songs on Shrovetide in Belarus

несэ, справлялы, хлопцы горілкі, мы закуску. Делаемо проводы Масленіцы, музыка, спева: *Весна красна з выраю выйшла, / Тэпло літэчко нам прынесла / Малым дэткам побіганнечко, / Старым бабкам пасідыннічко*²⁶. У в. Закальное Любанскага р-на: “Пудзіло пакуль гарыць – то масьленку паюць, а як упадзе – пачынаюць пець веснавыя песні. Это першы раз паюць вясну”²⁷ [11, с. 122]. У наступных расповядах провады (“замыканне”) зімы і сустрэча (“запусканне”) вясны выступаюць як адно і тое ж дзеянне: «Масленая нядзеля пачыналася з панядзелка... Калі садзіліся раніцай ў панядзелак за стол, то бацька гаварыў: “Благаславі, Божа, зіму замыкаці, вясну запускаяці”. А дзеці за старым гукалі: “Гу-у”²⁸» [28]; “Вясну пачыналі сьпяваць на Масьленку. Коні запрагуць, пасядуць у навозку ўзрослыя, едуць па сёлах і пяюць: вясну ўстрэчаюць, а зіму праважаюць”²⁹ [11, с. 122].

Непадзельнасць провадаў і сустрэчы адлюстроўваецца і ў песнях: “Сонэйко, выйды / Зыму зомыкаты... / Вэсну зоклікаты / Зымою – ў вазочку, / Вэсною – ў чаўночку, А ў цёплым леце – / У золотой карэце”³⁰ [27, с. 36]. “Благаславі, Божа, зіму замыкаці... / вясну заклікаці / Зімою ў вазочку, вясною ў чаўночку, / А ў цёплым леце – як у карэце...”³¹ [10, с. 78]. Загукальная песня з такім жа сюжэтам выконвалася ў в. Новае Палессе Лельчыцкага р-на на Стрэчанне [8, с. 109], а ў в. Белы Камень Касцюковіцкага р-на – на Благавешчанне [23, с. 57].

²⁶ Зап. Т. В. Валодзіна ў 2004 г. у в. Дзяменічы Жабінкаўскага р-на Брэсцкай вобл. ад Саванеўскай Веры Навумаўны, 1934 г. н.

¹¹⁷ Зап. С. Г. Выскварка ў в. Закальное Любанскага р-на Мінскай вобл. ад Марыі Ткачук, 1936 г. н.

²⁸ Зап. у в. Сякерычы Клецкага р-на ад Астахавай Вольгі Пятроўны, 1926 г. н.

²⁹ Зап. у в. Стараселле Крупскага р-на ад Аляксандрыны Шакуры, 1914 г. н.

³⁰ Зап. у в. Кустын Брэсцкага р-на ад Янчук Ганны Фёдаравы, 1931 г. н. бел., пісьм., правасл., мясц.

³¹ Зап. у 1999 г. студэнтка Н. Тальчук у в. Вялікі Бор Хойніцкага р-на Гомельскай вобл. ад Харошкі Праскоўкі Данілаўны, 1915 г. н.

У вёсках Пагост Жыткавіцкага р-на і Вялікае Малешава Столінскага р-на сустракаюцца звесткі, што на Масленіцу гукалі вясну з сырам у руках [8, с. 162].

Элементы вясновага навалецца на Палессі сустракаюцца ў абраднасці шэрагу свят, ад Грамніц да Ушэсця, у тым ліку прасочваюцца ў масленічных дзеях. Масленіца як адно са свят навалецца належыць да рытуалаў пераходу, асновамі якога выступаюць провады зімы і сустрэча вясны, якія ў палескай масленічнай абраднасці ўзаемазвязаны. Провады зімы на Палессі і ў памежных раёнах увасабляюцца спальваннем пудзіла, старызны, дэманстрацыяй адмыслова зробленай лялькі-пудзіла. Усходняе Палессе – адзін з кампактных арэалаў спальвання пудзіла на Масленіцу; другі арэал выдзяляецца ва ўсходняй частцы Паазер'я, адзінкавыя фіксацыі сустракаюцца на Магілёўшчыне і на памежжы з ёй. Гуканне вясны на Масленіцу з'яўляецца рэгіянальнай адметнасцю Палесся, сустракаецца таксама ў Цэнтральнай Беларусі і на Смаленшчыне. Сярод асаблівасцей масленічных гуканняў – выкананне вяснянак пры вогнішчы, у якім паляць пудзіла ці старызну, лакальна (Жыткавіцкі і Столінскі р-ны) – гуканне вясны з сырам у руках.

Такім чынам, у масленічных абрадах на Палессі спалучаюцца матывы провадаў зімы і гукання вясны, якія часта выступаюць як непадзельнае цэлае.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. – М. : Индрик, 2002. – 816 с.
2. Ван Геннеп, А. Обряды перехода / А. Ван Геннеп. – М. : Восточная лит., 2002. – 200 с.
3. Байбурун, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурун; НАН, Музей антропологии и этнографии им. П. Великого. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
4. Морозов, И. А. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. – М. : Индрик, 2004. – 920 с.
5. Соколова, В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. / В. К. Соколова. – М. : Наука, 1979. – 288 с.
6. Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён: дадат. да 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” / Л. І. Языковіч [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 160 с.
7. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Чачэрскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 622 с.
8. Валодзіна, Т. В. Каляндарныя святы, звычаі і абрады / Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак, І. Ю. Смірнова // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука ; Вышэйш. шк., 2001–2013. – Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе : у 2 кн. : Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.]. – 2012. – С. 23–157.
9. Новак, В. С. Рэгіянальна-лакальныя асаблівасці фальклорных традыцый Добрушчыны / В. С. Новак // Зямля чароўная дабра : Добрушскі край : гісторыя і сучаснасць / пад агул. рэд. А. А. Станкевіча. – Гомель: Полеспечать, 2008. – С. 161–259.
10. Хойнікшчыны спеўная душа: народная духоўная культура Хойніцкага краю: фальклор-этнаграф. зб. / пад агул. рэд. В. С. Новак. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. – 303 с.
11. Басько, В. І. Каляндарныя святы, звычаі і абрады / В. І. Басько, Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука ; Вышэйш. шк., 2001–2013. – Т. 5: Цэнтральная Беларусь : у 2 кн. : Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.]. – 2010. – С. 21–358.
12. Кухаронак, Т. І. Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў / Т. І. Кухаронак. – Мінск: Ураджай, 2001. – 239 с.
13. Можейко, З. Я. Песни белорусского Полесья: в 2 вып. Вып. 1 / З. Я. Можейко. – М. : Сов. композитор, 1983. – 184 с.
14. Барысаўшчына – гэта таксама Малое Палессе [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://barysau.by/?p=1028>. – Дата доступу: 07.09.2016.
15. Архіў рэспубліканскай грамадскай арганізацыі “Студэнцкае этнаграфічнае таварыства”. Аўдыяфайл 20150701_ML_01_Budcza_01.
16. Касцючык, В. М. Самабытныя моўныя адзінкі ў дыялектным і літаратурным кантэксце / В. М. Касцючык. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2013. – 124 с.
17. Басько, В. І. Масленіца / В. І. Басько, А. М. Боганева // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука ; Вышэйш. шк., 2001–2013. – Т. 2: Віцебскае Падзвінне / А. М. Боганева [і інш.]. – 2004. – С. 64–76.
18. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Ф. 23. Воп. 15. Спр. 4. Арк. 3.
19. Валодзіна, Т. В. Салома / Т. В. Валодзіна // Беларуская міфалогія: энцыкл. слоўнік / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларус, 2004. – С. 448–449.
20. Барвенава, Г. Асноўныя памылкі рэжысёраў сучасных святаў у выкарыстанні народнага касцюма / Г. Барвенава // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання : матэрыялы VII Міжнар. навук. канф., Мінск, 26–28 красавіка 2013 г. / БДУКМ; рэдкал.: Языковіч В. Р. (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2013. – С. 157–161.

21. Басько, В. І. Каляндарныя святы, звычаі і абрады / В. І. Басько, Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука ; Вышэйш. шк., 2001–2013. – Т. 4. Брэсцкае Палессе : у 2 кн. Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.]. – 2008. – С. 19–244.
22. Прыбылова, В. М. Музычны ландшафт песенна-абрадавых традыцый Масленіцы Верхняга Падняпроўя / В. М. Прыбылова. – Мінск : Беларус. дзярж. акад. музыкі, 2010. – 151 с.
23. Басько, В. І. Каляндарныя звычаі і абрады / В. І. Басько, Т. Б. Варфаламеева // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука ; Вышэйш. шк., 2001–2013. – Т. 1 : Магілёўскае Падняпроўе / В. І. Басько [і інш.]. – 2001. – С. 17–184.
24. Басько, В. І. Каляндарныя святы, звычаі і абрады / В. І. Басько, Т. І. Кухаронак // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэдкал.: Т. Б. Варфаламеева (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука ; Вышэйш. шк., 2001–2013. – Т. 3. : Гродзенскае Панямонне : у 2 кн. : Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.]. – 2006. – С. 21–262.
25. Гульні, забавы, ігрышчы / уклад. А. Ю. Лозка. – 3-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 534 с. – (Беларуская народная творчасць).
26. Фальклор прыпяцкага запаведніка / уклад. І. В. Глушэц [і інш.]. – Гомель : Гомел. абласны цэнтр народнай творчасці, 2013. – 78 с.
27. Народныя святы Берасцейшчыны // Астрэмчаўскі рукапіс. Брэсцкі раённы краязнаўчы альманах. – 2014. – № 1 – С. 31–38.
28. Фальклорны архіў Дзяржаўнай установы “Мінскі абласны цэнтр народнай творчасці”. Сш. 7–1.
29. Фальклорны архіў Дзяржаўнай установы “Мінскі абласны цэнтр народнай творчасці”. Сш. 22–1. Арк. 56.
30. Доўнар-Запольская, А. М. Захаванасць старажытных элементаў у масленічным комплексе (Палессе) / А. М. Доўнар-Запольская // Рэгіянальныя асаблівасці фальклору і літаратуры славянскіх народаў: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гомель, 23–24 красавіка 2004 г. / пад рэд. І. Ф. Штэйнера. – Гомель : ГДУ імя Ф.Скарыны, 2004. – С. 208–211.

References

1. Agapkina T. A., *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria: vesenne-letnii tsykl* [Mythical and Poetic Basis of Slavic Folk Calendar: The Spring-summer Cycle], Indrik, Moscow, RU, 2002.
2. Van Gennepe A., *Obriady perekhoda* [Rites of Passage], Vostochnaia literatura, Moscow, RU, 2002.
3. Baiburin A. K., *Ritual v traditsionnoi culture* [Ritual in Traditional Culture], Nauka, SPb, RU, 1993.
4. Morozov I. A., Sleptsova I. S., *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severorusskogo krest'ianina (XIX–XX vv.)* [Circle of Game. Feast and Game in the life of the Russian Northern Peasant (19th – 20th Centuries)], Indrik, Moscow, RU, 2004.
5. Sokolova V. K., *Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukrainsev i belorusov. XIX – nachalo XX vv.* [Spring-summer Calendar Rites of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – early 20th centuries], Nauka, Moscow, RU, 1979.
6. Iazykovich L. I., *Atlas gistoryi Belarusi ad starazhytnastsi da nashykh dzen: datat. da 6-tomnai “Entsyklapedyii gistoryi Belarusi”* [Atlas of the History of Belarus from Antiquity to the Present Time: A Supplement to the 6-volume Encyclopedia of the History of Belarus], Belaruskaia entsyklapedyia, Minsk, BY, 2004.
7. *Pamiats': gistoryka-dakumental'naia khronika Chacherskaga raena* [Memory: A Historical-documental Chronicle of Chechersk District], BELTA, Minsk, BY, 2000.
8. Valodzina T. V., Kukharonak T. I., Smirnova I. I., “Calendar feasts, customs, rites”, in Varfalameeva T. B. (ed.), *Traditsyinaia mastatskaia kultura belarusaŭ: tom 6. Gomel'skae Palesse i Padniaproŭe : u 2 knigakh : kniga 1* [Traditional Art culture of Belarus: Vol. 6: Polesie and the Dnieper Land in Gomel Region: in 2 books : Book 1], Vysheishaia shkola, Minsk, BY, 2012, pp. 23–157.
9. Novak V. S., “Regional and Local Peculiarities of Folk Traditions in Dobrush District”, in *Ziamlia charoŭnaia dabra: Dobrushski kraj: gistoryia i suchasnasts'* [The Fairy Land of Kindness: Dobrush District: A History and Present Times], Polespechat', Homiel, BY, 2008, pp. 161–259.
10. Novak V. S. (ed.), *Khoïnikshchyny speŭnaia dusha: narodnaia dukhoŭnaia kul'tura Choinikskaga kraiu: fal'klor.-etnagraf. zb.* [The Singing Soul of Choiniki District: The People's Spiritual Culture: A Folk and Ethnographic Collection], Vyd. tsentr BSU, Minsk, BY, 2010.
11. Bas'ko V. I., Valodzina T. V., Kukharonak T. I., “Calendar feasts, customs, rites”, in Varfalameeva T. B. (ed.), *Traditsyinaia mastatskaia kultura belarusaŭ: tom 5. Central'naia Belarus: u 2 knigakh: kniga 1* [Traditional Art Culture of Belarus: Vol. 5: Central Belarus: in 2 books: Book 1], Vysheishaia shkola, Minsk, BY, 2010, pp. 21 – 358.
12. Kukharonak T. I., *Maski u kaliandarnai abradnastsi belarusaŭ* [Masks in Belarusians' Calendar Rites], Uradzhai, Minsk, BY, 2001.
13. Mozheiko, Z. Ia., *Pesni belorusskogo Poles'ia: vyp. 2* [Songs of Byelorussian Polesie, Issue 2], Sov. Compozitor, Moscow, RU, 1983.
14. “The Land of Borisov is Part of Small Polesie”, available at: <http://barysau.by/?p=1028>, (Accessed 07 September 2016).
15. “Audio file 20150701_ML_01_Budcza_01”, in *Archiŭ respublikanskai gramadskai arganizatsyi “Studentskae etnagrafichnae tavarystva”* [Archive of the Students' Ethnographic Association, a national NGO], Minsk, BY, 2015.

16. Kastsyuchyk V. M., *Samabytnyia moŭnyia adzinki ŷ dušalektnym š litaraturnym kankteksyie* [Original Linguistic Units in Dialectal and Literary Context], BrSU, Brest, BY, 2013.

17. Bas'ko V. I., Boganieva A. M., "Shrovetide", in Varfalameeva T. B. (ed.), *Tradytyšinaia mastatskaia kul'tura belarusaŷ: tom 2. Vitsebskae Padzvinne* [Traditional Art Culture of Belarus: Vol. 2: The Dvina Land of Vitebsk], Bel. navuka, Minsk, BY, 2004, pp. 64–76.

18. "F. 23, inv. 15, c. 4, p. 3", in Arkhiŷ Instytuta mastatstvaznaŷstva, etnagrafii i fal'klory imia Kandrata Krapivy Nacyianal'nai akademii navuk Belarusi [Archive of the Institute for Arts, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus], Minsk, BY, 2015.

19. Valodzina T. V., "Straw", in San'ko S., Valodzina T., Vasilevich U., *Belaruskaia mifalogiia: entsyklapedychny sloŷnik* [Belarusian Mythology: An Encyclopedic Dictionary], Belarus, Minsk, BY, 2004, pp. 448–449.

20. Barvenava G., "The Most Common Mistakes in Using Folk Costumes by Directors Staging Modern Feasts", in Iazykovich L. I. (ed.), *Zb. navuk. prats udz. VII Mizhnar. navuk. canf. "Autentychny fal'klor: prablemy zakhavannia, vyvuchennia, usprymannia* [Proc. Of the 7th Int. Conf. "Authentic Folklore: Problems of Preservation, Research, and Perception"], BSU of Culture and Arts, Minsk, BY, 2013, pp. 157–161.

21. Bas'ko V. I., Valodzina T. V., Kukharonak T. I., "Calendar feasts, customs, rites", in Varfalameeva T. B. (ed.), *Tradytyšinaia mastatskaia kul'tura belarusaŷ: tom 4. Brestskae Palesse: u 2 knigakh : kniga 1* [Traditional Art Culture of Belarus: Vol. 4: Brest Polesie: in 2 books: Book 1], Vysheishaia shkola, Minsk, BY, 2008, pp. 19–244.

22. Prybylova V. M., *Muzychny landshaft pesenna-abradavykh tradytsy Maslenitsy Verkhniaga Padniaproŷia* [Music Landscape of Singing and Ritual Traditions of Maslenitsa in the Lower Dnieper Land], Belarusian State Academy of Music, Minsk, BY, 2010.

23. Bas'ko V. I., Varfalameeva T. B., "Calendar Customs and Rites", in Varfalameeva T. B. (ed.), *Tradytyšinaia mastatskaia kul'tura belarusaŷ: tom 1. Magileŷskae Padniaproŷe* [Traditional Art Culture of Belarus: Vol. 1: The Dnieper Land of Mogilev], Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2001, pp. 17–184.

24. Bas'ko V. I., Kukharonak T. I., "Calendar Feasts, Customs, and Rites", in Varfalameeva T. B. (ed.), *Tradytyšinaia mastatskaia kul'tura belarusaŷ: tom 3. Grodzenskae Paniamonne: u 2 knigakh : kniga 1* [Traditional Art Culture of Belarus: Vol. 3: The Neman Land of Grodno: in 2 books : Book 1], Vysheishaia shkola, Minsk, BY, 2006, pp. 21 – 262.

25. Lozka A. J., Gul'ni, zabavy, igryshchy [Games, Entertainment, and Merrymaking], *Seryia "Belaruskaia narodnaia tvorchastsi"* [The Belarusian Folk Art Series], 3rd ed., Belaruskaia navuka, Minsk, BY, 2003.

26. Hlushets I. V., Mel'nikava, L., Loi, G. P., *Fal'klor prypiatskaga zapavednika* [The Folklore of the Prypiats Reserve], Gomel'ski ablasny tsentr narodnai tvorchastsi, Homiel, BY, 2013.

27. "Folk Feasts of Brest Region", in *Astramechaŷski rukapis. Brestski raenny kraiznaŷchy al'manakh* [Manuscript from Ostromechevo. The Local history Almanac of Brest Region], Brest, BY, 2014, no. 1, pp. 31–38.

28. Sshytak 7-1 [Notebook 7-1], in *Fal'klorny arkhiŷ dziazhaŷnai ustanovy "Minski ablasny tsentr narodnai tvorchastsi"* [Folklore Archive of the Minsk Regional Folk Art Center], Minsk, BY

29. Sshytak 22-1, ar. 56 [Notebook 7-1, p. 56], in *Fal'klorny arkhiŷ dziazhaŷnai ustanovy "Minski ablasny tsentr narodnai tvorchastsi"* [Folklore Archive of the Minsk Regional Folk Art Center], Minsk, BY

30. Doŷnar-Zapol'skaia A. M., "Preservation of Archaic Elements in the Set of Maslenitsa Rites (Polesie)", in Shteyner I. F. (ed.), *Materyialy Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi "Rehijanalnyja asablivasci falkloru i litaratury slavianskich narodau"* [Proc. Of the Int. Conf. "Regional Peculiarities of the Folklore and Literature of the Slavic Peoples"], Homiel state university, Homiel, BY, 2004, pp. 208 – 211.

Информация об авторе

Лешкевич Елена Игоревна – аспирант. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : sionniaviecier@gmail.com.

Information about the author

Leshkevich Elena Igorevna, Postgraduate Student, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Sarganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: sionniaviecier@gmail.com.

Для цитирования

Ляшкевіч, А. І. Тэмы провадаў зімы і сустрэчы вясны ў масленічных абрадах беларускага Палесся / А. І. Ляшкевіч // Вesc. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 82–90.

For citation

Leshkevich Ye. I. Motives of Bidding Farewell to Winter and Greeting Spring in Shrovetide Rites in Belarusian Polesie Region. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 82–90.

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 82.09:82-145

Паступіў у рэдакцыю 19.04.2016

Received 19.04.2016

А. С. Панфілава*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь***ГЕРМЕНЕЎТЫКА ЖАНРУ ФІЛАСОФСКОЙ ЛІРЫКІ**

Проблема терминологического определения понятия «философская лирика» исследуется в контексте с такими категориями поэтики литературы, как жанр, стиль, художественный метод. В современных литературоведческих исследованиях, посвященных философским аспектам белорусской литературы, отсутствует однозначное определение понятия «философская лирика», которое часто заменяется другими: интеллектуальная лирика, поэзия мысли, медитативная лирика, философско-медитативный лироэпос, научная лирика, поэзия постижения, размышляющая лирика. В литературоведческих исследованиях выделяются три магистральных подхода в изучении философской лирики: рецептивный, типологический и исторический. Аналитический обзор основных подходов в рассмотрении художественной структуры философской лирики дает основания характеризовать ее как универсальную и синкретическую. На основе анализа исследовательских стратегий белорусских и русских литературоведов выделены характерные особенности изучения философской лирики.

Ключевые слова: философская лирика, терминологическая нестабильность, жанр, исторический метод, интеллектуализм.

A. S. Panfilova*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***HERMENEUTICS OF THE PHILOSOPHICAL LYRICS GENRE**

The problem of the terminological definition of “philosophical lyrics” is studied in the context of such categories of the literature poetics as genre, style and artistic technique. In modern literary studies which consider the philosophical aspects of Belarusian literature, there is no unequivocal definition for the concept of “philosophical lyrics;” it is often replaced by other concepts: intelligent lyrics, poetry of thoughts, meditative lyricism, philosophical and meditative lyro-epos, scientific poetry, metaphysical poetry, spiritual and irrational poetry, poetry of comprehension, and contemplating lyrics. There are three main approaches to the study of philosophical lyrics: receptive, typological, and historical. The analytical review of the main approaches to the consideration of the artistic structure of philosophical lyrics makes it possible to speak about its universal and syncretic character. Based on the analysis of research strategies used by Belarusian and Russian literary scientists, distinct characteristics of philosophical lyrics have been identified.

Keywords: philosophical lyrics, terminological instability, genre, historical approach, intellectualism.

Сучасныя навуковыя веды маюць выражаны сінкрэтычны характар: гуманітарныя навукі арыентаваны на сціранне міждысцыплінарных межаў, пераадоленне інстытуалізацыі гуманітарных ведаў. Мовацэнтрызм як даследчыцкая стратэгія выступае яднаючым фактарам разнастайных галін гуманітарыстыкі. У сучасных даследаваннях адзначаюцца ўзаемадзеянні літаратуразнаўства з лінгвістыкай, культуралогіяй, семіётыкай, сацыялогіяй, псіхалогіяй, філасофіяй. Асобнай манаграфіяй у 2014 годзе выйшла праца доктара філалагічных навук, прафесара М. А.Тычыны “Філасофія літаратуры”, прысвечаная выяўленню філасофскага зместу праблем літаратурнай тэорыі, тэарэтыка-канцэптуальнаму асэнсаванню сучаснай літаратурна-мастацкай сітуацыі і вызначэнню глыбінных тэндэнцый і інавацыйных стратэгіяў.

Мастацкая літаратура, як і філасофія, выклікае падзейнасць думкі, але ў адрозненне ад апошняй не карыстаецца наборам аргументаў, якія можна пераняць у Платона, Канта, Гегеля і іншых філосафаў, а зыходзіць з падзейнасці самой мовы. Так сціраюцца межы паміж уласна філасофскім творам і творам мастацкай літаратуры ў класічным яго разуменні.

Асабліва цеснае ўзаемадзеянне філасофіі і літаратуры адбываецца з сярэдзіны XIX ст., менавіта ў гэты час пачынаюць фарміравацца філасофска афарбаваныя літаратурныя плыні. Так, у рускай літаратуры філасофская лірыка актыўна развіваецца дзякуючы дзейнасці гуртка

“Общество любомудрия”. Удзельнікаў гуртка – Д. Венецінава, А. Кашалёва, У. Адоеўскага, С. Хамякова – аб’ядноўвала цікавасць да ідэі нямецкага рамантызму аб збліжэнні філасофіі і паэзіі. З’яўляецца шэраг мысліцеляў, творчасць якіх складана аднесці толькі да адной гуманітарнай сферы. Філасафы ўсё больш імкнуцца да паэтычнага афармлення сваёй думкі (так, Ф. Ніцшэ рэалізаваў свае паэтычныя здольнасці ў працах “Вясёлая навука”, “Так казаў Заратустра”, У. Салаўёў развіваў свае ідэі ў лірычнай форме). Паэзія ўскладняецца, дысцыплінарныя каноны парушаюцца. Гельдэрлін сродкамі паэзіі фармуляваў філасофскія ідэі і стаў пачынальнікам традыцыі нямецкай паэтычнай філасофіі, да якой належалі Наваліс, Тракль, Рыльке, Цэллан. Пра значнасць узаемадзеяння філасофіі і паэзіі пісалі філасафы М. Хайдэгер (“Тлумачэнні да паэзіі Гельдэрліна”), М. Бланшо (“Прастора літаратуры”), А. Бадью (“Маніфест філасофіі”), Ж. Дэррыда (“Ці ёсць у філасофіі свая мова?”) і інш. Філасофія экзістэнцыялізму выйшла за межы трактатаў М. Хайдэгера і К. Ясперса і развівалася ў драматургіі і прозе А. Камю, Ж.-П. Сартра і інш.

У сучасных літаратуразнаўчых даследаваннях, прысвечаных філасофскім аспектам беларускай літаратуры, адсутнічае адназначнае значэнне паняцця “філасофская лірыка”, якое часта замяняецца іншымі: інтэлектуальная лірыка [7], паэзія думкі [14], медытатывная лірыка [16], філасофска-медытатывны ліраэпас [19], навуковая лірыка, метафізічная лірыка, духоўна-ірацыянальная лірыка, паэзія спасціжэння, роздумная лірыка. Складанасць у значэнні тэрміна шмат у чым абумоўлена неаднароднасцю эмпірычнага матэрыялу, што выклікае патрэбу ў яго ўмоўнай каталагізацыі. Праблема вызначэння змястоўных і фармальных межаў філасофскай лірыкі мае выхад на праблему тэорыі жанру, на выпрацоўку аптымальнай метадалагічнай стратэгіі.

На неадназначнасць разумення асобных тэрэтыка-літаратурных тэрмінаў (такіх, як “метад”, “напрамак”, “від”, “жанр” і інш.) рознымі даследчыкамі мастацкай літаратуры звярталі ўвагу В. П. Рагойша [17, с. 77–78], Я. А. Гарадніцкі [7, с. 402].

Паводле назірання ўкраінскага літаратуразнаўцы І. У. Козліка, “у даволі вялікай колькасці літаратуразнаўчых прац альбо проста ўзнаўляюцца састарэлыя тэрэтыка-літаратурныя канцэпцыі (зноў і зноў тлумачыцца іх логіка і даказваецца іх сапраўднасць; у гэтым выпадку спрацоўвае фактар аўтарытэтнасці), альбо на канкрэтным гісторыка-літаратурным матэрыяле тэрэтычныя пастулаты ці дэфініцыі ілюструюцца без усведамлення праблематычнасці прадстаўляемых імі тэрэтычных канцэпцый (у гэтым выпадку тэрэтычная база бярэцца гатовай і толькі “прыкладаецца” да канкрэтнага эмпірычнага матэрыялу)” [13, с. 4] (тут і далей пераклад А. С. Панфілавай).

У залежнасці ад метадалагічнай устаноўкі даследчыка і ўзроўню навуковай абстракцыі адрозніваецца вызначэнне структурнай прыналежнасці твора, а само паняцце “філасофская лірыка” напаяняецца розным зместам. У сучасных даследаваннях вылучаюцца тры магістральныя падыходы да вывучэння філасофскай лірыкі: рэцэптыўны, тыпалагічны і гістарычны.

Рэцэптыўны падыход у значэнні тэрміна “філасофская лірыка” прадстаўлены канцэпцыяй прасторавага разумення жанру, распрацаванай І. У. Козлікам у манаграфіі “Тэрэтычнае вывучэнне філасофскай лірыкі і актуальныя праблемы сучаснага літаратуразнаўства” (2011). Пад філасофскім лірычным творам разумееца верш, у якім для адэкватнага ўспрымання рэцэпіентам і аналізу патрабуецца свядомае рэканструяванне жанравай прасторы, аднароднай па родавым паходжанні і вектары тэматызацыі. У сувязі з разнастайнасцю паэтычных форм, у якіх увабляецца філасофская лірыка, І. У. Козлік прапаноўвае размежаваць паняцці жанру як віду роду альбо тыпу твора і жанру як тэндэнцыі, што рэалізуецца ў вялікай гісторыка-літаратурнай прасторы, разнастайнай па сваім тэкставым матэрыяле. Дзякуючы такому аспекту разгляду асноўная ўвага пры аналізе лірычных тэкстаў пераносіцца з праблемна-тэматычнага на мастацка-зместавы вектар яго тэматызацыі. Жанравыя мадыфікацыі філасофскай лірыкі часта ўзнікаюць у смежных прадметна-тэматычных сферах і пры гэтым застаюцца дыферэнцыйнымі відамі аднаго роду. Так, філасофская лірыка з моманту з’яўлення літаратуры рэалізоўвалася як лірыка рэлігійна-філасофская, маральна-філасофская, любоўна-філасофская, пейзажна-філасофская і інш. Структурастваральным фактарам аднесенасці да філасофскай лірыкі выступае тэма, а не прадмет.

У межах тыпалагічнага падыходу ў сферу даследавання трапляюць універсальныя структурныя і тэматычныя прыкметы філасофскай лірыкі. У працы даследчыцы Р. С. Співак [18, с. 12] за структурастваральны крытэрыі філасофскай лірыкі прымаецца прадмет мастацкага выяўлення, у якасці якога выступаюць родавыя, сутнасныя асаблівасці свядомасці чалавека. Філасофская лірыка разглядаецца як структурны варыянт лірыкі, прадмету выяўлення надаецца большае значэнне, чым тэме. Г. М. Паспелаў [15, с. 92] разглядае філасофскую лірыку разам з лірычнымі творамі псіхалагічнага і маральна-грамадскага ідэйнага зместу як разнавіднасць лірыкі рэфлексіўна-медытатыўнага тыпу. Крытэрыем аднесенасці да філасофскай лірыкі выступае канкрэтны змест.

Гістарычны падыход да філасофскай лірыкі патрабуе звароту да гістарычнага кантэксту твора. Пошук вытокаў і шляхоў станаўлення філасофскай лірыкі ў рускай літаратуры прадстаўлены працамі В. М. Жырмунскага, Л. Я. Гінзбург, Я. А. Маймін. Структурастваральным фактарам аднесенасці да філасофскай лірыкі выступаюць тэма і асноўныя ідэі, закладзеныя ў творы. Даследчыкі вылучаюць у рускай філасофскай паэзіі XIX ст. анталагічныя пытанні жыцця і смерці, натурфіласофскую праблематыку. Працэс выпрацоўкі стылю філасофскага верша адбываўся ў перыяд ломкі класіцыстычнай жанравай сістэмы. Вытокі жанравых рыс філасофскага верша даследчыкі бачаць у архаічным стыле оды, лірычнай медытацыі – у сузіральнасці элегіі. Выкарыстанне гістарычнага падыходу пры аналізе літаратурных з’яў патрабуе зыходзіць з пазіцыі эвалюцыянізму: новы жыццёвы матэрыял увасабляецца ў новай форме, таму пошук крытэрыю аднесенасці да філасофскай лірыкі ў форме твора ці яго змесце для гістарычнага падыходу не актуальны.

У беларускім літаратуразнаўстве адной з першых прац, прысвечаных беларускай філасофскай паэзіі, з’яўляецца манаграфія Л. Я. Гараніна “Філасофскія пошукі ў беларускай літаратуры” (1984). Даследчык вылучае тры ўзроўні разумення “філасофскае” ў літаратуразнаўстве. Першы, “маральна-этычны ўзровень” філасофскай праблематыкі ў літаратуры найбольш шырокі і шматзначны па сваім змесце. На гэтым узроўні праяўляецца “схаваная ў творы думка (мастака, героя) пра чалавека і свет” [8, с. 44]. Змест тэрміна “філасофскі” на гэтым узроўні мае ацэначны характар: так часта характарызуюць у літаратурнай крытыцы глыбокія і ёмістыя па сваім мастацкім змесце творы. Трэба адзначыць, што на такім узроўні разумення адбываецца падмена паняцця “філасофскі” паняццем “высокамастацкі”, але факт прыналежнасці твора да філасофскай лірыкі не з’яўляецца паказчыкам яго ідэйнай сталасці ці высокага мастацкага майстэрства. На другім узроўні разумення мастацкі твор разглядаецца на прадмет увасаблення светапоглядных і філасофскіх устаноў пільнага пісьменніка, аналізуецца пераважна ідэйная складаючая твора. Як адзначае Л. Я. Гаранін, такое разуменне паняцця “філасофская літаратура” належыць эстэтыцы і тэорыі літаратуры. Аднак даследаванне толькі філасофска-эстэтычных поглядаў пісьменніка належыць да гісторыка-літаратурных задач, а не да тэорыі літаратуры, бо сувязь філасофскіх поглядаў з іх мастацкім увасабленнем апасродкаваная. Расійскі літаратуразнавец У. В. Агеносаў у сувязі з гэтым адзначаў: “Вобразна-мастацкая сістэма Чарнышэўскага і Дастаеўскага была нашмат больш філасафічная, чым іх навукова-тэарэтычныя погляды. Іншымі словамі, абагульненне і пазнанне ў мастацтве не разрываюць сувязі з мастацкім вобразам” [1, с. 5]. Уплыў пэўнай філасофскай сістэмы характэрны для кожнага мастацкага твора ў розныя эпохі і таму не можа выступаць маркіруючым фактарам прыналежнасці да канкрэтнага літаратурнага жанру. Трэці ўзровень разумення Л. Я. Гаранін звязвае з “вылучэннем філасофскай праблематыкі (канцэпцый, ідэй, жыццёвых прынцыпаў і прынцыпаў мастацкага пазнання) у самастойную сферу мысленчай дзейнасці, з ператварэннем яе ў спецыфічны аб’ект мастацкага мыслення” [8, с. 14]. Крытэрыем аднесенасці твора да філасофскай лірыкі выступае дамінанта філасофскага канцэпту ў прадметна-стылявой структуры твора. Філасофскае разглядаецца ў адзінстве зместу і мастацкай формы. Такі падыход пры аналізе твораў выкарыстоўваецца ў шматлікіх даследаваннях беларускай паэзіі. Аднак паняцце філасофскай праблематыкі даследчыкі вельмі часта пашыраюць да ўсёй сферы духоўнай дзейнасці, уключаючы маральную, рэлігійную, сацыяльную і інш. Такім чынам адбываецца падмена філасофскага інтэлектуальным і прадмет паняцця “філасофскае” аказваецца няпэўным, размытым, таму акцэнт пераносіцца з прадметнага на тэматычны бок.

Я. А. Гарадніцкі ў манаграфіі “Думка і вобраз. Праблема інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы” (1986) прапаноўвае разглядаць паняцці “філасофская лірыка” і “паэзія думкі” як два бакі аднаго літаратурнага працэсу інтэлектуалізацыі лірыкі. Паняцце “паэзія думкі” шырокае і ўключае ў сябе і “філасофскую лірыку” ў тым ліку, разам з тым філасофскі светапогляд паэта можа вызначаць творчасць паэта ў цэлым [6, с. 9]. Трэба адзначыць, што тэрмін “паэзія думкі” ўвёў А. С. Пушкін, калі характарызаваў паэзію Я. А. Баратынскага. Паэзія пачуцця проціпастаўлялася паэзіі думкі, якая тлумачыла сутнасць з’яў, мысліла, у якой прадметам мастацкага даследавання становіцца сама думка. Баратынскі лічыў гэтыя ўласцівасці неад’емным складнікам сапраўднай паэзіі ўвогуле, прызначэнне якой у вытлумачэнні незямных, вышэйшых ісцін. Пад філасофскай лірыкай Я. А. Гарадніцкі разумее “тыя вершы, у якіх мастацкая думка паэта асвятляе тыя або іншыя спецыфічныя быццёвыя пытанні: жыццё і смерць, вечнасць, час, дабро і зло, прыгажосць, адносіны чалавека да прыроды” [6, с. 10]. Паняцце філасофскага прадстаўлена вельмі шырока, таму даследчык вымушаны казаць аб сціранні граняў паміж філасофскай лірыкай і іншымі жанрамі паэзіі, аб узбагачэнні іх філасофскім гучаннем, новым адценнем праблематыкі. Падмена філасофскага інтэлектуальным адбываецца, на нашу думку, з-за падмены прадметнага ідэйна-тэматычным.

І. У. Козлік размяжоўвае паняцці філасафізму і філасофскай лірыкі. Пад першым разумеецца атрыбут, прыкмета паэтычнага свету і лірычнай сістэмы канкрэтнага аўтара. У гэтым значэнні ён можа суіснаваць з іншымі прыкметамі: сімвалізмам, панегірызмам, дыдактызмам і інш. Такі філасафізм, як і блізкасць паэта да пэўных філасофскіх вучэнняў, не абавязкова ўзрасце да ўзроўню філасофскай лірыкі. Паняцце “філасофская лірыка” належыць да канцэптuallyна-тэрміналагічных намінантаў, што азначаюць асобны літаратурна-мастацкі феномен з мэтай яго размежавання з іншымі літаратурна-мастацкімі з’явамі [13, с. 36].

Ю. Б. Бораў пад інтэлектуалізмам разумее змястоўна-стылістычныя асаблівасці літаратуры, якія ўзнікаюць праз насычэнне твора філасофскім пачаткам. Гэта спосаб мастацкага мыслення, які мае асаблівыя мэты, форму і стылістыку, уздзеянне на рэцэпіента [5, с. 156]. Інтэлектуалізм як яднанне філасофскага і мастацкага пачаткаў у сваіх традыцыях засноўваецца на літаратуры Асветніцтва: Д. Дзідро, Д. Дэфо, Г. Лесінг, у беларускай літаратуры – гэта паэтычная творчасць Кірылы Тураўскага, насычаная біблейскімі рэмінісцэнцыямі і алузіямі, барочная дыдактычная паэзія С. Полацкага і інш.

А. С. Бязлепкіна звязвае інтэлектуалізм у сучаснай літаратуры з “канцэптuallyнасцю, арыентацыяй пісьменніка на спазнанне свету праз розум, на закадзіраванасць літаратурнага тэксту з разлікам на інтэлектуальнага чытача, на гульню з чытачом, імкненне прасачыць скразную думку часу, ускосна ўбачыць праблемы сучаснасці праз сістэму вобразаў-сімвалаў” [11, с. 73]. Дадзенае азначэнне характарызуе постмадэрнісцкую тэхніку пісьма, што ўключала ў сябе і выкарыстанне метаду інтэлектуалізму.

І. А. Бажок у артыкуле “Інтэлектуалізм у сучаснай беларускай паэзіі” [2, с. 86–90] вылучае некалькі яго тыпаў: высокі інтэлектуалізм (глыбокі філасафізм, моцная аўтарская канцэпцыя быцця; прадстаўлены творчасцю У. Караткевіча); духоўны інтэлектуалізм (тэма веры і аўтарская ўпэўненасць у адраджэнні праз духоўнае; творчасць Р. Барадуліна); востры інтэлектуалізм (як рэакцыя на жыццёвыя і мастацкія рэаліі, можа мець сатырычны, парадыйны, камічны характар; пародыі А. Зэкава); вытанчаны інтэлектуалізм (эстэтычны падыход да кожнага радка, моцная метафорыка верша; творчасць Г. Булыка, М. Барадзіной, В. Трэнас); чысты інтэлектуалізм (аўтар імкнецца ачысціць паэзію ад пустаслоўя, звяртаецца да магчымасцей слова; прадстаўлены паэзіяй І. Бабкова, М. Баярына); гульнёвы інтэлектуалізм (мэта аўтара – мастацкая гульня з формай і зместам; прадстаўлена паэзіяй творчай суполкі “Бум-Бам-Літ”). Прыведзеная разнастайная палітра тыпаў інтэлектуалізму ў беларускай літаратуры сведчыць пра арыгінальнасць творчых індывідуальнасцей. Пад тэрмінам “інтэлектуалізм” трэба разумець творчы метады як тып духоўна-практычнага вопыту, творча засвоены пісьменнікам у якасці прынцыпу, праз прызму якога перапрацоўваецца ўсё, што аказваецца ў сферы яго творчага ўспрымання. Творчы метады вызначае структуру мастацкага зместу, з яго вынікаюць тэма і стыль. Філасофская лірыка як цэласная мастацкая структура, якая

выконвае функцыю мадэлявання рэчаіснасці, выкарыстоўвае ў тым ліку і творчы метада інтэлектуалізму. На нашу думку, з'яўленне тэрміна “інтэлектуальная лірыка” звязана з экстрапаляцый канкрэтнага метада на ўсю мастацкую структуру і абагульненнем яго да ўзроўню жанру.

В. П. Рагойша ў літаратуразнаўчым даведніку “Паэтычны слоўнік” (2004) разглядае лірычны жанр перш за ўсё як тып мастацкай формы і ў залежнасці ад канкрэтнага зместу вылучае жанравыя разнавіднасці. Так, у межах артыкула “Лірыка” філасофская лірыка вылучаецца ў асобную разнавіднасць на падставе зместу, як самастойны жанр у асобным артыкуле разглядаецца медытатыўная лірыка. Паводле даведніка, медытацыя – жанр філасофскай лірыкі, у якім перадаецца глыбокі роздум паэта аб некаторых важных праблемах (жыццё і смерць, дружба і каханне, чалавек і прырода і г.д.); пачынальнікамі жанру лічацца М. Багдановіч, Я. Купала [16, с. 477]. Аналагічная дэфініцыя прадстаўлена і ў расійскім “Паэтычным слоўніку” А. Квяткоўскага, прадстаўнікамі жанру названы К. Бацюшкаў, Я. Баратынскі, А. Пушкін, М. Лермантаў, Ф. Цютчаў, А. Блок, Г. Ахматава, М. Забалоцкі і інш. [12, с. 152]. А. С. Івашчанка ў манаграфіі “Паэтыка Алеся Разанава: між медытацыяй і рацыяй” на матэрыяле творчасці А. Разанава прапануе размежаваць паняцці “медытатыўны верш” і “верш-развага (роздум)” на падставе “дыяметральнай адрознасці тэкстастваральных падыходаў – медытатыўнага (заснаванага на інтуітыўнасці і назіральнасці) і разумова-рацыяналістычнага (скіраванага да фармулявання і раскрыцця пэўных ідэй, канцэптаў, усталявання прычынна-выніковых сувязей паміж прадметамі і з’явамі рэчаіснасці і г. д.)” [10, с. 112]. Тэрмін “медытацыя”, вытворны з лацінскага слова *meditatio* (развага, роздум), не ўлічвае ўвесь спектр значэнняў гэтай з’явы. Медытацыя як духоўная ўсходняя практыка – гэта імкненне да спынення разумовага працэсу, з санскрыта “медытацыя” перакладаецца як “сузіранне, бачанне розумам, інтуітыўнае бачанне”. Таму ў адносінах да вершаў філасофскага зместу (напрыклад, у творчасці Я. Купалы, М. Багдановіча, М. Танка, Я. Баратынскага, А. Пушкіна, А. Фета і інш.) А. С. Івашчанка лічыць мэтазгодным выкарыстоўваць паняцці “верш-роздум” ці “верш-развага”. Сярод беларускіх пісьменнікаў, што працуюць у рэчышчы медытаўнага верша, даследчык называе А. Разанава, А. Мінкіна, І. Бабкова, сярод прадстаўнікоў замежнай літаратуры – А. Гінзбург, Дж. Керуака.

Як жанравая разнавіднасць медытатыўнай лірыкі ў літаратуразнаўчым даведніку В. П. Рагойшы разглядаецца навуковая паэзія, аб’ектам якой з’яўляюцца навуковыя тэорыі, адкрыцці, гіпотэзы на падставе таго, што вершаванай мовай карысталіся ў філасофскіх і іншых трактатах. У якасці прыкладаў навуковай паэзіі названы асобныя творы М. Танка, А. Куляшова, А. Русецкага, С. Дзяргая. Асобна трэба адзначыць, што тэрмін навуковая паэзія быў уведзены французскім паэтам Рэне Гілем. Згодна з яго тэорыяй, выкладзенай у працы “Трактат пра слова” (1887), паэтычная творчасць павінна быць вышэйшым актам думкі, паэзія, як і навука, праяўляе думку, але не ў адцягненай схеме, а ў жывым вобразе. Разуменню паэзіі як выпадковага выяўлення асабістых уражанняў і інтымных перажыванняў, як схаластычнай распрацоўкі ўстаноўленых тэм супрацьпастаўляецца іншы ідэал мастацкай творчасці, паводле якога паэзія павінна мысліць, адказваць на пытанні сучаснасці, пашыраць кола тэм праз знаёмства з сучаснымі навуковымі тэорыямі светабудовы. Былому тыпу паэта-эгаіста Р. Гіль проціпастаўляе паэта-філосафа, што працягвае традыцыі паэтаў “свяшчэнных кніг” Усходу, сярод пераемнікаў якіх былі Парменід, Эмпедокл, Лукрэцый, Гётэ, Шэлі, Эміль Верхарн. Аднак М. І. Мішчанчук размяжоўвае філасофскую і навуковую лірыку на падставе таго, што апошняя пазбаўлена вобразнасці і эмацыянальнасці і трактуе паняцці ў вершаванай форме [14, с. 79]. У даведніку “Паэтычны слоўнік” няма асобнага артыкула пра філасофскую лірыку. Робіцца заўвага, што “падзел лірыкі на жанры і разнавіднасці досыць умоўны. Так, элегія можа быць не толькі сумнай, але і смешнай, сатырычнай; пейзажны верш можа мець глыбока філасофскае або востра грамадзянскае гучанне і г. д.” [16, с. 47]. Такім чынам, змест паняцця “філасофскае” ў дачыненні да лірыкі злучаецца да паняцця пафасу, танальнай афарбоўкі твора, падмяняецца значэннем “філасафічнасці”.

Савецкае літаратуразнаўства да пачатку 80-х гг. XX ст. ігнаравала існаванне філасофскай лірыкі ў беларускай літаратуры. Абавязковым складнікам твора абвешчаўся грамадскі пафас, філасофстваванне без практычнага складніка адмаўлялася і забаранялася, бо не адпавядала духу

сацэрэалізму як асноўнага мастацкага метаду той эпохі. Даследчык У. В. Гніламедаў быў у ліку першых, хто пачаў аналізаваць з’яву філасофскай лірыкі ў беларускай літаратуры. У кнізе “Ад даўніны да сучаснасці” У. В. Гніламедаў вылучае ў асобную філасофска-аналітычную мастацка-стыльвую плынь паэзію, якая “характарызуецца інтэлектуалізацыяй эмоцый, перавагай абстрактных мадэляў у стварэнні вобраза рэчаіснасці, зместавай ускладненасцю, тэрміналагізацыяй тропай, ланцуговай асацыятыўнасцю, верлібрызацыяй, шырокім выкарыстаннем умоўных форм мастацкага абагульнення, дэфармацыяй хранатопу мастацкай рэальнасці” [9, с. 132]. Той жа пазіцыі прытрымліваюцца ў сваіх працах даследчыкі А. В. Барадзіхіна [3], А. І. Бельскі [4]. У сучасных даследаваннях адзначаецца схільнасць адносіць структурнае ўвасабленне філасофскай тэндэнцыі да катэгорыі стылю. Характэрнымі прыкметамі мастацка-літаратурнай плыні з’яўляюцца яе храналагічная абмежаванасць і наяўнасць знешніх арганізацыйных форм, да якіх адносяцца літаратурныя маніфесты, аб’яднанні, часопісы, выдавецтвы. Так, рамантычная плынь сфарміравала рамантычны метаду мастацкага адлюстравання рэчаіснасці. Суадносіць ахарактарызаваную вышэй У. В. Гніламедавым мастацкую структуру з канкрэтным гістарычным перыядам і вызначае яе як стыльваю не ўяўляецца магчымым, як і нельга казаць пра стыль філасофскай драмы ўвогуле, але можна казаць пра стыльваю плынь філасофскай драмы 1970-х гадоў.

Аналітычны агляд асноўных падыходаў да разгляду мастацкай структуры філасофскай лірыкі дае падставы адзначыць яе ўніверсальны і сінкрэтычны характар. У выніку разгляду асноўных палажэнняў па гэтым пытанні ў навуковай літаратуры можна адзначыць шэраг характэрных асаблівасцей філасофскай паэзіі:

надгістарычны, жанравы (метажанравы) характар мастацкай структуры;
 структурастваральным фактарам аднесенасці да філасофскай лірыкі выступае прадмет – родавыя, сутнасныя асаблівасці свядомасці і паводзін чалавека як сацыяльнай істоты;
 дамінаванне філасофскай тэмы ў цесных узаемаадносінах з філасофскай ідэяй;
 мастацкая структура філасофскай лірыкі характарызуецца суб’ектнай арганізацыяй;
 часава-прасторавая арганізацыя мае тэндэнцыю да пашырэння; мастацкая прастора пашыраецца да маштабаў сусвету, светабудовы, час пашыраецца да катэгорыі вечнасці праз біблейскія, міфалагічныя рэмінісцэнцыі і інш. або праз адмаўленне ад любой маркіроўкі часу;
 рытмічная раскаванасць, тэндэнцыя да верлібрызацыі;
 зашыфраванасць вобразаў, тэрміналагізацыя тропай;
 актыўнае выкарыстанне метаду інтэлектуалізму;
 імкненне да абагульненых форм выяўлення аўтарскай свядомасці, мадыфікацыя ці фармальна-адсутнасць лірычнага героя.

Сучасны стан беларускага літаратуразнаўства вымагае інтэнсіўнай распрацоўкі тэарэтыка-літаратурных праблем, найперш у межах філасофскай лірыкі. Даследаванне яе жанрава-стыльвай, тэматычнай палітры прадстаўлена ў працах замежных і айчынных навукоўцаў, а шматлікія дыскусіі вакол тэрміналагічна-паняцыйнай азначанасці вымагаюць далейшых літаратуразнаўчых разваг.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Агеносов, В. В. Генезис философского романа / В. В. Агеносов. – М.: Прометей, 1986. – 131 с.
2. Бажок, І. А. Інтэлектуалізм у сучаснай беларускай паэзіі / І. А. Бажок // Мова-літаратура-культура: матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр., 2010 г.: у 2 ч. Ч. 2 / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск: выд. цэнтр БДУ, 2011. – 310 с.
3. Барадзіхіна, А. В. Зместава-фармальныя пошукі сучаснай беларускай лірыкі. Курс лекцый па спецыяльнаму курсу / А. В. Барадзіхіна; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф.Скарыны”, 2006. – 140 с.
4. Бельскі, А. Сучасная літаратура Беларусі / А. Бельскі. – Мінск, 2000. – 237 с.
5. Боров, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энцикл. словарь терминов / Ю. Б. Боров. – М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 575 с.
6. Гарадніцкі, Я. А. Думка і вобраз: Праблема інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 120 с.
7. Гарадніцкі, Я. А. Філасофская лірыка / Я. А. Гарадніцкі // Энциклопедия літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. Т. 5 / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1987. – 707 с.

8. Гаранин, Л. Я. Философские искания в белорусской литературе / Л. Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1984. – 222 с.
9. Гніламедаў, У. В. Ад даўніны да сучаснасці: Нарыс пра беларускую паэзію / У. В. Гніламедаў. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 246 с.
10. Івашчанка, А. С. Паэтыка Алеся Разанава: між медытацый і рацыяй / А. С. Івашчанка; навук. рэд. М. А. Тычына. – Мінск: БНТУ, 2008. – 144 с.
11. Інтэлектуалізм у літаратуры // 100 слоў пра сучасную беларускую літаратуру / А. П. Бязлепкіна. – Мінск: Лімарыус, 2012. – 224 с.
12. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский; науч. ред. И. Роднянская. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 376 с.
13. Козлик, И. В. Теоретическое изучение философской лирики и актуальные проблемы современного литературоведения: автореф. монографии / И. В. Козлик; Прикарпатский нац. ун-т им. В. Стефаника, Ин-т филологии. – Ивано-Франковск: Полискан, 2009. – 39 с.
14. Мищенко, Н. И. Преломление традиций классической философской лирики в белорусской поэзии первой половины XX века / Н. И. Мищенко // Мировой литературный процесс: автор – жанр – стиль: сб. науч. тр. – Брест, 2009. – С. 77–81.
15. Поспелов, Г. Н. Лирика среди литературных родов / Г. Н. Поспелов. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 208 с.
16. Рагойша, В. П. Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 576 с.
17. Рагойша, В. П. Уводзіны ў літаратуразнаўства: вучэб. дапам.: у 2 ч. Ч. 1: Літаратуразнаўства як навука. Эстэтыка літаратуры. Паэтыка / В. П. Рагойша, М. П. Кенька, Т. А. Марозава; пад рэд. В. П. Рагойшы. – Мінск: БДУ, 2011. – 247 с.
18. Спивак, Р. С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: учеб. пособие / Р. С. Спивак. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 408 с.
19. Шаўлякова-Барзенка, І. Паэзія рэча(ў)існасці (Творчая індывідуальнасць Алеся Бадака) / І. Шаўлякова-Барзенка // Польша. – 2016. – № 2 (1036). – Мінск: Рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова “Выдавецкі дом “Звязда”, 2016. – 191 с.

References

1. Agenosov V. V., *Genezis filozofskogo romana [The Genesis of the Philosophical Novel]*, Prometei, Moscow, RU, 1986.
2. Bzhok I. A., “Intellectualism in the Modern Belarusian Poetry”, *Materyialy VI Mizhnarodnai navukovai kanferentsii "Mova-litaratura-kul'tura"*, Minsk, 28-29 kastychnika 2010 g., u 2 ch. Ch.2 [Proceedings of the 6th International Scientific Conference “Language-Literature-Culture” Minsk, October 28–29, 2010 in 2 parts, Part 2], Publ. centr. BSU, Minsk, BY, 2011, pp. 86–90.
3. Baradzikhina A.V., *Zmestava-farmal'nyia poshuki suchasнай belaruskai liryki. Kurs lektsyi pa spetskurse [Search for Content and Form in the Modern Belarusian poetry: A Special Course of Lectures]*, GSU by F. Skaryny, Gomel, BY, 2006.
4. Bel'ski A., *Suchasnaia litaratura Belarusi [Modern Literature of Belarus]*, AVERSEV, Minsk, 2000.
5. Borev Iu. B., *Estetika. Teoriia literatury: Entsiklopedicheski slovar' terminov [Aesthetics. The Theory of Literature: Encyclopedic Dictionary of Terms]*, AST, Moscow, RU, 2003.
6. Garadnitski Ja. A., *Dumka i vobraz: Poblema intelektualizmu ŷ suchasнай belaruskai lirytsy [Thought and Image: The problem of Intellectualism in the Modern Belarusian Lyrics]*, Science and technology, Minsk, BY, 1986.
7. Garadnitski Ja. A., *Filosofskaia liryka. Entsiklpedyia literatury i mastatstva Belarusi u 5 t. T. 5 [Philosophical Lyrics. Encyclopedia of Belarusian Literature and Art in 5 volumes, Volume 5]*, BelSE, Minsk, 1987.
8. Garani L. Ja., *Filosofskie iskaniia v belarusskoi literature [Philosophical Trends in Belarusian Literatura]*, Science and technology, Minsk, BY, 1984.
9. Gnilamedaŭ U. V., *Ad daŭniny da suchasnasti: Narys pra belaruskuiu paeziiu [From Ancient Times to the Present: An Essay on the Belarusian Poetry]*, Fiction, Minsk, BY, 2001.
10. Ivashchanka A. S., *Paetyka Alesia Razanova: mizh medytatsyiai i ratsyiai: managrafiia [Ales Ryazanov's Poetics: Between Meditation and Mind: A Monograph]*, BSTU, Minsk, BY, 2008.
11. Biazlepkina A. P., *Intelektualizm u literatury. 100 sloŷ pra suchasnuiu belaruskuiu literaturu [Intellectualism in Literature. 100 Words about Modern Belarusian Literature]*, Limaryus, Minsk, BY, 2012.
12. Kviatkovskii A. P., *Poeticheskii slovar' [The Dictionary of Poetry]*, Sov. Enc., Moscow, RU, 1966.
13. Kozlik I. V., *Teoreticheskoe izuchenie filozofskoi liriki i aktual'nye problemy sovremennogo literaturovedeniia [A Theoretical Study of Philosophical Lyrics and Relevant Problems of Modern Literary Studies]*, Poliskan, Ivano-Frankovsk, UA, 2009.
14. Mishchenchuk N. I., “The Refraction of Traditions of Classical Philosophical Lyrics in the Belarusian Poetry of the First Half of the Twentieth Century”, in Sen'kevich T.V. (ed.), *Mirovoi literaturnyi process: avtor – zhanr – stil'.* Sb. nauchn. trudov [The World Literary Process: Author – Genre – Style. Collection of Scientific Writings], BrGU imeni A. S. Pushkina, Brest, BY, 2009, pp. 77–81.
15. Pospelov G. N., *Lirika sredi literaturnykh rodov [Lyrics among Literary Genres]*, MSU, Moscow, RU, 1976.

16. Ragoisha V. P., Paetychny sloŭnik [The Dictionary of Poetry], Bel. science, Minsk, BY, 2004.
17. Ragoisha V. P., Uvodziny ŭ litaraturaznaŭstva: vuchebny dapamozhnik u 2 ch. Ch. 1 [Introduction to Literary Science: A Tutorial in 2 parts, Part 1], BSU, Minsk, BY, 2011.
18. Spivak R. C., Russkaia filosofskaia lirika. 1910-e gody. I. Bunin, A. Blok, V. Maiakovskii: Uchebnoe posobie [Russian Philosophical Lyrics. 1910s. I. Bunin, A. Blok, V. Mayakovsky: A Textbook], Flinta, Science, Moscow, RU, 2005.
19. Shaŭliakova-Barzenka I., “The Poetry of Reality (Ales Badak’s Creative Individuality)”, Polymia [Flame], 2016, no. 2 (1036), pp. 101–106.

Информация об авторе

Панфилова Анастасия Сергеевна – аспирант. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : anaspanf@gmail.com.

Для цитирования

Панфілава, А. С. Герменеўтыка жанру філасофскай лірыкі / А. С. Панфілава // Вesc. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 2. – С. 91–98.

Information about the author

Panfilova Anastasiya Sergeevna, Postgraduate Student, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: anaspanf@gmail.com.

For citation

Panfilova A. S. Hermeneutics of the Philosophical Lyrics Genre. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 91–98.

Л. П. Леська

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь

МІФАЛАГІЧНЫ ЎРБАНІЗМ ЯНА БАРШЧЭЎСКАГА

Формуліруюцца вызначэнні аўтарскага міфа аб горадзе як аб створаным аўтарам па ўстаноўленым ім самым законам мастацкай правды, новай рэальнасці, якая мадэлюецца згодна законам міфалагічнага стварэння і гарадскай міфалогіі (представленной народными преданиями о необыкновенных моментах истории города, его жизнедеятельности, его жителях и пространстве, где город воспринимается как целостный, живой, культурный организм).

Горад у мастацкай трактовке Я. Борщевского – амбивалентный образ, символическая многозначность которого раскрывается аўтарам пасредствам выкарыстання біблейскіх прадставленняў аб горадзе-Рае, горадзе-Пекле і горадзе-Чыстылішчы.

Исследовано, что архетипические моменты библейской истории, как и языческие представления белорусов, трансформированы в авторском мифологизировании, их использование способствует осознанию несовершенства современного положения в мире и восприятию надежды на новое обновление, которое мыслится писателем не как создание нового, а как возвращение к первоначальной гармонии.

Выявляється, што абнаўленне ў гарадскім міфе Я. Борщевского, з адной боку, звязана з ідэяй утопічнага вяртання Залатога Века, пераплятаецца з верой у натуральнага чалавека, у натуральнае хазяйства, а з другой – раскрываецца ў непаслядоўных аўтарскіх надзеядах на горад як цэнтр просвішчання, высокай культуры і духоўнасці. Падкрэўваецца, што ў гарадскай міфалогіі Я. Борщевского ключевым з'яўляецца мотыв пераціну історычнай памяці, што стала прызнакам дэградацыі і заканамерна прадшэствае канцу історыі горада, з'яўляецца часткай эсхаталагічных міфаў, но трагізм эсхаталагічнай тэматыкі гарадскіх міфаў аблегчаецца мотывам цыклічнасці, абнаўлення.

Эсхаталогія ў гарадскай міфалогіі і утопія ў аўтарскім міфе аб горадзе вызначаны як выражэнне ідэі цыклічнасці. Выявляюцца адрознічальныя рысы сусветнага погляду пісателя.

Ключевые слова: беларуская літаратура XIX стагоддзя, міф, міфалогія, міфатворчасць, беларускі нацыянальны міф, гарадская міфалогія, эсхаталогія, утопія, абнаўленне, ідэалізацыя.

L. P. Leska

Belarusian Maxim Tank State Teachers-Training University, Minsk, Belarus

JAN BARSZCZEWSKI'S MYTHOLOGICAL URBANISM

The article defines the authorial myth about the city as an artistic truth which is created by the author according to his own laws, and a new reality which is modeled according to the laws of mythological consciousness and urban mythology (represented by folk legends about wonderful moments in the history of the city, its life, its inhabitants and its space, where the city is perceived as a holistic, living cultural body).

According to Jan Barszczewski's artistic interpretation, the city is an ambivalent image; its symbolic ambiguity is disclosed by the author through the use of the biblical concepts of the city of Paradise, the city of Hell and the city of Purgatory.

It is revealed that archetypal moments of the biblical history as well as Belarusians' pagan ideas are transformed in the authorial myth; their use contributes to the understanding of the imperfections of the current situation in the world and to the perception of hope for a renewal which is conceived by the writer not as creating something new, but as returning to the original harmony.

On the one hand, the renewal in Jan Barszczewski's urban myth is connected with the idea of a utopian return of the Golden Age and is intertwined with the belief in the man of nature and in a subsistence economy; on the other hand, the renewal is manifested in the author's inconsistent hopes for the city as a center of education, high culture and spirituality. It is emphasized that the key motif in Jan Barszczewski's urban mythology is the loss of the historical memory, which is a sign of degradation and naturally precedes the end of the history of the city; it is part of eschatological myths, but the eschatological in the urban myths is made less tragic through the motifs of cyclic recurrence and renewal.

The article defines eschatology in urban mythology and utopia in the authorial myth of the city as an expression of the idea of cyclic recurrence. The distinctive features of the writer's worldview are identified.

Keywords: Belarusian literature of the 19th century, myth, mythology, mythmaking, Belarusian national myth, urban mythology, eschatology, utopia, renewal, idealization.

Міфатворчасць Яна Баршчэўскага даследуецца даўно. Адным з першых да гэтай праблемы звярнуўся Р. Падбярэскі і слухна патлумачыў: “Тое, што піша п. Баршчэўскі прозай, не датычыцца прама ні гісторыі, ні літаратуры, ні мовы Беларусі, але рэчы найбольш важнай, а менавіта духу і паэзіі народа, адкуль выйшлі і гісторыя, і літаратура, і мова” [1, с. 69]. Магчыма, пад тым таямнічым і містычным “духам” крытык падразумяваў міфалогію, якая, паводле тлумачэнняў М. Гарэцкага, актыўна завабіла Яна Баршчэўскага: “Задалося пісьменніку пераняцца містычным настроем забабоннага беларуса, каторы тады меў вялікую веру ў сілу чараўнікоў, у нячысцікаў і паэтычна бачыў у жывой і нежывой прыродзе рознае страхацё” [2, с. 176].

Пільная ўвага Я. Баршчэўскага да міфалагічных матываў і іх мастацка-практычнае развіццё ў сучаснай літаратуры, на думку В. Каваленкі, “з’яўляюцца глыбока ўнутранай эстэтычнай рэакцыяй творчых сіл на недаацэнку мастацкай культуры мінулага ў пэўны перыяд духоўнага развіцця нашага грамадства” [3, с. 4].

Довады В. Каваленкі падзяляў і М. Хаўстовіч, які высока ацаніў міфапаэтычную спадчыну пісьменніка і патлумачыў, што: “у 40-я гады рост нацыянальнай самасвядомасці выявіў сябе якасна новаю з’яваю – стварэннем беларускага нацыянальнага міфа. Вучоны прапанаваў “прачытаць беларускі міф у творах Яна Баршчэўскага” [4, с. 65], які, на думку даследчыка, “не проста выкарыстанне міфалагічна-фалькорных элементаў беларускае архаікі, а ўдалая спроба стварыць міфалогію, стварыць міф з усімі яго структурнымі кампанентамі” [4, с. 65]. Прапанова М. Хаўстовіча была падтрымана айчыннымі навукоўцамі¹. С. Даніленка грунтоўна даследаваў рытуальную аснову аўтарскай міфатворчасці, прасачыў фарміраванне і станаўленне сацыяльнага міфа на матэрыяле твораў Яна Баршчэўскага [5]. С. Тычына раскрыла таямніцы міфапаэтыкі сну ў мастацкім свеце пісьменніка [6].

Нягледзячы на значныя набыткі ў вывучэнні міфатворчасці Яна Баршчэўскага, *міф пра горад і міфалогія гарадоў* у творах пісьменніка не сталі прадметам асобнага даследавання, хаця ўрбаністычная тэма распрацоўвалася ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Адам Міцкевіч, Ян Чачот і Тамаш Зан, паводле сведчання І. Багдановіч, “скарысталі дзве сюжэтныя версіі, звязаныя з двума палярнымі архетыпамі возера – горад” [10, с. 16], і стварылі персанальныя міфы пра горад Свіцязь. Ян Чачот у баладзе “Радзівіл, альбо заснаванне Вільні” прадставіў міф пра Вільню, а ў баладзе “Наваградскі замак” паэт узнавіў гістарычнае мінулае Наваградка, Тадэвуш Лада-Заблоцкі займаўся міфалагізацыяй гісторыі Віцебска (Паэма “Ваколіцы Віцебска”).

Ян Баршчэўскі, працягваючы традыцыі філаматаў, таксама стварыў міф пра Полацк і Пецярбург, прадставіў міфалагенныя гісторыі пра Невель, Віцебск, Расоны, Пскоў і Вялікія Лукі.

Задача дадзенага артыкула – вызначыць генетычныя вытокі гарадской міфалогіі і аўтарскай міфатворчасці, ахарактарызаваць асноўныя аспекты аўтарскага міфа пра горад, асэнсаваць яго сімволіка-семантычную шматзначнасць.

Мэтазгоднасць і актуальнасць нашага даследавання аргументуюцца довадамі, якія прыводзіць А. І. Бельскі ў артыкуле “О, горада, чароўныя прынады!” Станаўленне ўрбаністычнага мыслення ў беларускай паэзіі” [8]. Вучоны ўпершыню ў беларускай навуцы разгорнута і дакладна прасачыў развіццё ўрбаністычнага мыслення ў беларускай паэзіі XIX стагоддзя, адзначыўшы, што “раней беларуская крытыка больш паслядоўна вывучала гарадскую тэму на матэрыяле беларускіх твораў XX стагоддзя” і цяпер наспеў час звярнуцца да гэтай праблемы на матэрыяле мастацкіх тэкстаў XIX стагоддзя. “У паэзіі XIX стагоддзя – як польскамоўнай, так і ўласна беларускамоўнай – прасторавыя каардынаты, – паводле тлумачэнняў вучонага, – немагчыма ўявіць без урбаністычнай тапаніміі” [8, с. 4], што непасрэдна мае дачыненне, па нашым меркаванні, і да праяўленай спадчыны Яна Баршчэўскага. Пісьменнік у зборніку “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях”, у баладах, у апавесцях “Кабета Інсекта”, “Душа не ў сваім целе” і ў лістах да Юліі Корсак звярнуўся да міфалагізацыі горада, у якой вылучаюцца два аспекты: *аўтарскі міф пра горад і народныя паданні, якія сталі асновай гарадской міфалогіі*.

¹ Да міфалагічнай спадчыны пісьменніка ў розныя часы звярталіся В. Каваленка, Н. Перкін, А. Мальдзіс, У. Мархель, М. Хаўстовіч, С. Даніленка, А. Макарэвіч, С. Тычына, В. Бароўка, І. Штэйнер.

У сувязі з гэтым неабходна ўдакладніць, што *міф* пра горад у дадзеным артыкуле разглядаецца намі як “створаная аўтарам на ўстаноўленых ім самім законах мастацкай праўды новая рэальнасць, якая мадэлюецца ў адпаведнасці з законамі старажытнай свядомасці” і [9, с. 5] успрымаецца і як спецыфічная форма мастацкага мыслення, і як мадэль для перастварэння свету.

Вынік аўтарскай міфатворчасці ідэйна-тэматычна і канцэптuallyна звязаны з гарадской міфалогіяй, або з “эмацыянальна-афарбаванымі калектыўнымі і індывідуальнымі, нейкім чынам агучанымі, уяўленнямі пра актуальныя для носьбітаў міфа незвычайныя моманты гісторыі горада, яго жыццядзейнасці, пра жыхароў і гарадскую прастору, дзе горад асэнсоўваецца як цэласны, жывы культурны арганізм” [9, с. 6]. Як у аўтарскім міфе, так і ў гарадской міфалогіі вылучаецца канцэпцыя цыклічнасці і адраджэння. Увасабленнем ідэі цыклізму становяцца эсхаталогія² ў гарадской міфалогіі і ўтопія ў аўтарскіх міфах пра горад.

У гарадскіх міфах, якія, паводле слоў аўтара, шырока бытуюць у ваколіцах Полацка і паблізу возера Нешчарда, прасочваецца перакананне, што першай прыступкай у адраджэнні горада стала яго знішчэнне, прыклад якога падаецца ў “Нарысе Паўночнае Беларусі”: “Страшны волат, якога звалі Княжа, прываблены да берагоў Нешчарды надзей на багаты рабунак, аблажыў з велізарнаю хеўраю гэты горад” [10, с. 84], абрабаваў яго, жыхароў забіў, святыні зруйнаваў, а званы затапіў у возеры. Але Бог абвясціў сваю кару блюзнерам: “Апоўначы лятала чума, падобная да чорнага шара, і дзе дакранулася да сцяны, з гэтага дому ніхто не выходзіў жывы, і такім чынам вымерла ўся дружина Княжа” [10, с. 85]. Сам захопнік хацеў уцячы, але яго напаткала смерць. Народ і зараз паказвае аграмадны курган, які называецца Магілай Княжа” [10, с. 85]. У міфічнай гісторыі невядомага горада ключавымі з’яўляюцца моманты знішчэння і абнаўлення. Калі пра разбурэнне горада непасрэдна апавядаецца, то момант яго абнаўлення бачыцца ў тым факце, што невядомы горад стаў святым месцам, дзе загінулі бязвінныя ахвяры. Святасць – патэнцыял адраджэння, якое ўжо прадчуваецца ў аўтарскім апісанні-ўдакладненні: “На паўднёвым баку возера Нешчарда ёсць гара, якую з трох бакоў амывае вада, на той гары – *драўляны касцёлак і некалькі хвоў*. Там часта знаходзяць у пяску сцёртыя вякамі срэбныя манеты, шклянныя аздобы, якія насілі бабулі нашых бабуль, іржавыя рэшткі разнастайнае старасвецкае зброі. Кажуць на той паўвыспе быў некалі горад”... [10, с. 85].

У адзіна ацалелым касцёлку, вобраз якога стаў зыходным пунктам зараджэння новага міфа, па нашым меркаванні, увасоблена выключная сакральнасць, жывучасць веры (нездарма будыніна стаіць у атачэнні жыццядайных хвоек). Надзею на новы росквіт горада тоіць і велічная гара, непадалёк ад якой размяшчаўся разбураны горад. Вобраз гары ў міфалагічных даведніках трактуецца “як сімвал вечнасці, накіраванасці і духоўнага пад’ёму” [11, с. 94].

Алюзія на адраджэнне горада вылучаецца ў сімвалічна-вобразнай сістэме апавядання “Таварыш у падарожжы”. Тут аўтар прыгадаў паданне, як быў разбураны горад, а праз некалькі стагоддзяў на яго месцы размясціўся маёнтак пана Дамініка і ў пэўны час там правалілася зямля і ўтварылася яма. Пан Дамінік, думаючы, што ў падземных сховах будуць скарбы, прымусяў туды спустыцца селяніна, які ў апраметных сховах убачыў кабету, што спала на крэсле, “яе чорны ўбор быў знакам цяжкае жалобы, ля яе ног спалі велізарныя і страшныя мядзведзі. І яшчэ Дамінікаў пасланец бачыў незлічоныя скарбы ў адчыненых жалезных скрынях” [10, с. 248]. Духоўная веліч і матэрыяльнае багацце зруйнаванага горада схавана далёка пад зямлёю, перад тагачаснымі жыхарамі раскрыта толькі яма, вобраз якой мае два сімвалічныя значэнні. З аднаго боку, яма-знак бездухоўнасці і маральнага заняпаду тагачаснага грамадства, з другога – яма – прасторавы вобраз, праз пасрэдніцтва якога героі Баршчэўскага пераходзяць ад крызіснай сучаснасці да таямнічай будучыні. І ў той жа час яма – чорная пастка, часавая пустата, неўтаймаваная і хаатычная, з якой і павінна нарадзіцца гармонія, у нашым кантэксце – новы горад. Улічыўшы семантычную шматзначнасць вобраза ямы, можна меркаваць аб трансфармацыі касмаганічных міфаў у гарадской міфалогіі Баршчэўскага. Магчымасць выкарыстання мадэлі касмаганічных матываў да матыву ўзнікнення горада абгрунтаваў М. Эліадэ ў манаграфіі “Аспекты міфа” [12].

² Эсхаталагічныя міфы, паводле тлумачэння Е. Меляцінскага, гэта міфы пра канец свету. Для архаічных міфалогій характэрна ўяўленне аб сусветнай катастрофе, якая адзіляе міфалагічны час першастварэння ад сучаснасці – пра патоп, пра пажар, пра знішчэнне першых пакаленняў, веліканаў.

Міф пра стварэнне, паводле тлумачэння вучонага, сімвалізуе не проста пераўтварэнне прасторы з хаатычнай у касмічную, але і пачатак новага часу. Вобраз пустаты, у якой узнікае горад, на думку даследчыка, абазначае сімвалічнае чаканне новага і нападзенне яго сэнсам. Магчыма, таямнічая кабета ў творы Баршчэўскага таксама чакае новых спрыяльных часоў, калі народ не будзе так прагнуць багацця, а будзе ўшаноўваць гістарычнае мінулае, выправіць усе заганы крызіснай сучаснасці.

Шлях да абнаўлення – цэнтральны момант не толькі гарадскіх міфаў, але і ўласнай міфатворчасці Баршчэўскага, дзе адраджэнне бачыцца аўтару ў вяртанні да першапачатковай гармоніі, да даўно страчанага чалавецтва стану. Героі апавяданняў “Успаміны пра наведванне роднага краю”, “Летуценнік Севярын” паўсюль бачаць новую Аркадзію і ўтапічна вераць, што Залаты век, які быў у мінулым, павінен уладарыць на зямлі. Першапачаткова ідэалізацыя новай Аркадзіі вылучаецца ў эклогіх Вергілія, дзе адбываецца яе міфалагізацыя і пераўтварэнне ў асаблівы свет, дзе ўладарыць Пан, гуляюць пастухі і не канчаецца вечная ўрачыстая вясна” [13, с. 12]. Письменнік, як і яго старажытны папярэднік, стварыў невялікія астраўкі для існавання Залатога веку, гэта добраўпарадкаваная гаспадарка рыбака Родзькі (апавяданне “Рыбак Родзька”), гэта і сядзіба шляхціца Завальні (апавяданне “Шляхціц Завальня”) і ўладанні пана Зямельскага (апавяданне “Развітанне”).

Частая ідэалізацыя вясковага жыцця стала састаўной часткай аўтарскага міфа, але письменнік не паслядоўны антыўрбаніст, які ўслед за Ж. Ж. Русо заклікаў чалавека жыць на ўлонні прыроды, хаця ў зборніку “Шляхціц Завальня” Ян Баршчэўскі часта супрацьпастаўляе вёску і горад. У “Нарысе Паўночнае Беларусі” яго герой бегла аглядае ваколіцы Рабшчызна і з вышыні Пачаноўскай гары бачыць бедныя вёсачкі, якія чарнеюць па схілах, але нідзе не заўважае ні велічных гмахаў, ні гарадскіх замкаў. Адсутнасць гарадскіх пабудоў у панарамным малюнку падабаецца аўтару. Ён з асаблівай цеплынёй ушаноўвае вяскоўцаў жыхароў, падкрэслівае іх салідарнасць у час як прыемных, так і жахлівых падзей. Аўгіня з апавядання “Кавалёва Аўгіня” стала кумой для ўсёй ваколіцы, паважаным кумам быў і Марцін з апавядання “Зухаватыя ўчынкi” – “чалавек пачцівы і гаваркі, рады кожнаму дапамагчы, таму і любіла яго ўся воласць...” [10, с. 113]. Не толькі цеплыня ўзаемаадносін збліжае людзей, вяскоўцы згуртоўваюцца і падчас незвычайнай сітуацыі, якая склалася ў апавяданні “Рада”. Сяляне вярталіся з працы і пачулі захопніцкую песню д’ябла і амаль адразу жах скаваў людзей, яны пераўтварыліся ў інертную масу, толькі адзін смяльчак падумаў, што гэта асташ спявае і запусціў у яго каменем. Герой-адзіночка выступіў супраць зла, увасобленага ў жыхару іншай вёскі.

Письменнік паказаў, што зло прыходзіць ад чужых, здалёк, часта з горада. Так, пан прывёз з-за свету Арыну і яе дачку Алюту (“Зухаватыя ўчынкi») і вяскоўцы насцярожана да іх ставяцца. Недружалюбна адносяцца сяляне да былых гарадскіх жыхароў Праксэды і яе дачкі Варкі (“Радзімы знак на вуснах”), якія яшчэ і жывуць у карчме вёрст за шэсць ад вёскі. З трывогай у душы ўспрынялі героі апавядання “Пра чарнакніжніка і цмока...” з’яўленне чарнакніжніка ў маёнтку, які вучыў пана і яго пахолка Карпу розным шатанскім штучкам. Страшны вядзьмак, магчыма, таксама прыбыў з горада. Чарнакніжнік Твардоўскі, паводле міфалагізаванай гісторыі Баршчэўскага, жыве ў Полацку і спакушае вучняў, падштурхоўвае іх да граху.

У міфе пра Полацк горад мае амбівалентныя рысы. З аднаго боку, як патлумачыў Пятро Васючэнка ў “Крыўскім слоўніку, паводле Яна Баршчэўскага”, “Полацк – першая сталіца Беларускае дзяржавы” [14, с. 24]. Пры ўспаміне пра Полацк, падкрэслівае вучоны, “згадваюцца незвычайныя людзі-асілка, што жылі даўней у касмічна аддаленым часе” [14, с. 24]. У вачах шляхціца Завальні Полацк – цэнтр асветы, асяродак кніжнай навукі, з другога боку – ён жа і крыніца заразы, ад якой пашыраецца чарнакніжніцтва: “Пан Твардоўскі таксама атабарыўся ў Полацку, таму Завальня з павагай і адначасна з насцярогай ставіцца да вялікага ў ягоных вачах места і засцерагае пляменніка і сыноў ад гарадскіх спакусаў” [14, с. 24]. Перасцярогі Завальні небеспастаўныя, можна дапусціць, што пан Твардоўскі выхаваў па логіцы зла шкаляра Люцэфугу і Гордага Філасафа. Першы з іх не любіў працаваць, жыў у вялікім горадзе, дзе пазнаёміўся з Аўрэліяй, такой жа лёгкадумнай асобай, як і сам. Пасля шлюбу маладыя жывуць у вёсцы, але і натуральнае вясковае быццё не выправіла сітуацыю, сямейная пара распалася.

Люцэфуга хутка страціў жонку, маёнтак, прыяцелі і знаёмыя здзекваліся з яго” [10, с. 302]. Люцэфуга знік і праз некаторы час з’явіўся ў Полацкім кляштары ў абліччы прусака, якога ўбачыў Музыка ў цёмным куце, ён выпаўз на сярэдзіну пакоя, спыніўся, пачаў надзімацца і расці. Пасля з-пад чорнай скарлупіны з’явілася чалавечая галава. Музыка пазнае Люцэфугаў твар; перапалоханы выпусціў з рук флейту, скочыў ад вакна, а сонечны прамень стрэліў праз шыбу на страшыдла, і яно імгненна знікла...” [10, с. 303].

Горды Філософ, наадварот, адрозніваўся працавітасцю, начытанасцю і вучонасцю, але праца без Бога не дала яму добрых вынікаў. Ён пераехаў з горада ў вёску і стварыў уласную філасофію, гаварыў, што памерлым не патрэбны малітвы жывых, насміхаўся з праведнасці беларускага люду: “Па ўсім Полацкім павеце простыя людзі, апавядаючы пра гэта, адзін аднаму казалі, што Філософ цяжка правініўся перад панам Богам. Ён лічыў, што чалавек – частка самога Бога, што душа яго, заглыбіўшыся ў даследаванні, разумее ўсе цуды, бачыць усе таямніцы...” [10, с. 305].

Горад у аўтарскім міфе Яна Баршчэўскага стаў паўнаватасным *пеклам*: з горада прывезлі ў дом пані Паручнікавай прыгожага катка (“Чараўнік ад прыроды і кот Варгін”), пад маскай якога хаваўся д’ябал, які наклікаў на людзей хваробы. У горадзе часта прападае чарнакніжнік Карпа (“Пра чарнакніжніка і цмока...”), баляваў там і канчаткова зліваўся з тлумным жыццём, а пасля пажару на сваім селішчы наогул знік. Адны меркавалі, што “ён злыгаўся з ліхадзеямі, якія пераганялі коней з Беларусі пад Пскоў, ці да Вялікіх Лукаў” [10, с. 109]. У вялікі горад пераязджае і Мальвіна (“Вогненныя духі”) – гарадская выхаванка, якая сваім прагматычным бяздушшам згубіла Альберта, а сама “сярод шуму вялікага свету забылася пра мінулае...” [10, с. 109]. Горадам забыцця стаў і Вялікі Ноўгарад (“Русалка-спакусніца”), які “ўмураваўся непадступнымі мурамі”, але моцныя гарадскія сцены былі толькі знешнім прыгожым абрамленнем, на фоне якога яшчэ больш ганебна выглядае здрада маладога паніча. Ён парушыў клятву быць верным у каханні і весела бавіць час з іншымі жанчынамі. Нават “белакаменны горад” не спыніў героя, а, наадварот, памножыў яго слабасці. Але горад не толькі разбуральны, Полацк і каханне Якуба Плаксуна пераўтварылі Варку (“Радзімы знак на вуснах”), якую працяглы час крыўдзілі аднавяскоўцы, кажучы, што дзяўчыну пацалаваў д’ябал і радзімка на вуснах – знак сувязі з нячысцікамі. Але, не баючыся гэтых нагавораў, Плаксун бярэ шлюб з Варкай. Дзяўчына стала жыхаркай Полацка, праславілася ветлівасцю і гасціннасцю. Дабрыня жанчыны зрабіла яе прыгожаю, як анёл. Велічны горад змяніў да лепшага і кабету Інсекту (“Драўляны Дзядок і кабета Інсекта”), якая, доўга жывучы ў сваім маёнтку, шмат грашыла. Зло высушыла цела жанчыны, яна стала падобнай да насякомага. Зваротнае ачалавечванне кабеты адбылося ў Полацкім кляштары, дзе паклалі дзіўнае стварэнне на галаву Сакрата. Ксёндз увесь час маліўся за душу Інсекты і адбыўся цуд: “з’явілася яна аднойчы ксяндзу ў пекным абліччы, падобная да анёла, німб вакол чароўнага твару... Яна падзякавала за малітвы, клопаты дзеля яе і ў міг вока знікла...” [10, с. 296].

Грэшніцу выратавала вымоленне месца, сакральная чысціня і прысутнасць моцнага Духа ў сценах Полацкага кляштара. Шчырыя малітвы і праведнае жыццё пераўтвараюць зямны горад у святы. Сакральнасць Полацка ў велічнасці яго святыняў – “званоў св. Стафана, царквы святой Сафіі, якія, стоячы ў тумане, здаецца імкнуцца да воблакаў, іх постаці-веліканы пануюць над горадам і над усёй ваколіцай...” [10, с. 140].

Такім чынам, пры аналізе аўтарскага міфа пра горад раскрываецца адметнасць светабачання пісьменніка, які ідэалізуе вёску, лічыць, што ўсё прыроднае, натуральнае па-сапраўднаму гарманічнае і прыгожае. Горад, у мастацкай трактоўцы Баршчэўскага, – амбівалентны вобраз, сімвалічная шматзначнасць якога раскрываецца аўтарам праз выкарыстанне біблейскіх уяўленняў пра горад-Рай, горад-Пекла, горад-Чыснец.

Горад-Рай у міфапэтыцы Баршчэўскага мае сімвалічнае напаўненне, як час “людскога дзяцінства” (Герой “Успамінаў пра наведванне роднага краю” ўсхвалёна заклікае: “О, шчаслівыя лятункі цудоўнага юнацтва. Калі малады, зямля – рай, усюды дзівосы” [10, с. 137]). Райскім для Баршчэўскага быў Полацк, дзе пісьменнік жыў у гады свайго юнацтва, але родны горад у міфатворчасці пісьменніка паказваецца і атрутна-пякельным, у ім жыве і множыць зло пан Твардоўскі (апавяданне “Пан Твардоўскі і вучань”), і бласлаўлена ачышчальным у час поўнага абнаўлення грэшніцы Інсекты (апавяданне “Кабета Інсекта”).

Архетыпічныя моманты біблейскай гісторыі, як і язычніцкія архаічныя ўяўленні беларусаў, выкарыстоўваюцца ў аўтарскім міфалагізаванні і раскрываюць недасканаласць сучаснага стану ў свеце і надзею на новае абнаўленне, якое мысліцца пісьменнікам не як стварэнне новага, а як вяртанне да першапачатковай гармоніі.

Абнаўленне ў гарадскім міфе Баршчэўскага звязалася, з аднаго боку, з ідэяй утапічнага вяртання Залатога веку, перапляталася з верай у натуральнага чалавека, у натуральную гаспадарку, з другога – раскрывалася ў непаслядоўных аўтарскіх спадзяваннях на горад як цэнтр асветы, культуры і высокай духоўнасці.

У гарадской міфалогіі, прадстаўленай у мастацкіх тэкстах Баршчэўскага, абавязковы наступныя элементы, якія бяруць пачатак у розных міфалагічных сістэмах: матывы страты памяці, падзеі здарэння, якое парушыла звычайны ход гісторыі горада, і матыў канца гісторыі горада.

Страта гістарычнай памяці выступае прыкметай дэградацыі і заканамерна папярэднічае канцу гісторыі горада, з'яўляецца састаўной часткай эсхаталагічных міфаў, але трагізм эсхаталагічнай тэматыкі гарадскіх міфаў аблягчаецца матывам цыклічнасці, абнаўлення.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Падбярэскі, Р. Беларусь і Ян Баршчэўскі / Р. Падбярэскі // Баршчэўскі Ян. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях. – Мінск: Юнацтва, 1996. – 319 с.
2. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускае літаратуры / М. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 479 с.
3. Каваленка, В. А. Міфа-паэтычныя матывы / В. А. Каваленка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 318 с.
4. Хаўстовіч, М. В. Мастацкі метад Яна Баршчэўскага / М. В. Хаўстовіч. – Мінск: БДУ, 2003. – 203 с.
5. Даніленка, С. І. Міф Адраджэння: харунжыя Бога. Спецыфіка сацыяльнай міфатворчасці ў беларускай літаратуры XIX–XX стст. у кантэксце інфернальнай вобразнасці / С. І. Даніленка. – Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2005. – 180 с.
6. Тычына, З. Сны і снабачанні Яна Баршчэўскага / З. Тычына. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2004. – 92 с.
7. Багдановіч, І. Біблейскі архетып возера ў інтэрпрэтацыі рамантыкаў (Адам Міцкевіч, Ян Чачот, Тамаш Зан) / І. Багдановіч // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай / рэдкал. Л. К. Тарасюк [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2000. Ч1: Тэарэтычныя праблемы літаратуразнаўства, міфалагічныя матывы і фальклорныя традыцыі ў літаратуры, славянскія літаратуры, ад сярэднявечча да асветніцтва, беларуская літаратура ў яе ўзаемасувязях з іншымі літаратурамі свету. – С. 13–17.
8. Бельскі, А. “О, горада чароўныя прынады!” Станаўленне ўрбаністычнага мыслення ў беларускай паэзіі / А. Бельскі // Роднае слова. – 2015. – № 3. – С. 17–18.
9. Медведева, Н. И. Миф как форма художественной условности: автореф. дис...канд. филол. наук / Н. И. Медведева. – М., 1984. – С. 1–2.
10. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі; уклад., прадмова і камент. М. Хаўстовіча. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1998. – 480 с.
11. Вовк, О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М.: Вече, 2006. – 526 с.
12. Элиаде, М. Аспекты мифа: пер. с фр. / М. Элиаде. – М.: Академ проект, 2001. – 239 с.
13. Вергилий, П. Буколики / П. Вергилий // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М., 1971. – 386 с.
14. Васючэка, П. Крыўскі слоўнік, паводле Яна Баршчэўскага / П. Васючэнка // Крыніца. – 1999. – № 7–8 (54). – С. 24–26.

References

1. Padbiareski R., “Belarus and Ya. Borschevskiy”, in Barshcheŭski Ia., Shliakhtsits Zaval'nia, abo Belarus' u fantastychnykh apaviadanniakh [Nobleman Zavalnya, or Belarus in Fantastic Tales], Iunatstva, Minsk, BY, 1996, pp. 331–367.
2. Garetski M., Gistoryia belaruskae litaratury [The History of Belarusian Literature], Mastatskaia litaratura, Minsk, BY, 1992.
3. Kavalenka V.A., Mifa-paetychnyia matyvyy [Mythical and Poetical Motives], Navuka i tekhnika, Minsk, BY, 1981.
4. Khaŭstovich M.V., Mastatski metad Iana Barshcheŭskaga [J. Barszczewski's Artistic Method], BDU, Minsk, BY, 2003.
5. Danilenka S.I., Mif Adradzhennia: kharunzhyya Boga. Spetsyfyka satsyial'nai mifatvorchastsy ŭ belaruskai litaratury KhIKh – KhKh stst. u kantektse infernal'nai vobraznastsy [The Renaissance Myth: God's Cornets. Specifics of Social Mythmaking in Belarusian Literature of the 19th – 20th Cent. in the Context of Infernal Imagery], MDU imia A. Kuliashova, Mogilev, BY, 2005.

6. Tychyna Z., *Sny i snabachanni Iana Barshcheŭskaga : managrafiia* [J. Barszczewski's Dreams and Visions: A Monograph], Belaruski knigazbor, Minsk, BY, 2004.

7. Bagdanovich I., “Biblical Archetype of a Lake in Romanticists' Interpretation (A. Mitskevich, J. Chachot, T. Zan)”, in Tarasiuk L.K. (ed.), *Slavianskiia litaratury ŷ kantektse susvetnai. Ch1. Tearetychnyia prablemy litaraturaznaŷstva, mifalagichnyia matyvy i fal'klornyia tradytsyi ŷ litaratury, slavianskiia litaratury, ad siaredniavechcha da asvetnitstva, belarускаia litaratura ŷ iae ŷzaemasuviaziakh z inshymi litaraturami svetu* [Slavonic Literature in the Context of World Literature/ Part 1. Theoretical Problems of Literary Criticism, Mythological Motives and Folk Traditions in Literature, Slavonic Literatures from the Middle Age to the Renaissance, Belarusian Literature in its Interaction with World Literature], BDU, Minsk, BY, 2000, pp. 13–17.

8. Bel'ski A., ““Oh, the City's Wonderful Lure!” Formation of Urban Thinking in Belarusian Poetry”, *Rodnae slova* [Native word], 2015, no. 3, pp. 17–18.

9. Medvedeva N. I., “Myth as a Form of Artistic Convention”, Abstract of Ph.D. dissertation, Theory of literature, Textual, Moscow Order of Lenin, Order of October Revolution and the Order of the Red Banner of Labor State University named after M. V. Lomonosova, Moscow, RU, 1984.

10. Barshcheŭski Ia., *Vybranyia tvory* [Selected Works], “Belaruski knigazbor”, Minsk, BY, 1998.

11. Vovk O.V., *Entsiklopediia znakov i simvolov* [Encyclopedia of Signs and Symbols], Veche, Moscow, RU, 2006.

12. *Aspekty mifa* [Aspects of the Myth], Translated by Eliade M., Lit. Izd. Agenstvo “Akadem proekt”, Moscow, RU, 2001.

13. Vergilii Publilii, *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [Bucolic. Georgics. Aeneid], *Khudozhestvennaia literature*, Moscow, RU, 1971.

14. Vasiucheka Piatro, “Kryvian Dictionary according to Jan Barszczewski”, *Krynitsa* [Source], 1999, no. 7–8 (54), pp. 24–26.

Информация об авторе

Леська Лилия Петровна – ст. преподаватель. УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка» (ул. Советская, 18, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : leska.l.5@yandex.ru.

Information about the author

Leska Liliya Petrovna, Senior Lecturer, Belarusian Maxim Tank State Teachers-Training University (18 Sovetskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: leska.l.5@yandex.ru.

Для цитирования

Леська, Л. П. Мифалагічны ўрбанізм Яна Баршчэўскага / Л. П. Леська // *Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2017. – № 2. – С. 99–105.

For citation

Leska L. P. Jan Barszczewski's Mythological Urbanism. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series*, 2017, no. 2, pp. 99–105.

ПРАВА

LAW

УДК 342

Поступила в редакцию 14.03.2017

Received 14.03.2017

Г. А. Василевич¹, М. Ф. Чудаков²

¹Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

²Международный университет «МИТСО», Минск, Беларусь

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В БЕЛАРУСИ
(ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)**

Проведен анализ правовой (конституционной) истории Беларуси. Рассмотрены различные точки зрения на развитие и становление белорусской государственности. Используются труды отечественных, российских, польских, литовских авторов, в которых излагались взгляды на историю белорусского народа. Акцентируется внимание на влиянии статута Великого Княжества Литовского на развитие государственного права Беларуси. Отмечено, что как минимум существует два белорусских подхода к оценке белорусской государственности. Первый – доставшийся нам от советских времен, согласно которому белорусская государственность началась 1 января 1919 г. с провозглашения Советской Социалистической Республики Белоруссия в Смоленске. Второй – согласно которому белорусская государственность насчитывает много веков и начинается, по крайней мере, со времен Полоцкого княжества. Новые возможности для становления Беларуси как независимого государства появились на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия. В этот период на фоне начатой перестройки отношений между Союзом ССР и союзными республиками, возросшей активности граждан, их общественных объединений был начат процесс реформирования политической, экономической и правовой систем. Право в это время нуждалось в значительной степени в обновлении. Отмечаются наиболее важные законы, принятые в этот период высшим органом государственной власти Беларуси, которые завершили юридическое закрепление независимости. К ним отнесены такие основополагающие нормативные правовые акты, как Декларация о государственном суверенитете Беларуси, Закон «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь», а также новая Конституция Беларуси, подготовка которой осуществлялась более трех лет и завершилась принятием в 1994 г.

Все это позволяет составить целостную картину развития конституционного процесса на белорусских землях, который неотделим от исторического процесса развития белорусского народа и его государственности.

Ключевые слова: конституционный процесс, история Беларуси, конституционное развитие, Декларация о государственном суверенитете.

G. A. Vasilevich¹, M. F. Chudakov²

¹Belarusian State University, Minsk, Belarus

²International University «MITSO», Minsk, Belarus

**CONSTITUTIONAL PROCESS IN BELARUS
(HISTORY AND THE PRESENT)**

The legal (constitutional) history of Belarus is analyzed. Different points of view on the development and formation of the Belarusian statehood are addressed. Works by domestic, Russian, Polish and Lithuanian authors expressing their views on the history of the Belarusian people were used. The attention is focused on the influence of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania on the development of the Belarusian sovereign law. It is noted that there are at least two Belarusian approaches to the assessment of the Belarusian statehood. The first approach is a Soviet inheritance; according to it, the Belarusian statehood started January 1, 1919 following the proclamation of the Soviet Socialist Republic of Byelorussia in Smolensk. According to the second approach, the Belarusian statehood dates back to many centuries ago and begins no later than the time of the Principality of Polotsk. New opportunities for the development of Belarus as an independent state emerged in the late 1980s. That period was marked by the beginning of transformation in the relations between the USSR and its Union Republics and the growing activity of citizens and public associations; at that background, there started the process of reforming the political, economic and legal systems. Law needed to be substantially updated at that time. The article highlights the most important laws passed at that period by the supreme body of state power in Belarus. These laws finalized the legal enshrinement of the independence. These include fundamental legal acts such as the Declaration on State Sovereignty of Belarus, the Law on Basic Principles of Democracy in the Republic of Belarus and the new Constitution of Belarus adopted in 1994 following over three years of preparation.

All this allows making a complete picture of the development of the constitutional process in Belarusian lands. It is inseparable from the historical process of the development of the Belarusian people and its statehood.

Keywords: constitutional process, history of Belarus, constitutional development, Declaration of State Sovereignty.

Общеизвестно, что по поводу истории белорусской государственности и белорусского конституционализма нет единства. Более того, единства в обозримом будущем и не предвидится. Как правило, за каждой исторической теорией, версией, схемой стоят определенные политические, государственные, национальные, конфессиональные, экономические и другие интересы. Конфликты интересов (или, по крайней мере, несовпадения интересов) ведут к несовпадению исторических схем и теорий. Это всегда нужно иметь в виду, когда кто-то берется исследовать исторические или историко-правовые процессы. Научная полемика не всегда является научной, а зачастую политической полемикой.

Что касается современного положения дел в сфере правовой (конституционной) истории, истории государства и права, то можно сказать, что внутренние социально-политические (идеологические) догматы и постулаты не играют сейчас столь значительной роли, каковыми они были до конца 80-х гг. XX века (т. е. до эпохи горбачевской перестройки и гласности, которая закончилась крахом коммунистической идеологии, прежде всего в государственном ее выражении).

Необходимо отметить, что в настоящее время одни и те же факты и события историко-правового значения, касающиеся белорусской истории государства и права, могут быть по-разному объяснены, истолкованы и названы, прежде всего, в зависимости от страны, где находятся интерпретаторы этой истории.

С учетом этого, можно сказать, что существует *польский* взгляд на белорусскую историю государства и права вообще и на белорусский конституционализм в частности, есть также *литовский* взгляд на эту материю, *российский* взгляд и, возможно, некий средневропейский взгляд, который будет скорее всего базироваться на смеси польско-литовских подходов. К сожалению, можно отметить, что существует, как минимум, два белорусских подхода к оценке белорусской государственности. *Первый* – доставшийся нам от советских времен, согласно которому белорусская государственность началась 1 января 1919 г. с провозглашения Советской Социалистической Республики Белоруссия в Смоленске. *Второй* – согласно которому белорусская государственность насчитывает много веков и начинается, по крайней мере, со времен Полоцкого княжества.

Отметим, что в принципе ничего унижительного не было бы и в том случае, если бы первый вариант соответствовал действительности, скажем, по латвийскому образцу. Как известно, до 18 ноября 1918 г. никакой Латвии не существовало (были земли Литовского ордена, Рижского архиепископства; герцогство Курляндское, Лифляндия, входившие в состав России и т. д.), однако Латвия была провозглашена независимым государством и стала им (по праву народов на самоопределение).

Однако белорусская государственность не возникла 1 января 1919 г., хотя с формальной точки зрения государства с названием Белоруссия (Беларусь) до этого на карте мира не было.

Подчеркнем, что в мировой истории возникновение и исчезновение государств зачастую не подчиняются каким-либо историческим законам, правилам, логике и т. д. и являются вполне иррациональными процессами и событиями, возникновение которых объясняется случайными с точки зрения исторических масштабов факторами. Почему, к примеру, так быстро и кроваво распалась многонациональная Югославия, народы которой долго и неплохо (экономически) жили вместе?

Государствоведам, видимо, следует некоторые факты и явления принимать *a priori*, как должное, и не объяснять необъяснимые вещи. Существуют устойчивые понятия «менталитет народа», «менталитет нации», и эти необъяснимые, но вполне реальные явления влияют на судьбы государства и населяющих их народов.

Если же брать более далекую историю (300–500 лет назад), то необходимо принимать во внимание то, что сегодняшние термины (или точнее термины, которыми мы сегодня называем тогдашние понятия) не подходят к прошлым понятиям и институтам.

Тогдашний человек по-иному понимал, что такое государство, что такое власть, что такое закон и т. д. Совершенно забыты (и в принципе не могут быть поняты) понятия «божественного права», «собственного права короля» и т. д. Более того, многие вещи уже не могут быть поняты

вообще, как не сможет современный человек понять психологию человека первобытного. Одни и те же слова несут иной подтекст, а зачастую и смысл.

Попытки современных историков и государствоведов анализировать, определять характер государства и отношение его подданных (граждан) к власти, а власти к подданным по модели современных государств, моноэтнических, светских, построенных на основе принципа разделения властей, существующих в эпоху электронных СМИ, Интернета и т. д., не могут быть успешными по определению. Более того, и язык (обычный язык) за столетия меняется очень существенно, непонятные (малопонятные) сейчас тексты (слова и выражения) могут быть восприняты либо неточно, либо даже неверно, и выяснить их правильное значение практически невозможно.

Точно так же практически невозможно найти общие подходы к некоторым историческим явлениям. Государственно-правовое прошлое Беларуси описывалось и описывается по-разному. Выдающийся историк права И. А. Юхо достаточно подробно проанализировал историографию (библиографию) основных изданий по истории белорусского государства и права. Так, он начинает ее описание с раздела «*Дворянская и буржуазная историография*». Мы полагаем, что данные источники в основном можно было бы назвать: «*Историография первого периода, созданная в Российской империи на русском языке – с начала XIX в. по 1917 г. XX в.*» [29]. 1917 год приводится не случайно, это год Октябрьской революции, год распада Российской империи. В данный период был издан ряд интересных научных трудов, в известной степени заложивших фундамент современных знаний о белорусском государстве и праве раннего периода развития. Здесь можно выделить как минимум около десятка имен. Отметим наиболее известные – это В. Н. Татищев, который в своей «Истории Российской: в 6 т.» [1] достаточно много места уделил и белорусской истории государства и права, и Д. Н. Иловайский, в числе трудов которого есть такие работы, как «Гродненский Сейм, 1793 г.» (1870 г.) и «Великий Новгород и Белоруссия» [2, с. 70–74].

Однако более значительными для нашей исторической и правовой науки представляются работы И. Н. Даниловича, который, можно сказать, подходил к истории государства и права Беларуси не с имперской, а с белорусской точки зрения [3, с. 1–46].

В числе исследователей этого направления необходимо назвать М. О. Кояловича, который оставил ряд работ по данной проблематике, именуя по тогдашнему обычаю белорусские земли и белорусское государство Западной Россией или Западно-Русским краем [4; 5].

В этот период над данной темой также работали О. В. Турчинович, Н. И. Костомаров, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. Б. Антонович, которые являются представителями Киевской школы истории государства и права.

Особое место среди представителей этой школы многие исследователи отводят М. Ф. Владимирскому-Буданову [6]. Однако особо отмечаются представители так называемой историко-юридической школы, прежде всего М. К. Любавский [7–9] и И. И. Лаппо [10–11]. Говоря о последнем, некоторые современные исследователи полагают, что в его работах есть все основные моменты, лежащие в сегодняшних воззрениях на белорусское государство и право.

Следует отметить также весьма значительные работы таких ученых, как Н. А. Максимейко [12], И. А. Малиновский [13], М. В. Довнар-Запольский [14], Ф. Н. Леонтович [15–16], Ф. В. Тарановский [17].

Некоторые из этих авторов писали и публиковали свои работы и после 1917 г. (И. А. Малиновский, И. И. Лаппо, М. В. Довнар-Запольский, М. К. Любавский), но как ученые они сложились именно в так называемый дореволюционный период и основные их труды опубликованы до 1917 г. Однако нужно отметить, что после 1917 г. некоторые из них стали применять иные термины. Так, уже в 1918 г. М. К. Любавский вместо «Западно-русского государства» применил понятие Белоруссия [18].

Оценивая упомянутые выше работы, можно охарактеризовать их следующим образом: одна часть работ, написанных на русском языке, отражала взгляды имперского русского подхода к истории Беларуси как части Русского государства, входившей первоначально в Русь, затем волею судеб отошедшей от, так сказать, «праматери» и существовавшей в виде Литовско-Русского

государства либо насильственно включенной в состав Речи Посполитой, а затем, после третьего раздела Польши, как “вернувшейся” в Россию. Авторами этих работ являлись И. А. Малиновский, Ф. И. Леонтович, В. Н. Татищев и др.

Другие подразумевали под Литовско-Русским государством (Литвой) вполне самостоятельный субъект государственного и международного права, имевший свою территориальную, этнографическую, культурную и правовую основу, признавая, к примеру, Статуты Великого Княжества Литовского памятниками не польского или жемойтско-аукштайтского (по-современному – литовского) права, а западно-русского (по-современному – белорусского) права. К ним относятся М. К. Любавский, И. И. Лаппо, А. Е. Пресняков и др.

В этот же первый период исторических работ, посвященных белорусской истории и созданных в Российской империи с начала XIX в. по 1917 г. XX в., следует отдельным подразделом включить работы, созданные на польском языке.

Эти работы также можно разделить на две группы. Первая группа – это работы, затрагивающие историю Беларуси, написанные поляками на польском языке, с польских позиций оценивающих эту историю, т. е. историю Беларуси как часть истории Польши, а, скажем, Речь Посполитую – не как федеративный союз двух государств (Польши и Великого Княжества Литовского), а как Польшу. Это авторы Т. Чацкий, В. А. Мацевский, Л. Левицкий, Ю. Вольф, А. Яблоновский, С. Кутшеба и др.

Вторая группа работ, авторы которых представляли собой чаще всего уроженцев Беларуси, более адекватно оценивала историю своей Родины, т. е. как историю самостоятельного государства – Великого Княжества Литовского. Авторами этих работ являлись И. М. Данилович, Я. Ярошевич, Т. Нарбут. Более близки к ним (а не к первой группе) И. Б. Раковецкий и С. Линдэ.

Первый период, условно говоря, завершается созданием первой книги по белорусской истории, написанной белорусом для белорусов на белорусском языке. Это была книга В. Ю. Ластовского “Кароткая гісторыя Беларусі” (издана под псевдонимом Власт в Вильне в 1910 г.) [19].

Второй период изучения белорусской государственности начался с окончания Первой мировой войны, распада почти всех мировых империй (Российской империи, Австро-Венгерской империи, Германской империи), т. е. с 1918 г.

В этот период сохранились старые тенденции – Российскоцентричные (Беларусь всегда была частью Российской империи), Польскоцентричные (Беларусь всегда была элементом польской истории). Появились новые веяния – Беларусь признавались частью Литовского государства, под которым следовало понимать государство нынешних этнических литовцев, которые ранее назывались жемойтами и аукштайтами, т.к. появилась Литовская республика со столицей в Каунасе.

Но, самое главное, после книги В. М. Ластовского появились другие книги белорусов о Беларуси на белорусском языке. Первыми такими книгами можно назвать “Кароткі нарыс гісторыі Беларусі” У. М. Игнатовского [20] и брошюру М. В. Довнар-Запольского “Асновы дзяржаўнасці Беларусі” [21]. Первая вышла в оккупированном поляками Минске, а вторая – в Гродно.

Тенденция считать историю Беларуси историей Польши в польской науке сохранялась достаточно долго, лишь в последнее десятилетие XX в. поляки в науке признали Беларусь самостоятельной исторической единицей, и понятие «Kresy Wschodnie» стало употребляться несколько реже.

Что касается этнических литовцев, то они продолжают как бы «присваивать» Великое Княжество Литовское, всячески подчеркивая литовскую (этнографическую) доминанту ВКЛ. Иногда это выглядит достаточно курьезно [22, с. 98].

Мы полагаем, что необходимости выяснять, «чье на самом деле было Великое Княжество Литовское», не имеет смысла, даже по вышеуказанной причине, суть которой в том, что в современном восприятии ощущение понятия государства, его сущности, его власти и т. д. абсолютно отличается от времени существования Великого Княжества Литовского. Есть хороший подход к старой истории: если трудно поделить эту историю, ее героев, ее культурные сокровища и т. д., то нужно не делить ее, а считать общей. Тем более, если многие «спорные» моменты обросли легендами, теориями и гипотезами.

А. Белый, размышляя об истории названия Белая Русь, пишет, что такая история является предметом исследования такой специфической дисциплины (ее на Западе называют «историей идей»), которая занимается проблемами эволюции ментальности, отражения действительности в сознании людей разных эпох и культур в форме отдельных образов, понятий и терминов [23, с. 193].

Указывая на то, что Статуты 1566 и 1588 гг. в оригинале называются Статутами Великого Княжества Литовского, литовский историк С. Лазутко полагает, что поскольку многие исследователи называли их просто Литовскими Статутами, а И. Данилевич и И. Леллевель «закрепили» это название, то оно «укрепилось» и нужно придерживаться именно его. Это является примером борьбы в сфере «истории идей». Литовский ученый полагает, что название «Литовский Статут» будет работать на идею Литовского доминирования (и стало быть, литовской сущности ВКЛ). Спорить здесь не нужно, так как статуты можно называть по их названию, написанному на первой странице на старобелорусском языке, а можно по укоренившейся традиции.

В этот второй период (который называется послереволюционным) изучение белорусского государства и права на территории Беларуси включает два этапа. Первый начался еще до утверждения советской власти (книги В. М. Игнатовского, М. В. Довнар-Запольского) и затем успешно продолжался при советской власти в период, который получил название «белорусизация». Он длился примерно с 1919 по 1931 г. В этот этап были заложены практически все основные подходы к современному белорусскому пониманию истории государства и права Беларуси. Так, в книге В. М. Игнатовского впервые была сформулирована историческая периодизация истории Беларуси (пять этапов):

- 1) период Полоцкого княжества;
- 2) период Великого Княжества Литовского;
- 3) период вхождения в Речь Посполитую;
- 4) период вхождения в состав Российской империи;
- 5) советский период существования Беларуси.

В это время появились работы выдающегося историка В. И. Пичеты (ученика М. К. Любавского), включая «Литовский Статут 1529 г. и его источники» [24, с. 253–358], а также ряд других, которые не утратили значения в настоящее время.

Второй период длился примерно шестьдесят лет (1931–1951 гг.) и характеризовался другим подходом к истории Беларуси. Суть этого подхода можно сформулировать так: некоторое время белорусы были в составе Древней Руси, затем были завоеваны сначала литовцами, потом поляками. Получили национальное освобождение в результате воссоединения с Россией (после 3-го раздела Польши). Впервые же свою государственность белорусы получили (согласно этой теории) только 1 января 1919 г., после провозглашения советской власти и Советской Социалистической Республики Белоруссия. Эта теория вполне могла бы быть одной из научных теорий, беда лишь в том, что она стала единственной вообще и «единственно верной» в частности, т.к. поддерживалась советской властью и коммунистической партией.

В этот период было издано достаточно много работ, посвященных, в частности, истории государства и права Беларуси. Среди них учебники для студентов-юристов: «История государства и права СССР» С. В. Юшкова [25], «История государства и права СССР» под ред. К. А. Софроненко [26]. Кроме того, было издано немало книг, посвященных данной теме. Такие работы издавались в Российской Федерации, Украинской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР и, естественно, в Белорусской ССР. Среди них работы В. Т. Пашуты, А. В. Сурикова, З. Ю. Копысского, Л. С. Абецдарского, А. П. Грицкевича, А. П. Игнатенко, С. Ф. Сокола, С. А. Падокшина, В. Андрулиса, С. Вансвичуса, Э. Тудавичуса, С. Лазутки, К. Я. Яблонскиса и др.

В основном в этих работах доминировала мысль о литовской (этнографической) доминации в Великом Княжестве Литовском и о появлении белорусской государственности с момента провозглашения БССР 1 января 1919 г.

Одним из немногих исключений в данном вопросе была позиция И. А. Юхо, который с середины 60-х гг. XX в. упорно проводил и развивал мысль о многовековом характере белорусской государственности, белорусском характере Великого Княжества Литовского, существовании ре-

ального белорусского государственного элемента в составе Речи Посполитой и полном «возрождении» белорусской государственности 1 января 1919 г.

Однако делалось это как бы «вполголоса», на «своей территории». Так, И. А. Юхо читал лекции студентам-юристам, свободно развивая свои взгляды, публиковал статьи (чаще в литературно-художественных журналах, чем в исторических [27]), но когда он написал главу X в учебнике «История государства и права СССР», вышедшем в Москве в 1967 г., то был вынужден «подстраиваться» под общий тон и писал об истории Литовского государства.

Степень свободы научных изысканий в Советском государстве всегда зависела от уровня разрешенного (дозволенного) и неразрешенного (недозволенного). Так, в период хрущевской оттепели белорусским ученым удалось издать «Статут Великого Княжества Литовского» [28], а потом снова долгое время доминировала точка зрения о государственности с 1 января 1919 г.

Естественные, не скованные цензурой и навязанной «традицией» подходы стали возвращаться в белорусскую науку во времена перестройки и гласности, а окончательно вернулись после обретения страной независимости. Именно тогда появились следующие книги: Я. А. Юхо «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі» [29], «Крыніцы беларуска-літоўскага права» [30], М. Ермаловича «Старажытная Беларусь: полацкі і новагародскі перыяды» [31], «Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд» [32], «Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае» [33], «Нарысы гісторыі Беларусі» под ред. М. Костюка, М. Бича и др. [34], А. Ф. Вишневого «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (IX – пач. XX ст.)» [35], «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэбны дапаможнік» [36], Г. Сагановича «Нарыс гісторыі Беларусі» [37], А. К. Кравцевича «Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага» [38], Т. И. Довнар «Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях» [39], «Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду» [40], «Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па Статутах Вялікага Княства Літоўскага)» [41] и ряд других.

Именно в этот период стало возможно переиздать упомянутые выше книги В. Б. Ластовского, В. М. Игнатовского, а также впервые издать, как было указано в аннотации, чудом уцелевшую за плотными дверями архива КПБ-КПСС фундаментальный труд М. В. Довнар-Запольского «Гісторыя Беларусі» [42].

Была также издана очень важная для истории Беларуси книга Ф. Турука «Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов» (издана впервые в 1921 г. в Москве и с тех пор не только не переиздавалась, но была спрятана в «спецхранах») [43]. Также стало возможным опубликовать сборник «Внешняя политика Беларуси», где помещены некоторые весьма важные документы для истории страны [44].

Новые возможности для становления Беларуси как независимого государства появились на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия. В этот период на фоне начатой перестройки отношений между Союзом ССР и союзными республиками, возросшей активности граждан, их общественных объединений был начат процесс реформирования политической, экономической и правовой систем. Право в этот период нуждалось в значительной степени в обновлении. В конце 80-х гг. XX столетия в качестве основного направления развития политической системы тогда еще советского общества предусматривалось дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения. Вслед за корректировкой Конституции Союза ССР потребовалось внести изменения и дополнения в Конституцию БССР 1978 г., которая в 1990-е гг. стремительно превращалась в архаичный документ. В этот период с новой силой встала проблема не только обретения республиками бывшего СССР государственного суверенитета, но и устранения монополии одной партии на власть, утверждения политического и экономического плюрализма. Совершенно иначе воспринимались ценности демократии, права и свободы граждан, роль государства в их обеспечении. Все чаще политики обращались к таким важнейшим документам, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономи-

ческих, социальных и культурных правах и др., многие принципиальные положения которых даже не упоминались в прежней Конституции.

27 октября 1989 г. Верховный Совет БССР принял Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР». Идея и цель этого Закона были благородными – для развития демократии (социалистической), самоуправления народа, совершенствования избирательной системы, структуры и деятельности Советов народных депутатов и органов правосудия. Были внесены важные изменения, касающиеся системы и принципов деятельности Советов народных депутатов, значительные новеллы появились в главе «Избирательная система». Все это способствовало демократизации избирательного процесса, появлению реальной конкуренции на выборах в белорусский Парламент (Верховный Совет), которые прошли в марте 1990 года. Изначально в опубликованном для обсуждения проекте Закона речь шла о представительстве КПСС, профсоюзов и других общественных объединений. Это предложение подвергалось широкой критике, и следует отдать должное руководству республики, которое, принимая решение по редакции проекта, прислушалось к общественному мнению. Из других союзных республик лишь Казахстан закрепил в Конституции представительство (90 человек) в Верховном Совете общественных объединений.

В обновляемом конституционном тексте уже «просматривались» элементы разделения властей. Принципиально изменился статус Верховного Совета БССР: он стал высшим постоянно действующим органом государственной власти Белорусской ССР, закреплены его новые полномочия.

В целом назревшие изменения в Конституции БССР явились правовой основой для развития конституционной демократии в нашей республике. Важно было правильно воспользоваться новыми нормами.

Особенности национального государственного строительства в 1990–1994 гг. обуславливались постепенным обретением республикой государственного суверенитета и закреплением этого факта вначале в Конституции 1978 г. и иных актах республиканского законодательства, а затем в 1994 г. и новой Конституции – Основном Законе суверенной Беларуси.

Нельзя отрицать тот факт, что и прежняя Конституция провозглашала Республику Беларусь как суверенное государство. В статье 1 Основного Закона 1978 г. закреплялось, что наша республика «есть социалистическое общенародное государство...», а в статье 68 подчеркивалось, что Республика Беларусь – «суверенное советское социалистическое государство». Вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР, Республика Беларусь самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории. Однако общественное развитие и деятельность Верховного Совета республики в 90-е гг. XX столетия пошли по пути создания суверенного государства, которое не входит на федеративных началах в состав союзного государства.

На обеспечение государственного суверенитета «работали» как акты, имеющие специальную на это направленность (например, Декларация о государственном суверенитете), так и решения, которые косвенно (в зависимости от их содержания) оказывали такое влияние (например, законы об основных принципах народовластия, о гражданстве). Так, первым шагом на пути к обеспечению государственного суверенитета республики было Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 20 июня 1990 г. «О подготовке Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь» [45, с. 267]. К этому времени были приняты Декларации о государственном суверенитете Эстонии (16.11.1988 г.), Латвии (28.07.1989 г.), Литвы (26.05.1990 г.), Грузии (26.05.1990 г.), России (12.06.1990 г.), Молдовы (23.06.1990 г.), Украины (16.07.1990 г.). Несколько позднее были приняты Декларации Туркменистаном (22.08.1990 г.), Арменией (23.08.1990 г.), Таджикистаном (24.08.1990 г.), Кыргызстаном (31.08.1990 г.), Казахстаном (25.10.1990 г.), Узбекистаном (31.09.1991 г.), Азербайджаном (18.10.1991 г.). До рассмотрения проекта Декларации Верховный Совет 22 июня 1990 г. решил еще один важнейший вопрос, без которого нельзя было двигаться к суверенитету, а именно образовал Конституционную комиссию. Непосредственно сама Декларация Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете была принята 27 июля 1990 г.

Декларация, хотя и не имела тогда, по нашему мнению, юридического значения, в плане ее соотношения с другими актами носила рекомендательный характер, однако стимулировала при-

нятие других законодательных и иных нормативных актов Республики Беларусь. Многие ее идеи были включены в проекты разрабатываемых нормативных актов. На это в принципе нацеливала и сама Декларация, в статье 12 которой сказано, что положения настоящей Декларации реализуются Верховным Советом путем принятия новой Конституции (Основного Закона) и Законов Республики Беларусь.

Государственный суверенитет, как было заявлено в Декларации, утверждается во имя высшей цели – свободного развития и благополучия, достойной жизни каждого гражданина республики на основе обеспечения права личности в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и ее международными обязательствами. Именно осознание этой ответственности Верховного Совета за судьбу народа привело к тому, что он провозгласил «полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях» и заявил о стремлении создать правовое государство.

Идея Декларации заключалась и в том, чтобы подчеркнуть самостоятельность республики в осуществлении права на добровольные союзы с другими государствами и свободный выход из этих союзов. Более того, вовсе не отвергалось нахождение в составе СССР, так как Республика Беларусь предлагала безотлагательно приступить к разработке Договора о союзе суверенных социалистических государств.

Следует иметь в виду, что 25 августа 1991 г. Декларации о государственном суверенитете был придан статус конституционного закона, нормы которого обладали даже большей юридической силой, чем действовавшая на тот момент Конституция Республики Беларусь. Со вступлением в силу 30 марта 1994 г. новой Конституции указанный закон утратил свое действие, а Декларация имеет значение как политический документ.

Одним из важнейших шагов по пути юридического оформления движения к независимости было принятие 27 июля 1990 г. Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Беларусь» [46, с. 450]. Его значение – в демократизации внутренней жизни государства. Им юридически гарантировалась многопартийность, устранялась монополия одной партии на власть, решались вопросы экономической системы республики, а именно ее развитие на основе собственности граждан, коллективной и государственной собственности.

Особое место среди законодательных актов Верховного Совета в сфере государственного строительства занимает принятый ровно через восемь месяцев, т.е. 27 февраля 1991 г., Закон «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» [47]. Первоначально имелось в виду подготовить Декрет о власти: такие акты были приняты в некоторых других республиках Союза ССР, например, России. В них республиканские законодатели стремились пересмотреть свои взаимоотношения с центром, перераспределить властные полномочия. Закон об основных принципах народовластия включал в себя как те положения, которые были в Конституции и Декларации, так и совершенно новые. Так, закреплялся принцип народовластия, происхождение всей власти от народа, который может ее осуществлять как непосредственно, так и через представительные органы. В ранг закона возводилось положение Декларации о том, что право выступать от имени всего народа республики имеет Верховный Совет Республики Беларусь.

По существу, впервые законодательно был решен вопрос о приоритете актов Республики Беларусь над актами союзных органов, хотя в этой части Закон не соответствовал Конституции 1978 г. Закон пошел дальше, нежели Декларация, и предусмотрел, что все государственные предприятия, учреждения, организации, которые находятся на территории республики, являются ее собственностью либо собственностью административно-территориальных образований. Это было дальнейшим развитием положения статьи 5 Декларации о том, что Республика Беларусь имеет право на свою долю в общесоюзном имуществе соответственно вкладу белорусского народа. И еще один важный блок вопросов был решен в Законе от 27 февраля 1991 г.: это проблема взаимоотношений государства и общественных объединений. Этим законом был установлен запрет на принятие совместных актов органов государственной власти и общественных объединений. Было запрещено вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц, равно как и вмешательство государственных органов

и должностных лиц в деятельность общественных объединений, если иное не предусмотрено законом.

Однако наиболее стремительно движение к обретению государственного суверенитета произошло после совершения попытки завладения властью ГКЧП в августе 1991 г. Это наглядно проявилось в решениях внеочередной пятой сессии Верховного Совета республики. В первую очередь среди принятых решений следует назвать Закон от 25 августа 1991 г. «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь». Впервые в практике законотворческой деятельности высшего представительного органа нашей республики был принят конституционный закон. Причем этому закону был придан более высокий статус, нежели его имеет Основной Закон, – Конституция. Так, согласно статье 2 Закона от 25 августа 1991 г., в случаях, когда положения действующей Конституции (Основного Закона) Республики Беларусь входят в противоречие с положениями Декларации о государственном суверенитете, следует руководствоваться Декларацией как конституционным законом [53].

Принципиально важное значение имел Закон от 25 августа 1991 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Беларусь». По существу, этот Закон и Закон «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» предопределили обретение независимости. Так, согласно новой редакции статьи 72 Конституции 1978 г., на территории Республики Беларусь устанавливалось верховенство ее Конституции и законов, т. е. было установлено правило, аналогичное тому, которое закреплено в статье 7 Декларации о государственном суверенитете. Вместе с тем на основе накопившегося опыта и понимания, что определенное время не обойтись без союзных актов, в части второй статьи 72 предусматривалось, что законодательство Союза ССР действует на территории Республики Беларусь, если оно не противоречит законодательству Республики Беларусь. В целях обеспечения территориальной целостности в новой редакции статьи 73 Конституции предусмотрено, что территория Республики Беларусь является неделимой и неприкосновенной и не может быть изменена или использована без согласия Республики Беларусь (в статье 6 Декларации – без согласия Верховного Совета). Все вопросы о границах Республики Беларусь решаются на основе взаимного согласия между Республикой Беларусь и сопредельными государствами путем заключения соответствующих договоров, которые подлежат ратификации Верховным Советом республики.

Больше политическое, чем юридическое значение имело принятое на пятой сессии Верховного Совета Постановление от 25 августа 1991 г. «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности Республики Беларусь» [50, с. 426]. Этот вывод мы основываем на том, что все главные вопросы уже были решены в Декларации, которой был придан статус конституционного закона, и в Законе от 25 августа 1991 г., которым внесены изменения в Конституцию.

На шестой внеочередной сессии был решен вопрос об изменении названия республики и ее новых официальных символах – гербе и флаге. Так, Законом от 19 сентября 1991 г. Белорусскую Советскую Социалистическую Республику было решено впредь называть «Республика Беларусь», а в сокращенных и составных названиях – «Беларусь» [51, с. 490]. На шестой внеочередной сессии продолжался процесс переподчинения государственных органов, которые ранее «замыкались» на Союзе ССР, непосредственно республике. На сессии был рассмотрен вопрос о размещении воинских формирований на территории Республики Беларусь.

Принятые Верховным Советом республики на шестой сессии решения вовсе не означали еще какого-либо полного разрыва с другими союзными республиками и выхода из состава Союза. Республика Беларусь готова была принять участие в работе вновь сформированных союзных органов. Как известно, 5 сентября 1991 г. был принят Закон СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» [52]. В соответствии с его первой статьей в состав Совета Республик Верховного Совета СССР от Республики Беларусь были делегированы 11 народных депутатов Республики Беларусь и 9 народных депутатов СССР, а днем позже, 19 сентября 1991 г., в состав Совета Союза Верховного Совета СССР были делегированы 10 народных депутатов СССР, которые бы также представляли Республику Беларусь.

Пожалуй, основную роль в юридическом оформлении государственного суверенитета Республики Беларусь сыграло заключение Соглашения между Республикой Беларусь, РСФСР и Украиной об образовании Содружества Независимых Государств, которое было подписано от имени Республики Беларусь 8 декабря 1991 г. Председателем Верховного Совета Республики Беларусь. Через день, 10 декабря, оно было ратифицировано Верховным Советом. В тот же день в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Республики Беларусь и Постановлением Верховного Совета «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности Республики Беларусь» Верховный Совет принял Постановление «О денонсации Договора 1922 г. об образовании Союза Советских Социалистических Республик». Договор 1922 г. об образовании СССР был денонсирован и было признано считать его не действующим по отношению к Республике Беларусь. Постановление о денонсации Договора было введено в действие с момента принятия.

В дальнейшем, уже в отсутствие Союза ССР, Республика Беларусь, ее властные структуры, общественные объединения, граждане активно работали над текстом новой Конституции, которая в итоге была принята Верховным Советом 15 марта 1994 г. На ее основе продолжилось формирование национальной государственно-правовой системы. Уже в преамбуле Конституции было закреплено положение о том, что данная Конституция принимается, «опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности» [53].

Нужно сказать, что строка в преамбуле о «многовековой истории развития белорусской государственности» – это результат почти четырехлетних споров в Конституционной Комиссии Республики Беларусь. Авторы текста проекта Конституции Республики Беларусь (среди которых были и авторы этой статьи) включили в Преамбулу следующий текст: «отдавая должное поискам справедливого общественного устройства на древней земле Беларуси, нашедшим отражение в Статутах Великого Княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Уставных грамотах Белорусской Народной Республики, Конституциях Белорусской Советской Социалистической республики, а также Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь», и этот текст «продержался» в проекте достаточно долго, лишь слегка изменяясь и дополняясь (примерно с 24 июля 1991 г. по 6 июля 1993 г.), а затем по требованию ряда депутатов все упоминания этапов истории Беларуси были убраны.

Поддерживаем высказанную в научной литературе позицию, что «в преамбуле Конституции содержатся основополагающие принципы и нормы, т. е. общеобязательные правила поведения субъектов правовых, в том числе конституционно-правовых отношений» [54, с. 35–40]. В преамбуле в настоящее время прямо указано, что народ Республики Беларусь (Беларуси), исходя из ответственности за настоящее и будущее Беларуси, сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества и подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, стремясь утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, желая обеспечить гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства, принимает настоящую Конституцию – Основной Закон Республики Беларусь. Следовательно, речь идет о фиксации государственного суверенитета, реализации народом своего права на самоопределение.

Развитие нашей национальной государственности основывается на двух государственных языках – белорусском и русском. Полагаем, что это позволяет сохранять мир и согласие в нашей республике. Опыт конституционного строительства свидетельствует, что такого рода традиции уже формировались в прошлом. Так, Конституция БССР 1927 г. закрепляла государственный статус четырех языков.

Белорусская правовая доктрина уже выработала общую и, на наш взгляд, в основном верную точку зрения на историю белорусской государственности вообще и на историю белорусского конституционного права в частности. Так, в книге Г. А. Василевича, Т. И. Довнар и И. А. Юхо «Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі» [55, с. 3–4], изданной в 2001 г., есть достаточно четкое деление развития конституционного (государственного) права по историческим периодам: конституционные нормы в древних законодательных актах Беларуси – грамотах-приви-

лях (XII–XVI вв.); развитие конституционного права в Статутах Великого Княжества Литовского (1529 г., 1566 г., 1588 г.); конституционное право периода Речи Посполитой; Российское законодательство, касающееся Беларуси после присоединения ее к России; белорусское советское конституционное право БССР в составе СССР; конституционное право Республики Беларусь.

Приведенная периодизация в основном верна, хотя и может быть уточнена. По нашему мнению, это периодизация этапов развития белорусской государственности, а не периодизация этапов развития белорусского конституционного права. Естественно, это близкие понятия, но не совпадающие, т. к. конституция, безусловно, является признаком (элементом) суверенного государства, но не всегда суверенные государства имели конституции в современном смысле слова (если даже не брать восточные цивилизации, такие как Ассирия, Вавилон, Древний Китай, то сюда же можно отнести Древний Рим, Древнюю Грецию и весь долгий период феодальных государств).

Итак, по нашему мнению, не следует включать в перечень этапов белорусской государственности период, когда Беларусь полностью вошла в состав Российской империи (конец XVIII – начало XX в., точнее 1917 г.), т. к. это был период, во время которого принимались не белорусские законодательные акты, а российские законодательные акты для Беларуси. Безусловно, они должны изучаться, анализироваться, так как эти акты определяли правовой и фактический статус подданных Российской империи, живших на территории Беларуси, но это все относится к предмету изучения российского права. Что касается развития конституционного процесса, то можно признать его возобновление в период после 1905 г., когда на нашей территории неоднократно проводились выборы в Государственную Думу Российской империи, т. к. любой парламентаризм – это элемент конституционного развития. Нужно отметить, что есть определенные сложившиеся правила и традиции, согласно которым оценивается не только содержание акта (группы актов) и их место в мировом государственно-правовом (в нашем случае конституционно-правовом) процессе, но и определенный исторический контекст, в котором они находились и находятся. Кроме того, есть как бы «групповое общественное мнение специалистов» по важным профессиональным моментам.

Конституционалисты (конституционная доктрина) признают первой писаной конституцией Конституцию США 1787 г., и, следовательно, указанная дата – это рубеж (начало отсчета) истории реальной, писаной, юридической, классической и т. д. конституции. Из этого также следует, что называть нормы, принятые в XII–XIX вв., а также в XV–XVI вв., конституционными нормами можно только с определенной степенью условности.

Одним из авторов этой статьи (М. Ф. Чудаковым) предложено понятие *протоконституция* для всех важнейших актов государственного права, принятых до 1787 г. К актам государственного права, как бы предшествовавшим актам конституционного значения, следует относить такие важнейшие акты белорусской истории, как: три Привилея 1387 г., три Привилея 1413 г., Привилей Казимира 1447 г., Привилей Александра Казимировича 1492 г., Городенский Привилей 7 декабря 1506 г., которым завершился этап развития белорусского государственного права в виде Привилеев и начался *статутный* этап. Статуты Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. и были *протоконституциями*, оказавшими не только решающее значение на жизнь жителей Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, затем Речи Посполитой и жителей белорусских земель Российской империи, но и на жителей почти всей Европы.

История белорусской государственности прерывалась только в период с 1795 по 1917 г., но белорусский конституционализм как политико-правовой процесс практически не прерывался еще и потому, что Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. действовал до 60-х гг. XIX в. на белорусских территориях Российской империи [56].

Таким образом, мы полагаем, что история белорусского конституционализма (белорусская конституционная история) имеет два *основных этапа*: первый – этап неписаной конституции (этап «протоконституции», «квазиконституции») (XVI в. – 1919 г.); второй – этап писаных конституций (1919 г. – наши дни). Особенно интересно и продуктивно, творчески шла работа над редакцией новой, пятой по счету Конституции Республики Беларусь [57]. В основном,

в указанных временных рамках, очевидно, и нужно рассматривать конституционный процесс Беларуси.

В современный период опубликовано несколько книг белорусских авторов, которые дают основательное представление об истории белорусского народа, его государства и права, дополняют труды ранее упомянутых исследователей. В частности, в 2003 г. переиздана книга первого ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты [58], В. Д. Круталевича [59], П. И. Бригадина [60]. В книге профессора П. И. Бригадина проведен не только глубокий анализ формирования белорусского этноса, существования государственных образований на землях Беларуси (Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая), особенностей вхождения белорусских земель в состав Российской империи, а также советского периода, но и отражена динамика развития политической и правовой системы Беларуси после обретения ею государственного суверенитета в 90-х гг. прошлого столетия, влияние процесса глобализации на развитие белорусского государства. Хотя это сделано в краткой форме, однако автор обозначил ключевые точки исторического развития Беларуси на современном этапе.

Все это позволяет составить целостную картину развития конституционного процесса на белорусских землях, который неотделим от исторического процесса развития белорусского народа и его государственности.

Список использованных источников

1. Татищев, В. Н. История Российская: в 6 т. – Т. 1–5 / В. Н. Татищев. – М. ; Л.: АН СССР (Ленингр. отд-ние), 1962–1968. – Т. 2. – 1963. – 352 с.; Т. 3. – 1964. – 333 с.
2. Иловайский, Д. Великий Новгород и Белоруссия / Д. Иловайский // Русский вестник. – 1864. – № 8. – С. 70–74.
3. Данилович, И. Взгляд на литовское законодательство и Литовские Статуты / И. Данилович // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. – М., 1841. – Т. 1. – С. 1–46.
4. Коялович, М. О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше / М. О. Коялович. – СПб., 1855. – 203 с.
5. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович ; новое изд., перераб. и доп. – СПб., 1884. – 349 с.
6. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права: лекции / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
7. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: опыт истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. – М., 1903. – 232 с.
8. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выд. Великому княжеству Литовскому и его областям / М. К. Любавский. – М.: Изд. о-ва ист. и Древней Рос., 1910. – 376 с.
9. Любавский, М. К. Основные моменты истории Белоруссии / М. К. Любавский. – М., 1918.
10. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия, Литовско-Русский совет и его сеймик / И. И. Лаппо. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1911. – 624 с.
11. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586) : Опыт исследования политического и общественного строя / И. И. Лаппо. – Т. 1. – СПб., 1901. – 780 с.
12. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков, 1902. – 205 с.
13. Малиновский, И. А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России. Ч. 1–2 / И. А. Малиновский. – Томск, 1903–1912. – Ч. 1. – 1903. – 201 с.; Ч. 2. Вып. 1. – 1904. – 201 с.; Ч. 2. – 1912. – 492 с.
14. Довнар-Запольский, М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Т. 1 / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1901. – 112 с.
15. Леонтович, Ф. Н. Спорные вопросы по истории русско-литовского права / Ф. Н. Леонтович. – СПб., 1893. – 58 с.
16. Леонтович, Ф. Н. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства / Ф. Н. Леонтович. – СПб., 1894. – 393 с.
17. Тарановский, Ф. В. Обзор памятников Магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи: ист. юрид. исслед. / Ф. В. Тарановский // Варшавские университетские известия. – 1897. – Кн. 7–9. – Варшава, 1897. – 201 с.
18. Любавский, М. К. Основные моменты истории Белоруссии / М. К. Любавский. – М., 1918.
19. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
20. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 191 с.
21. Доўнар-Запольскі, М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Гродна, 1919.

22. Лазутка, С. Статуты (1529, 1566, 1588 гг.), іх стваральнікі і эпоха / С. Лазутка // Край. Polonica. Albaruthenica. Lithuanica. – 2001. – № 1–2. – С. 98.
23. Белы, А. Хроніка Белай Русі. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы / А. Белы. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2000. – С. 193. – 238 с.
24. Пичета, В. И. Литовский Статут 1529 г. и его источники / В. И. Пичета; предисл. В. И. Королюка // Уч. зап. Ин-та славяновед. (АН СССР). – 1952. – Т. 5. – С. 253–358.
25. Юшков, С. В. История государства и права СССР / С. В. Юшков. – М., 1940.
26. История государства и права СССР/ под ред. К. А. Софроненко. – М., 1967.
27. Юхо, Я. Статуты Вялікага княства Літоўскага / Я. Юхо // Польша. – 1966. – № 11.
28. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. – Мінск: АН БССР, 1960.
29. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
30. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 208 с.
31. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: полацкі і новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 366 с.
32. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд. Гіст. дасл. / М. Ермаловіч. – Мінск: Выд. цэнтр “Бацькаўшчына”: МП “Бяседа”, 1994. – 91 с.
33. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2000. – 448 с.
34. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 1 / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаянка, Г. Ф. Штыхаў [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994. – 527 с.
35. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (IX – пачатак XX ст.): курс лекцый / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск, 1996. – 205 с.
36. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 319 с.
37. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.
38. Краўцэвіч, А. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага / А. Краўцэвіч. – Жешув, 2000. – 238 с.
39. Доўнар, Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т. І. Доўнар. – Мінск, 2000. – 224 с.
40. Доўнар, Т. І. Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду / Т. І. Доўнар. – Мінск: ІСЗ, 2001. – 312 с.
41. Доўнар, Т. І. Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па Статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг.): вучэб. дапам. / Т. І. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2001. – 84 с.
42. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі; пер. з рус. Т. М. Бутэвіч, Т. М. Кароткай, Е. П. Фешчанка. – Мінск: БелЭН, 1994. – 510 с.
43. Турук, Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения Белорусов / Ф. Турук; факсимильное изд. – М., Госиздат, 1921. – 141 с.
44. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. – Т. 1 (1917–1922 гг.). – Мінск: Бел НДІДАС, 1997. – 398 с.
45. СЗ БССР.– 1990.– № 18. – С. 267.
46. СЗ БССР.–1990.– № 22. – С. 450.
47. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1991. – № 12/14. – С. 129.
48. Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь.– 1991. – № 30. – С. 494.
49. Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь.– 1991. – № 33. – С. 603.
50. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. –1991. – № 28. – С. 426.
51. Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. –1991. – № 30. – С. 490.
52. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.–1991. – № 37. – С. 1082.
53. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Мінск: Беларусь, 1997. – 94 с.
54. Василевич, С. Г. Преамбула нормативного акта как отражение его содержания / С. Г. Василевич // Правовые проблемы обеспечения основных прав человека: сб. материалов круглого стола, посвящ. юбилею проф. Г. Б. Шишко (Минск, 4 сентября 2015 г.); М-во образования Респ. Беларусь; под общ. ред. Г. А. Василевича. – Мінск: Колорград, 2015. – С. 35–40.
55. Васілевіч, Г. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Г. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо. – Мінск: Права і эканоміка, 2001. – С. 3–4.
56. Чудаков, М. Ф. Белорусский конституционализм – два основных этапа / М. Ф. Чудаков // Система права и законодательства Республики Беларусь: состояние, перспективы развития: материалы респ. науч.-практ. конф.: в 2 ч., Гродно, 26–27 апреля 1999 г. – Ч. 1.–Гродно, 1999.
57. Василевич, Г. А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994 гг.) / Г. А. Василевич; Беларус. гос. ун-т. – Мінск: Право і эканоміка, 2014. – 308 с.
58. Пичета, В. И. История белорусского народа / В. И. Пичета; 6-е изд. – Мінск : Изд. центр БГУ, 2003. – 184 с.
59. Круталевич, В. А. Очерки истории государства и права Беларуси / В. А. Круталевич; под науч. ред. П. Г. Никитенко, Д. И. Широконова; 2-е изд.– Мінск: Право і эканоміка, 2009. – 522 с.
60. Брыгадзін, П. І. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: вуэб. дапам. / П.І. Брыгадзін. – Мінск: ДІКСТ БГУ, 2015. – 288 с.

References

1. Tatishchev V. N., *Istoriia Rossiiskaia: v 6 tomakh, T. 3* [Russian History: in 6 volumes, vol. 3], USSR (Leningrad Branch), Moscow, Leningrad, RU, 1964.
2. Ilovaiskii D., “Great Novgorod and Belarus”, *Russkii vestnik* [Russian Gazette], 1864, no. 8, pp. 70–74.
3. Danilovich I., “Look at the Lithuanian legislation and the Lithuanian Statute”, *Iuridicheskie zapiski, izdavaemye P. Redkinym* [Legal notes issued by P. Redkin] 1841, vol. 1, pp. 1–46.
4. Koialovich M. O., *Istoricheskoe issledovanie o Zapadnoi Rossii, sluzhashchie predisloviem k dokumentam, ob’iasniaiushchim istoriiu Zapadno-Russkogo kraia i ego otnosheniia k Rossii i Pol’she* [The historical study of Western Russia, serving a foreword to the document explaining the history of the West Russian region and its relations with Russia and Poland], SPb, RU, 1855.
5. Koyalovich M. O., *Lektsii po istorii Zapadnoi Rossii. Novoe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe s 1 izd. 1864 g.* [Lectures on the history of Western Russia. A new edition, revised and supplemented with 1 edition 1864], St. Petersburg, RU, 1884.
6. Vladimirkii-Budanov M. F., *Obzor istorii russkogo prava: Lektsii* [Review the history of Russian law: Lectures], Phoenix, Rostov-on-Don, RU, 1995.
7. Liubavskii M. K., *Litovsko-russkii seim: opyt istorii uchrezhdeniia v sviazi s vnutrennim stroem i vneshnei zhizn’iu gosudarstva* [Lithuanian-Russian Diet: Experience the history of the institution in connection with the internal structure and external life of the state], Moscow, RU, 1903.
8. Liubavskii M. K., *Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii vkluchitel’no. S prilozhenim teksta khartii, vyd. Velikomu kniazhestvu Litovskomu i ego oblastiam* [An outline of the history of the Lithuanian-Russian state to the Union of Lublin inclusive. With the text of the charter, ed. The Grand Duchy of Lithuania and its regions], Islands ist. and the ancient Rus, Moscow, RU, 1910.
9. Liubavskii M. K., *Osnovnye momenty istorii Belorussii* [Highlights of the history of Belarus], Moscow, RU, 1918.
10. Lappo I. I., *Velikoe kniazhestvo Litovskoe vo vtoroi polovine XVI stoletii, Litovsko-Russkii povet i ego seimik* [The Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 16th century, the Lithuanian-Russian poet and his seymic], type. C. Matthiessen, St. George’s, 1911.
11. Lappo I. I., *Velikoe kniazhestvo Litovskoe za vremia ot zakliuchenii Liublinskoi unii do smerti Stefana Batoriia (1569–1586), Opyt issledovaniia politicheskogo i obshchestvennogo stroia, T. 1* [Grand Duchy of Lithuania during the time of the conclusion of the Union of Lublin to the death of Stefan Batory (1569–586), research experience of political and social order, vol. 1], SPb, RU, 1901.
12. Maksimeiko N. A., *Seimy Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii 1569 g.* [The Seimas of the Lithuanian-Russian state to the Union of Lublin in 1569], Kharkiv, UA, 1902.
13. Malinovskii I. A., *Rada Velikogo kniazhestva Litovskogo v sviazi s boiarskoi dumoi drevnei Rossii. Ch. 1–2, Ch. 1* [Lithuanian Council of Lords in relation to the Boyar Duma of ancient Russia. Part 1–2, Part 1], Tomsk, RU, 1903.
14. Dovnar-Zapol’skii M. V., *Gosudarstvennoe khoziaistvo Velikogo kniazhestva Litovskogo pri Iagellonakh, T. 1* [State economy of the Grand Duchy of Lithuania at the Jagiellonian, Vol. 1], Kyiv, UA, 1901.
15. Leontovich F. N., *Spornye voprosy po istorii russko-litovskogo prava* [Controversial issues on the history of Russian-Lithuanian law], St. Petersburg, RU, 1893.
16. Leontovich F. N., *Ocherki istorii litovsko-russkogo prava. Obrazovanie territorii Litovskogo gosudarstva* [Essays on the History of the Lithuanian-Russian law. Education territory of the State of Lithuania], St. Petersburg, RU, 1894.
17. Taranovskii, F. V., “Review sites Magdeburg Law West Russian cities Lithuanian era: Historical legal research”, *Varshavskie universitetskie izvestiia* [Warsaw University News], 1897, vol. 7–9.
18. Liubavskii M. K., *Osnovnye momenty istorii Belorussii* [Highlights of the history of Belarus], Moscow, RU, 1918.
19. Lastovskii V. Iu., *Karotkaia gistoryia Belarusi* [A Brief History of Belarus], Universitetskoe, Minsk, BY, 1992.
20. Ignatoŭski, U. M., *Karotki narys gistoryi Beldarusi* [A brief sketch of the history of Belarus], 5nd ed., Belarus, Minsk, BY, 1991.
21. Doŭnar-Zapol’ski, M. V., *Asnovy dziazrzhajnstsi Belarusi* [The foundations of statehood of Belarus], Gorodnia, BY, 1919.
22. “Thus, the Lithuanian researcher Stanislav ON Lazutka in the work devoted to the status ON, published in 1994, wrote that the Belarusian researchers since 1960 sick “childhood disease of national ambitions,” and do not wish to name the statutes “Lithuanian Statute”. Op. By: Stanislav Lazutka. Statutes (1529, 1566, 1588) ix i stvaralniki era”, *Edge. Polonica. Albaruthenica. Lithuanica*, 2001, no. 1–2, p. 98.
23. Bely A., *Khronika Belai Rusi. Narys gistoryi adnoi geagrafichnai nazvy* [Chronicle of White Russia. Outline of the history of a place name], “Entsyklapedyks”, Minsk, BY, 2000.
24. Picheta V. I., “Lithuanian Statute of 1529 and its sources (with a preface Korolyuk VI)”, *Uchenye Zapiski Instituta slavianovedeniia AN SSSR* [Scientists Notes of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences], 1952, vol. 5, pp. 243–258.
25. Iushkov S. V., *Istoriia gosudarstva i prava SSSR* [History of the State and Law of the USSR], Moscow, RU, 1940.
26. Sofronenko K. A. (ed.), *Istoriia gosudarstva i prava SSSR* [History of the State and Law of the USSR], Moscow, RU, 1967.
27. Iukho Ia., “Statutes of Great Duchy of Lithuania”, *Polymia* [Flame], 1966, no. 11, pp. 125–137.

28. Iablonskis K. I. (ed.), *Statut Vialikaga kniastva Litoŭskaga 1529 g.* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529], AN BSSR, Minsk, BY, 1960.
29. Iukho Ia. A., *Karotki narys gistoryi dziazhavy i prava Belarusi: Vuchebny dapamozhnik* [A Short History of State and Law of Belarus: Textbook], Universitetskoe, Minsk, BY, 1992.
30. Iukho I., *Krynitsy belaruska-litoŭskaga prava* [Sources of the Belarusian-Lithuanian rights], Belarus', Minsk, BY, 1991.
31. Ermalovich M., *Starazhytnaia Belarus': polatski i novagorodski peryiady* [Ancient Belarus Polotsk and Novgorod periods], Mastatskaia litaratura, Minsk, BY, 1990.
32. Ermalovich M., *Starazhytnaia Belarus': Vilenski peryiad. Gist. dasl.* [Ancient Belarus: Vilna period. East. send.], vydavetski tsentr "Bats'kaŭshchyna": MP "Biasedz'", Minsk, BY, 1994.
33. Ermalovich M., *Belaruskaia dziazhava Vialikae kniastva Ditoŭskae* [Belarusian State Grand Duchy Ditovskae], "Bellitfond", Minsk, BY, 2000.
34. Kastsiuk M. P., Isaianka U. F., Shtykhaŭ G. F. and other, *Narysy historyi Bielarusi. U 2-ch., Ch. 1.* [Essays on the history of Belarus. At 2 h, Part 1], Belarus', Minsk, BY, 1994.
35. Vishneŭski A. F., *Gistoryia dziazhavy i prava Belarusi (IX – pach. XX st.): Kurs lektsyi* [History of State and Law of Belarus (IX – beginning the twentieth century): Lectures], Minsk, BY, 1996.
36. Vishneŭski A. F., *Gistoryia dziazhavy i prava Belarusi: Vuchebny dapamozhnik* [History of State and Law of Belarus: Textbook], Ekaperspektyva, Minsk, BY, 2000.
37. Saganovich, G. *Narys gistoryi Belarusi ad starazhytnastsi da kantsa KhVIII stagoddzia* [Sketch of the History of Belarus from antiquity to the end of the XVIII century], "Entsyklapedyks", Minsk, BY, 2001.
38. Kraŭtsevich A. *Stvarenne Vialikaga kniastva Litoŭskaga* [Creation of the Grand Duchy of Lithuania], Belaruskaia navuka, Rzeszow, PL, 2000.
39. Doŭnar T. I., *Razvitstse asnoŭnykh instytutaŭ gramadzianskaga i kraminal'naga prava Belarusi ŭ XV–XVI stagoddziakh* [The development of the basic institutions of civil and criminal law of Belarus in the XV–XVI centuries], "Propilei", Minsk, BY, 2000.
40. Doŭnar T. I., *Pomniki prava Belarusi feadal'naga peryiady* [Monuments of law in Belarus feudal period], Instytut Suchasnykh Vedaŭ, Minsk, BY, 2001.
41. Doŭnar T. I., *Kanstyututsyinae prava Belarusi feadal'naga peryiady (pa Statutakh Vialikaga kniastva Litoŭskaga 1529, 1566, 1588 gg.): Vuchebny dapamozhnik* [Constitutional law of Belarus feudal period (on the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529, 1566, 1588.): Textbook], BDU, Minsk, BY, 2001.
42. Doŭnar-Zapol'ski M. V., *Gistoryia Belarusi* [History of Belarus], BelEN, Minsk, BY, 1994.
43. Turuk F., *Belorusskoe dvizhenie. Ocherk istorii natsional'nogo i revoliutsionnogo dvizheniia Belorussov* [Belarusian Movement. Essay on the history of national and revolutionary movement in Belarus], Gosizdat, Moscow, RU, 1921.
44. *Zneshniaia palityka Belarusi: Zbornik dokumentaŭ i materialaŭ. T. 1 (1917–1922 gg.)* [Belarus' foreign policy: The collection of documents and materials, T. 1 (1917–1922 gg.)], Bel NDIDAS, Minsk, BY, 1997.
45. SZ BSSR, 1990, no. 18, p. 267.
46. SZ BSSR, 1990, no. 22, p. 450.
47. *Vedamasti Viarkhoŭnaga Saveta Belaruskai SSR* [Statements of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR], 1991, no. 12/14, p. 129.
48. *Vedamasti Viarkhoŭnaga Saveta Respubliki Belarus'* [Statements of the Supreme Soviet of the Republic of Belarus], 1991, no. 30, p. 494.
49. *Vedamasti Viarkhoŭnaga Saveta Respubliki Belarus'* [Statements of the Supreme Soviet of the Republic of Belarus], 1991, no. 33, p. 603.
50. *Vedamasti Viarkhoŭnaga Saveta Belaruskai SSR* [Statements of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR], 1991, no. 28, p. 426.
51. *Vedamasti Viarkhoŭnaga Saveta Respubliki Belarus'* [Statements of the Supreme Soviet of the Republic of Belarus], 1991, no. 30, p. 490.
52. *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR* [Statements of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR], 1991, no. 37, p. 1082.
53. *Konstitutsiia Respubliki Belarus' 1994 goda (s izmeneniiami i dopolneniiami). Priniata na respublikanskom referendumie 24 noiabria 1996 goda* [The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions). Adopted at the republican referendum on November 24, 1996], Belarus', Minsk, BY, 1997.
54. Vasilevich G. A. (ed.), *Pravovye problemy obespecheniia osnovnykh prav cheloveka: sbornik materialov kruglogo stola, posviashchennogo iubileiu professora Georgiia Borisovicha Shishko (Minsk, 4 sentyabria 2015)* [Legal problems of ensuring basic human rights: a compendium of the materials of the round table devoted to the jubilee of Professor Georgy Borisovich Shishko (Minsk, September 4, 2015)], Kolorgrad, Minsk, BY, 2015.
55. Vasilevich G. A., Doŭnar T. I., Iukho I. A., *Gistoryia kanstyututsyinae prava Belarusi* [The history of constitutional law in Belarus], VTAA Prava i ekanomika, Minsk, BY, 2001.
56. Chudakov M. F., "Belarusian constitutionalism - the two main stages", in Gushchin I. V. (ed.), *Sistema prava i zakonodatel'stva Respubliki Belarus': sostoianie, perspektivy razvitiia: materialy resp. nauch.-prakt. konf., 26–27 apr. 1999 g., Grodno: v 2 ch. Ch. 1.* [The system of law and legislation of the Republic of Belarus: state, prospects for development: materials of Rep. Scientific-practical. Conf., 26–27 Apr. 1999, Grodno: at 2 pm Part 1], Grodno State University, Grodno, BY, 1999, pp. 239–242.

57. Vasilevich G. A., *Proekty Konstitutsii Respubliki Belarus': poisk optimal'noi modeli (1990–1994 gg.)* [Drafts of the Constitution of the Republic of Belarus: search for the optimal model (1990-1994)], Pravo i ekonomika, Minsk, BY, 2014.

58. Picheta V. I., *Istoriia belorusskogo naroda* [History of the Belarusian people], Izdatel'skii tsentr BGU, Minsk, BY, 2003.

59. Krutalevich V. A., *Ocherki istorii gosudarstva i prava Belarusi* [Essays on the history of state and law of Belarus], in Nikitenko P. G., Shirokanova D. I. (ed.), 2nd ed., Pravo i ekonomika, Minsk, BY, 2009.

60. Brygadzin P. I., *Gistoryia Belarusi ŷ kontekstse eŷrapeiskai tsyvilizatsyi : vucheb. Dapamozhnik* [History of Belarus in the context of European civilization: a tutorial], DIKST BDU, Minsk, BY, 2015.

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – д-р юрид. наук, проф., зав. Кафедрой конституционного права. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail:gregory_1@tut.by.

Чудаков Михаил Филиппович – д-р юрид. наук, проф. кафедры международного права. Международный университет «МИТСО» (ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099, Минск, Республика Беларусь). E-mail:Chudakov49@mail.ru.

Для цитирования

Василевич, Г. А. Конституционный процесс в Беларуси (история и современность) / Г. А. Василевич, Чудаков М. Ф. // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманит. наук. – 2017. – № 2. – С. 106–121.

Information about the author

Vasilevich Grigoriy Alekseyevich, D. Sc. (Law), Full Professor, Head of the Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by.

Chudakov Mikhail Filipovich, D. Sc. (Law), Full Professor, a former Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, Professor of the International University “MITSO” (21, Bldg 3, Kazinca Str., Minsk 220099, Belarus). E-mail:Chudakov49@mail.ru.

For citation

Vasilevich G. A., Chudakov M. F. CONSTITUTIONAL PROCESS IN BELARUS (History and the Present). Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2017, no. 2, pp. 106–121.

Д. Г. Михайленко

Національний університет «Одеська юридическа академія», Одеса, Україна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ – ПРИОРИТЕТНЫЙ ФАКТОР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Исследуется фактор политической воли через призму криминологических представлений о коррупции. В общем виде определяются препятствия на пути к формированию и реализации такой политической воли в Украине. Обосновывается утверждение, что неэффективность действующей формации механизма уголовно-правового противодействия коррупции в Украине связана с тем, что приведение его в действие по каждому отдельному коррупционному преступлению зависит от наличия, отсутствия или нейтральности фактора политической воли высшего руководства государства, препятствиями в формировании и реализации которого являются свойства институционализированной коррупции в Украине. На основании обобщения свойств коррупционных преступлений объясняется их повышенная опасность в Украине. Предлагаются пути совершенствования механизма уголовно-правового противодействия коррупции в Украине.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, фактор политической воли, политическая ответственность, институционализация коррупции, коррупционные сети, уголовный иск.

D. G. Mykhailenko

Odessa Academy of Law, Odessa, Ukraine

POLITICAL WILL AS THE PRIMARY FACTOR IN COMBATING CORRUPTION THROUGH CRIMINAL ACTION

The article investigates the factor of political will through the prism of criminological concepts of corruption. The article discusses in general terms the obstacles to the formation and implementation of such political will in Ukraine. The author argues in favour of the statement that the ineffectiveness of the existing formation of the mechanism of penal counteraction against corruption in Ukraine is due to the fact that bringing it into effect for every single corruption crime depends on the presence, absence or neutrality of the factor of the country leadership's political will, with the properties of institutionalized corruption in Ukraine being the obstacles to the development and implementation of such a will. The increased danger of corruption crimes in Ukraine is explained on the basis of generalization of their properties. The ways of improving the mechanism of penal counteraction against corruption in Ukraine are suggested.

Keywords: corruption, corruption crimes, factor of political will, political responsibility, institutionalization of corruption, corruption networks, criminal lawsuit.

Социальная обусловленность правовых норм как соответствие, адекватность права регулируемым общественным отношениям, его способность отражать объективные потребности общественной жизни, прежде всего, предполагает установление такой модели правового регулирования и ее компонентов, которые эффективно выполняли бы возложенные на них задачи: оптимально регулировали поведение людей, отвечающее интересам единственного источника власти в Украине – украинского народа, утверждали и обеспечивали права и свободы человека. При этом такая модель должна одновременно соответствовать высоким стандартам правового государства, а также постулатам естественного права, которые, в частности, признаны и сформулированы в правовой системе в виде основополагающих принципов и установок.

В этом аспекте действующий механизм уголовно-правового противодействия коррупции в Украине за долгое время своего существования подтвердил неадекватность тем правоотношениям, охранять которые является его назначением, а также показал, что не способен отображать объективные потребности общества, поскольку никак не приспособлен для борьбы против институционализированной коррупции. Такой вывод обосновывается, во-первых, высокой латентностью коррупционных преступлений в Украине (выше 95%), что, как известно, во многом зависит и от того, на основании каких норм осуществляется уголовное преследование. Во-

вторых, неизменностью показателей реального состояния правоохранительной активности государства, согласно которым удельный вес преступлений в сфере служебной деятельности в структуре преступности Украины, по данным официальной статистики, не зависит от многочисленных изменений в УК Украины, которые проходят в рамках реформы антикоррупционного законодательства, и ежегодно традиционно составляет примерно 3%.

В такой ситуации находит подтверждение и конкретизируется наблюдение профессора В. А. Тулякова [1, с. 163–164], что, в частности, глобальные и региональные политические, социальные и культурные дисбалансы и конфликты влияют на правовую материю, дезорганизуют ее. При этом стабильная по сути уголовно-правовая форма (в этом случае – действующий механизм уголовно-правового противодействия коррупции) диссонирует с развивающимися общественными отношениями и процессами и, как следствие, возникают околоправовые формы уголовно-правового реагирования и контроля, а также создается транзитивное уголовное право. К этому следует добавить, что в рамках обозначенного явления наиболее опасные социальные конфликты выводятся из поля арбитражирования уголовного права, а это делает их непрогнозируемыми как по течению, так и по последствиям.

В том числе указанное выше предопределяет необходимость искать основу фактической недейственности существующего механизма уголовно-правового противодействия коррупции в Украине. Ценность такого знания заключается в том, что оно позволит трансформировать нормы Уголовного закона таким образом, чтобы они превратились в эффективные инструменты борьбы с институционализированной коррупцией. Приведенное выше в общих чертах раскрывает *актуальность этой работы* и одновременно показывает ее *цель*.

Вместе с тем очевидно, что достичь указанной цели невозможно на основе использования в уголовно-правовых исследованиях исключительно догматического метода, который теряет свой познавательный заряд пропорционально тому, какой промежуток времени действует в практически неизменном виде тот или иной нормативный массив. Особенно это касается норм, регламентирующих уголовную ответственность за коррупционные преступления в Украине.

В качестве *гипотезы этого этапа научного исследования* выдвигается утверждение, что неэффективность действующей формации механизма уголовно-правового противодействия коррупции в Украине связана с тем, что приведение его в действие по каждому отдельному коррупционному преступлению зависит от наличия, отсутствия или нейтральности фактора политической воли высшего руководства государства, препятствиями в формировании и реализации которой являются свойства институционализированной коррупции.

Фактор политической воли через призму криминологических представлений о коррупции. Отдельные аспекты проблематики фактора политической воли в контексте антикоррупционного законодательства в юриспруденции раскрывались, в частности, в научных работах В. Н. Дремина, В. В. Лунеева, Н. И. Мельника. Как отмечается в научном исследовании [2], одной из основных составляющих противодействия коррупции является политическая воля политического руководства государства. Именно политическая воля определяет содержание, а через это и эффективность других основных элементов противодействия коррупции, т. е. эффективность противодействия коррупции в целом. Под политической волей понимаются истинные намерения политического руководства страны реально противостоять коррупции во всех ее проявлениях и на всех уровнях государственной власти [2, с. 11]. В научной работе [3] профессор Н. И. Мельник пришел к еще более категоричному выводу, что для Украины, как, собственно, и в отношении большинства постсоветских стран, политическая воля является решающим фактором эффективного противодействия коррупции, который определяет содержание, а значит, и эффективность двух других факторов – антикоррупционного законодательства и деятельности правоохранительных органов [3, с. 82; 4]. Исследование антикоррупционных стратегий Сингапура, Италии и Грузии [5, с. 135] показало, что основой таких стратегий являлась сильная политическая воля высшего руководства государства к борьбе с коррупцией. Учитывая объемы коррупции в Украине и реальность практик противодействия ей, которые часто приобретают черты избирательности, закономерным является вывод профессора В. Н. Дремина, что именно политической воли не хватает руководству Украины и это обуславливает низкий уровень доверия населения к органам государственной власти

и управления [6, с. 424; 7, с. 123]. Такую же точку зрения выдвигает и профессор В. В. Лунеев, который отмечает, что у нас есть много для более эффективной борьбы с коррупцией, но нет главного – политической воли, а без нее все интеллектуальные потуги тщетны [8, с. 105].

Важность фактора политической воли подтверждена также политологическими исследованиями [9, с. 25; 10, с. 6] коррупции в постсоциалистических странах, где он расценивается как стартовое условие антикоррупционных стратегий или как детерминанта коррупции.

В этом контексте интересны наблюдения Шарля-Луи де Монтескье, который отмечал: «Трудно допустить, чтобы ниже были честные там, где большинство высших лиц в государстве люди бесчестные, чтобы одни были мошенниками, а другие довольствовались ролью обманутых простаков» [11].

С учетом изложенного очевидно, что снижение уровня коррупции во всех сферах управления напрямую зависит (возможно, это даже прямо пропорциональная зависимость) от снижения уровня этого явления в высших эшелонах власти. При этом эффективное функционирование существующего механизма уголовно-правового противодействия коррупции в Украине невозможно без политической воли высшего руководства государства реально противостоять этой угрозе национальной безопасности. Сам же этот механизм по своей сути является таким, что приводится в действие исключительно при наличии волеизъявления высших должностных лиц государства, коррупция среди которых и является наиболее опасной для общества. Именно поэтому предотвращение коррупции в высших эшелонах власти является предпосылкой разрушения коррупционных сетей низшего уровня и искоренения несистемных проявлений коррупционных правонарушений отдельных лиц, а также эффективной работы правоохранительной системы в направлении противодействия коррупционным деяниям. Указанное дополнительно демонстрирует важность преодоления действия фактора политической воли в антикоррупционной деятельности в Украине.

Вместе с тем раскрытие значения фактора политической свободы в контексте антикоррупционной деятельности государства в научных работах не находит не только логического продолжения в виде предложений по его устранению, формированию или нивелированию, но и не раскрываются процессы, которые поддерживают такое положение вещей. В связи с этим ниже будет сделана попытка очертить направления решения указанных пробелов в науке.

Политическая воля противодействовать коррупции и препятствия для ее формирования и реализации в Украине. Значительным недостатком, который существенно снижает возможности формирования и реализации политической воли противодействовать коррупции, является то, что отсутствие намерений политического руководства страны реально бороться с коррупцией во всех ее проявлениях и на всех уровнях государственной власти фактически может повлечь только его политическую ответственность перед избирателями, а не другие неблагоприятные последствия. Отсутствие политической воли выполнять обещания перед электоратом, в том числе и по противодействию коррупции (что, как показали события 2013–2014 гг., оценивается в современной Украине наиболее отрицательно), обуславливает развитие разного рода электоральных манипуляций, увеличение расходов на избирательные кампании и т. п., что позволяет таким чиновникам избегать политической ответственности перед избирателями и блокировать кадровую ротацию в высших эшелонах власти.

В долгосрочной перспективе недейственность института политической ответственности приводит к реализации народом права на восстание, которое обосновано учеными как конституционный эквивалент права на необходимую оборону, крайнего средства (*ultima ratio*), к которому обращаются в случае невозможности эффективно защитить свои права с помощью других механизмов, реализуемых в условиях демократического режима [12]. Указанный процесс сопровождается социально-политическим противостоянием народа и делегитимированной власти и, как следствие, кризисными явлениями в ключевых сферах функционирования государства, что дополнительно подтверждает опасность коррупционной преступности для общества как преступности кризисного типа.

В Украине наблюдается сопротивление реформированию антикоррупционного законодательства и внедрению эффективных институтов по противодействию коррупции. Так, успехи в принятии нового антикоррупционного законодательства являются следствием не политической воли власти, а рождением нового, не менее влиятельного субъекта политической воли –

гражданского общества. При этом независимые общественные эксперты, специализирующиеся на вопросах противодействия коррупции, пришли к выводу, что антикоррупционные нормативно-правовые акты в Украине принимались не через проактивную позицию носителей политической воли, а под давлением международного сообщества, гражданского общества, а также в контексте внеочередных парламентских выборов 26 октября 2014 г. [13, с. 26, 32]. Кроме этого, затягивание процедур формирования руководства и состава новых антикоррупционных органов, сложность прохождения в Верховной Раде Украины вопросов компетенции и квот действующих властных субъектов в конкурсных процедурах по комплектованию указанных органов дополнительно подтверждают неготовность власти вести активное противодействие коррупции и вскрывают ранее латентное сопротивление этому процессу, которое существовало и существует в украинской политике.

В этом аспекте следует обратить внимание, что коррупция коренится в самом способе функционирования власти [14, с. 77], а это дополнительно подтверждает то, что сложно надеяться на формирование политической воли противодействовать этому явлению в рамках самой власти. В подтверждение этого в политологии обосновано, что само по себе государство не может победить коррупцию, поскольку его структуры и органы являются главными носителями этого феномена, его средой, оно не может бороться само с собой [15, с. 27]. Таким образом, бороться с коррупцией силами коррупционеров бессмысленно [16, с. 8].

Здесь очевидно, что борьба с коррупцией силами субъектов (акторы публичной власти), которые не заинтересованы в достижении поставленной цели (существенное снижение коррупции, что означает существенное снижение доходов, хотя и преступных, таких субъектов), может в полной мере быть охарактеризована распространенным оксюморонами: «Пчелы против меда». Указанное еще в большей степени укрепляет выводы о фактической невозможности формирования политической воли только на основе внутренних ресурсов политической элиты государства.

При этом эффективное использование в Украине с целью избегания политической ответственности различных способов деформации волеизъявления избирателей свидетельствует о том, что изобретено значительное количество технологий, которые устраняют необходимость существования политической воли в высших эшелонах власти противодействовать коррупции. В то же время механизмы, которые косвенно стимулировали бы формирование такой политической воли, не используются, а уголовно-правовые конструкции, позволяющие противодействовать коррупции в условиях отсутствия политической воли на это у высшего руководства, в Украине не разработаны.

Вместе с тем проблему формирования указанной политической воли следует связывать также с рядом других факторов, которые разрозненно обоснованы в науке в рамках решения других проблем коррупционного поведения. Такие исследования проводятся не только в юриспруденции. Более того, представляется, что нормативные модели, выработанные в результате научных исследований в области права, должны основываться на знаниях о коррупции, которые получены, в частности, в философии, экономике, политологии, социологии, психологии, криминологии.

Между тем исследование влияния акцентированных выше факторов, выявленных в рамках различных отраслей науки, на процесс образования намерений политического руководства страны реально противостоять коррупции во всех ее проявлениях и на всех уровнях государственной власти и их аккумуляции показало, что наличие такой политической воли является важным, но не единственным условием, при котором может быть приведен в действие антикоррупционный механизм по отношению к институционализированной коррупции.

Отдельно проведенное научное исследование позволило сформулировать следующие выводы в контексте этой статьи.

1. Сущность распространенной в Украине коррупции подтверждает наличие особых свойств коррупционных преступлений, которые значительно повышают их общественную опасность по сравнению с другими преступными деяниями и такими же преступлениями, которые совершаются в странах с незначительным распространением коррупции: 1) причинение

коррупционными преступлениями прямых общественно опасных последствий в виде нарушения охраняемых нормами УК Украины об этих преступлениях общественных отношений, а также обязательных производных общественно опасных последствий широкому спектру других общественных отношений (приведенное свойство можно назвать «комплексная общественная опасность коррупционных преступлений», которая особенно ярко показана в фильме «Дурак» (Россия, 2014)); 2) чрезвычайно высокая латентность коррупционных преступлений; 3) институционализация практик совершения коррупционных преступлений; 4) совершение коррупционных преступлений в рамках коррупционных сетей, сокрытие отдельных действий и защита такими сетями субъектов указанных преступлений; 5) выполнение коррупцией функции обеспечения управляемости аппарата публичной власти, что необходимо субъектам, которые обязаны противодействовать коррупции, и поддерживается ими; 6) развитость технологий уклонения от политической ответственности, в том числе за совершенную или допущенную, но не наказанную коррупцию, а также за неосуществление реального противодействия ей, что существенно снижает мотивацию к антикоррупционной деятельности и тормозит процессы формирования политической воли для этого. Обозначенное создало почву для сокращения поощрительных норм и норм, дающих возможность суду смягчить уголовную ответственность за коррупцию, что в конечном счете привело в Украине к усилению жесткости уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления (соответствующие изменения в УК Украины были внесены Законом «О Национальном антикоррупционном бюро Украины» № 1698-VII от 14.10.2014 г. [17]).

2. На таком фоне основная причина неэффективности УК Украины заключается в том, что уголовно-правовое противодействие наиболее опасным коррупционным преступлениям осуществляется на основе норм, применение которых напрямую зависит от воли лиц, которые сами являются элементами коррупционных сетей. В связи с этим действующий УК Украины приспособлен для объективной борьбы только с низкой, эпизодической, децентрализованной и бытовой коррупцией. Против наиболее опасных типов коррупции с помощью существующих норм УК Украины и системы приведения их в действие можно вести только выборочное уголовное преследование. При этом следует обратить внимание, что формирование и реализация политической воли противодействовать коррупции в Украине зависят не только от субъектов такой воли, но и от ряда объективных факторов, которые изложены выше в пунктах 3–6, а также от воли теневой власти в лице крупных бизнес-структур, наличие и характеристики которой обоснованы в политологических исследованиях. Такая теневая власть не поддается ротации демократическими путями, является непубличной и имеет возможность напрямую влиять на наиболее важные решения официальных чиновников независимо от их политической принадлежности и в связи с этим быть латентным препятствием на пути реализации политической воли противодействовать коррупции. На указанных характеристиках коррупции основывается вывод, что в отдельных случаях и по отношению к отдельным проявлениям преступности (особо опасные преступления, противодействие которым существующими правовыми средствами не приводит к ощутимому снижению негативного их влияния на общество), к которой относится и коррупционная, целесообразным и необходимым является не отказ, а трансформация общепризнанных основ правовой системы. Это, в частности, касается необходимости прямой законодательной регламентации перераспределения бремени доказывания состава незаконного обогащения (в формуле ст. 20 Конвенции ООН против коррупции), что соответствует практике Европейского суда по правам человека и является пропорциональным, а также применения в Уголовном законе при формулировке антикоррупционных норм техники презумпций, которые должны опровергаться лицами, которые обоснованно подозреваются в коррупционных преступлениях.

3. С целью преодоления «фактора политической воли» в Украине необходимо включить в сферу противодействия коррупции системы, которые имеют мотивацию и волю реально противостоять коррупционерам и коррупционным сетям. В связи с этим эффективным является активизация институтов гражданского общества путем расширения возможностей использования ими ресурсов Уголовного закона. Центральное место в контексте последнего следует предоста-

вить уголовному иску о признании публичного служебного лица виновным, в частности, в незаконном обогащении (в формуле ст. 20 Конвенции ООН против коррупции) или декларировании недостоверной информации [18]. Указанный инструмент должен основываться на глубоком научном исследовании норм о незаконном обогащении и декларировании недостоверной информации с целью установления наиболее эффективных их моделей.

4. В контексте преодоления «фактора политической воли» отдельным направлением повышения эффективности антикоррупционного механизма государства также следует признать передачу правоохранительных функций по противодействию коррупции политической оппозиции, которая должна быть сформирована в соответствии с конституционными правилами и практиками, которые следует законодательно регламентировать. При этом власти должны иметь полномочия по принятию важнейших политических решений и по распоряжению национальными средствами и ресурсами, а оппозиция в это время должна иметь полномочия осуществлять антикоррупционную деятельность, в том числе в отношении высших должностных лиц государства через обособленные и независимые от других органов государственной власти правоохранительные органы.

Список использованных источников

1. Туляков, В. А. Транзитивное уголовное право / В. А. Туляков // Правові та інституційні механізми забезпечення сталого розвитку України: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (15–16 травня 2015 р., м. Одеса): у 2 т. Т. 2; відп. ред. М. В. Афанасьєва. – Одеса: Юрид. літ., 2015. – С. 163–166.
2. Мельник, М. І. Кримінологічні та кримінально-правові проблеми протидії корупції: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / М. І. Мельник; Нац. акад. внутр. справ України. – К., 2002. – 31 с.
3. Мельник, М. І. Корупція: сутність, поняття, заходи протидії / М. І. Мельник. – К.: Атака, 2001. – 304 с.
4. Мельник, Н. І. Коррупция и политика / Н. И. Мельник // Преступность и власть: материалы конф. – М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2000. – С. 21–23.
5. Папунина, Д. О. Антикоррупционные меры: зарубежный опыт / Д. О. Папунина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 3. – С. 133–136 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnyemy-zarubezhnyy-opyt>.
6. Дремін, В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества / В. Н. Дремін. – О.: Юрид. літ., 2009. – 616 с.
7. Дрьомін, В. М. Феноменологія корупційних практик / В. М. Дрьомін // Актуальні проблеми держави і права. – 2013. – Вип. 69. – С. 117–125.
8. Лунеев, В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет / В. В. Лунеев // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 104–108.
9. Суворин, Э. В. Коррупция в постсоциалистических странах: сущность, особенности, стратегии противодействия (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Э. В. Суворин. – М., 2008. – 27 с.
10. Невмержицький, Є. В. Корупція як соціально-політичне явище: особливості проявів і механізми подолання в сучасній Україні: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02 / Є. В. Невмержицький; НАН України. Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. – К., 1999. – 19 с.
11. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье; сост., пер. и коммент. А. В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
12. Погребняк, С. П. Сопротивление угнетению. Восстание. Революция / С. П. Погребняк, Е. А. Уварова // Право і громадянське суспільство. – 2013. – № 2. – С. 4–61.
13. Альтернативний звіт з оцінки ефективності державної антикорупційної політики / Р. Г. Рябошапка [и др.]; заг. ред. А. В. Волошиної. – К., 2015. – 268 с.
14. Мирошниченко, Д. В. Рождение коррупции / Д. В. Мирошниченко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4 (20). – С. 74–77 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-korruptsii>.
15. Невмержицький, Є. В. Корупція як соціально-політичний феномен: автореф. дис. ... д-ра політ. наук: 23.00.02 / Є. В. Невмержицький; НАН України, Ін-т політ. і етнонац. дослідж. ім. І. Ф. Кураса. – К., 2009. – 34 с.
16. Моисеев, В. В. Противодействие коррупции в современной России / В. В. Моисеев, В. Н. Прокуратов. – Орел: АПЛИТ, 2012. – 428 с.
17. Про Національне антикорупційне бюро України: Закон України від 14.10.2014 року № 1698-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1698-18>.
18. Михайленко, Д. Г. Кримінальний позов як необхідний інструмент кримінально-правової протидії інституціоналізованій корупції / Д. Г. Михайленко // Порівняльно-аналітичне право. – 2015. – № 4. – С. 331–338 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pap.in.ua/4_2015/103.pdf.

References

1. Tuliakov V.A., “Transitive Criminal Law”, in Afanas'ev M.V. (ed.), *Pravovi ta institutsiini mekhanizmi zabezpechennia stalogo rozvitku Ukraïni: materiali Mizhnar. nauk.-prakt. konf. (15–16 travnia 2015 r., m. Odesa): u 2 t. T. 2 [Legal and institutional mechanisms for sustainable development of Ukraine: materials Intern. nauk. and practical. Conf. (15–16 May 2015, m. Odesa): 2 t. T. 2]*, Iurid. Literatura, Odessa, UA, 2015, pp. 163–166.
2. Mel'nik M.I., “Issues of Counteracting Corruption in Terms of Criminology and Criminal Law”, Abstract of D. Sc. Dissertation, Criminal law and criminology, Criminally-executive law, Nat. Acad. ext. Affairs of Ukraine, Kiev, UA, 2002.
3. Mel'nik M.I., *Koruptsiia: sutnist', poniattia, zakhodi protidii [Corruption: Essence, Concepts and Counteraction Measures]*, Ataka, Kiev, UA, 2001.
4. Mel'nik N.I., “Corruption and Politics”, “Prestupnost' i vlast'” (1–3 marta 2000 g., Moskva): materiali konferentsii [“Crime and power” (March 1–3, 2000, Moscow): conference materials], Ros. kriminologicheskaia assotsiatsiia, Moscow, RU, 2000, pp. 21–23.
5. Papunina D.O., “Measures against Corruption: Foreign Experience”, *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2012, no. 3, pp. 133–136, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnye-mery-zarubezhnyy-opyt>, (Accessed 15.05.2016).
6. Drem'in V.N., *Prestupnost' kak sotsial'naia praktika: institutsional'naia teoriia kriminalizatsii obshchestva [Crime as Social Practice: An Institutional Theory of Criminalizing the Society]*, Iuridicheskaiia literatura, Odessa, UA, 2009.
7. Dr'omin V.M., “The Phenomenology of Corruptive Practices”, *Aktual'ni problemi derzhavi i prava [Actual Problems of State and Law]*, 2013, no. 69, pp. 117–125.
8. Luneev V., “There is No Real Struggle against Corruption in Russia”, *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 2007, no. 5, pp. 104–108.
9. Suvorin E. V., “Corruption in Post-socialist Countries: Essence, Specifics, and Counteraction Strategies (a review in terms of political science)”, Abstract of Ph.D. dissertation, Political Institutes, processes and technologies, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, RU, 2008.
10. Nevmerzhits'kii Ė.V., “Corruption as a Socio-political Phenomenon: Specifics of Manifestation and Mechanisms for Overcoming in Contemporary Ukraine”, Abstract of Ph.D. dissertation, Political Institutes, processes and technologies, NAS of Ukraine. Institute of State and Law. V. M. Koretsky, Kiev, UA, 1999.
11. Montesquieu Sh. L., *O dukhe zakonov [L'Esprit des Lois]*, Translated by Mateshuk A.V., Mysl', Moscow, RU, 1999.
12. Pogrebniak S.P., “Resistance to Oppression. Uprising. Revolution”, *Pravo i gromadians'ke suspil'stvo [Right and Civil Society]*, 2013, no. 2, pp. 4–61.
13. Riaboshapka R.G., Khmara O.S., Kukharuk A.V., Khavroniuk M.I., Kalitenko O.V., *Al'ternativnii zvit z otsinki efektyvnosti derzhavnoi antikorrupsiinoi politiki [Alternative Report on the Effectiveness of the State Anti-corruption Policy]*, in Voloshina A.V. (ed.), Kiev, UA, 2015.
14. Miroshnichenko D.V., “The Birth of Corruption”, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 2011, no. 4 (20), pp. 74–77, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdienie-korrupsii>, (Accessed 15.05.2016).
15. Nevmerzhits'kii Ė.V., “Corruption as a Socio-political Phenomenon”, Abstract of D. Sc. Dissertation, Political Institutes, processes and technologies, NAS of Ukraine, Institute of flight. and etnonats. research them. Kuras, Kiev, UA, 2009.
16. Moiseev V.V., Prokuratov V.N., *Protivodeistvie korruptsii v sovremennoi Rossii [Counteracting Corruption in Contemporary Russia]*, APLIT, Eagle, RU, 2012.
17. “On the National Anti-corruption Office of Ukraine: Law No. 1698-VII dd. 14.10.2014”, available at: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1698-18>, (Accessed 15.05.2016).
18. Mikhailenko D.G., “Criminal Lawsuit as a Necessary Instrument of Criminal Counteraction against Institutional Corruption”, *Porivnial'no-analitchne pravo [Analytical Comparative Law]*, 2015, no. 4, pp. 331–338, available at: http://pap.in.ua/4_2015/103.pdf, (Accessed 15.05.2016).

Информация об авторе

Михайленко Дмитрий Григорьевич – канд. юрид. наук, доцент. Национальный университет «Одесская юридическая академия» (ул. Фонтанская, 23, 65009, Одесса, Украина). E-mail : mdg@ukr.net.

Information about the author

Mykhailenko Dmitry Grigoryevich, Ph. D. (Law), Associate Professor, Odessa Academy of Law (23 Fontanskaya Str., Odessa 65009, Ukraine). E-mail: mdg@ukr.net.

Для цитирования

Михайленко, Д. Г. Политическая воля – приоритетный фактор уголовно-правового противодействия коррупции / Д. Г. Михайленко // *Вест. Нац. акад. наук Білорусі. Сер. гуманіт. наук.* – 2017. – № 2. – С. 122–128.

For citation

Mykhailenko D. G. Political Will as the Primary Factor in Combating Corruption through Criminal Action. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series*, 2017, no. 2, pp. 122–128.